Краснодарский университет МВД России

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сборник научных статей

Краснодар
2018

УДК 340.12
ББК 67.3
В74

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
Л. В. Карнаушенко, доктор исторических наук, профессор (председатель);
И. В. Яблонский, кандидат исторических наук, доцент
(заместитель председателя);
Г. П. Курдюк, кандидат юридических наук, доцент
(ответственный секретарь);
Е. А. Вакарина, кандидат юридических наук, доцент;
Н. А. Шеуджен, кандидат исторических наук, доцент.

Вопросы государства и права : сборник научных статей / ред. кол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк, Е. А. Вакарина, Н. А. Шеуджен. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 258 с.

ISBN 978-5-9266-1409-8

Сборник содержит материалы по наиболее актуальным проблемам функционирования и развития государства и права, рассматриваемые с позиции современных научных подходов.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.12
ББК 67.3

ISBN 978-5-9266-1409-8

© Краснодарский университет
МВД России, 2018

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Система духовной культуры играет важную роль в обеспечении стабильности, целостности, предсказуемости существования и развития общества. Среди различных структурных элементов духовного мира значимое место занимают идеи и идеологии, которые, актуализируясь в индивидуальном, групповом и массовом сознании, оказывают серьезное влияние на социальные действия и взаимодействия. Еще Э. Дюркгейм в свое время указывал, чем опасны последствия аномии – своего рода духовно-нравственного кризиса, когда прежние социокультурные механизмы регулирования утрачивают свое значение, новые в силу различных причин еще не имеют достаточного потенциала, характеризуется негативными социальными последствиями[1]. В этой связи высокая значимость идеологических конструктов (как общетеоретических, так и специализированных, правовых) в социокультурной системе не вызывает сомнений. В условиях современного нестабильного российского общества весьма важное значение имеет правовая идеология, представляющая собой систематизированный комплекс правовых идей, доктрин, функционирующий в системе культуры. Основная проблема, связанная с высоким динамизмом социума, заключается в том, что в системе духовного производства все больший вес приобретают обыденные, случайные элементы, нежели научно-систематизированные. Между тем, правовая идеология принадлежит к числу именно институциональных элементов, связанных с научным мировоззрением. Как известно, усвоение подобных смысловых конструктов большинством населения представляет собой серьезную научную и управленческую проблему. Противоречия, связанные с дея-

[1] Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С.89-92.

тельностью институтов образования, семьи, массовой коммуникации лишь усугубляют ситуацию, дезориентируя немалую часть общества, особенно подрастающее поколение с его лабильным, несформировавшимся, парадоксальным сознанием.

Рассматривая правовую идеологию как интегральный элемент системы социокультурного регулирования социально-правовой сферы, следует обратить внимание на особенности конструирования понятийного научного аппарата. Необходимо отметить, что в научной литературе представлено множество вариантов интерпретации понятия «правовая идеология»; при этом исследователи до настоящего времени не пришли к более менее согласованному пониманию сути правовой идеологии.

По мнению А.Ф. Байкова, «правовая идеология представляет собой доминирующую в общественном сознании концепцию осмысления и интерпретации социального, экономического и политического бытия с точки зрения защищаемых интересов и целей социальных групп, классов, этнических общностей (наций, народностей и др.). Правовая идеология – это идея права, которая получила одобрение в обществе и закреплена в законе как защищенная ценность и защищенный интерес»[1].

Т.И. Акимова отмечает, что «правовая идеология выступает элементом национальной правовой системы, выражая ее сущность и социально-политическое содержание. Наличие в правовой идеологии фундаментальных юридических ценностей и достижений правовой культуры усиливает ее определяющую роль в выработке правосознания населения»[2].

В свою очередь В.Е. Толпыкин рассматривает правовую идеологию как «систему правовых идей, взглядов, теорий, в которых либо обосновывается необходимость определенных норм права, либо доказывается их неправомерность. Речь здесь идет не о различных, стихийно возникающих знаниях, а об их ценностной системе, дающей возможность проникнуть в сущность правовых явлений, раскрыть внутренний механизм правового регу-

---

[1] Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С.4.

[2] Акимова Т.И. Правовое сознание государственных гражданских служащих: теоретико-правовой анализ современных тенденций: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16-19.

лирования. На этом уровне формируется комплекс юридических наук, разрабатываются научно-практические рекомендации законодательным и правоприменительным органам»[1].

Как полагает В.А. Зайцева, правовая идеология представляет собой «целостную систему проникнутых сущностным единством идей, теорий, убеждений, понятий, отражающих социально оценочное отношение к праву»[2]. По мнению О.Г. Дозорцева, «правовая идеология концентрированно отражает основные достижения в области права и фиксированные формы желаемого правового будущего. Она выступает как ценностно-фиксированная модель правовой жизни и основных тенденций ее развития»[3].

Анализ содержательной сути различных определений правовой идеологии позволяет зафиксировать ряд ее индикаторов, имеющих важное значение в процессе адаптации норм права к сфере, прежде всего, обыденного, а не специализированного сознания. Одной из важных стратегических целей правовой идеологии выступает интерпретация сложных социально-правовых конструктов, адаптация теоретических концептуальных моделей для восприятия «обычным» человеком. Немаловажное значение имеет и научно обоснованная систематизация основных правовых учений с целью их ретрансляции на уровне массового, группового и индивидуального сознания. Именно в этом проявляются сильные стороны правовой идеологии.

В.А. Зайцева указывает, что «правовая идеология включает понимание, представление о праве и правовых явлениях в обществе, где и выражается отношение к действующему законодательству как личности, так и государства. Показатели правовой идеологии разнообразны – от самых примитивных, поверхностных, до научно-теоретических. Особое место в обосновании необходимости правовой идеологии занимает юридическая наука. Она исследует и представляет развитие правовой жизни

---

[1] Толпыкин В.Е. Правосознание как социокультурный феномен // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С.127-132.

[2] Зайцева В.А. Правовая идеология и правосознание // Вестник ТИСБИ. 2014. № 3. С. 198-203.

[3] Дозорцев О.Г. Правовая идеология: проблемы понимания. URL:// http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/10/08a.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

общества, осуществляет анализ современной правовой ситуации, в зависимости от проводимой в обществе правовой идеологии»[1].

Следует заметить, что правовая идеология должна отражать основные аспекты правовой сферы и фиксировать формы будущего состояния права в социуме. Она определяется как ценностно-нормативная модель правовых отношений и наиболее значимых тенденций развития правовой жизни. Однако подобная функциональная специфика правовой идеологии предполагает достаточно сложную, многоуровневую структуру, что, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на научный и научно-управленский анализ этой предметной области.

В настоящее время весьма перспективны исследования структурных элементов правовой идеологии. Как полагает А.И. Клименко, «наиболее актуальными представляются следующие контексты исследования структуры правовой идеологии: как специфики построения сегментов правовой идеологии и характера их взаимосвязи, как структуры идеолого-правового дискурса, как структуры организации содержания и как структуры механизма функционирования. Такое исследование правовой идеологии с учетом ее сложной, многоуровневой организации способно дать адекватное представление об этом столь существенном для современного общества явлении»[2].

Т.И. Акимова определяет уровни правовой идеологии в зависимости от степени концептуализации правовых идей и отмечает содержательную ценность уровня правовых представлений, юридических идей, а также практико-ориентированного уровня[3]. С точки зрения исследователя, особенностями правовой идеологии, таким образом, можно считать органичное сочетание общетеоретического и практического уровней социально-правовой науки. Подобная смысловая конструкция особенно важна для ретрансляции основных смыслов правовой идеологии на уровень обыденного сознания.

---

[1] Зайцева В.А. Правовая идеология и правосознание // Вестник ТИСБИ. 2014. № 3. С. 198-203.

[2] Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С.13-14.

[3] Акимова Т.И. Правовое сознание государственных гражданских служащих: теоретико-правовой анализ современных тенденций: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16-19.

Как полагает А.А. Беседин, «правовая идеология включает в себя систему правовых идей, механизм интерпретации этих идей, а также систему государственных и общественных институтов – внедряющих положения правовой идеологии в правосознание»[1]. По справедливому замечанию автора, правовая идеология представляет собой не только общетеоретическое постулирование определенных правовых идей, но и, едва ли не самое главное, их смысловой перевод для менее подготовленной аудитории, у которой, однако, имеются выраженные потребности и ожидания относительно данной сферы репрезентации научных концепций.

Весьма перспективным в настоящее время можно признать и исследование функционального репертуара правовой идеологии. Следует заметить, что в данном аспекте оценки правовой идеологии среди исследователей также не наблюдается единства. Положение осложняется междисциплинарным характером исследования и, зачастую, проявляющимся конфликтом теоретико-методологических подходов различных наук.

По мнению А.И. Клименко, «следует различать, с одной стороны, сущностные функции правовой идеологии, которые имеют собственно правовой характер, являясь для правовой идеологии специфическими, а с другой – природные функции правовой идеологии, которые носят квазиправовой характер и свойственны идеологии вообще»[2]. Именно взаимодействие и взаимовлияние как общих, так и специализированных функций правовой идеологии формирует содержательную суть еще одной актуальной социальной проблемы.

С точки зрения А.Ф. Байкова, «к функциям правовой идеологии следует отнести: регулятивную, функцию формирования определенного образа окружающей правовой действительности, функцию формирования правосознания в соответствии с содержанием правовой идеологии. Их совокупное действие позволяет говорить об общем влиянии правовой идеологии на общественные отношения в любом типе общества»[3].

---

[1] Беседин А.А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С.3-5.

[2] Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С.13-14.

[3] Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С.6.

Как полагает А.А. Беседин, «функции правовой идеологии по отношению к индивидуальному и общественному правосознанию имеют универсальный характер. Следует выделить онтологическую, гносеологическую и аксиологическую функции, которые имеют соответствующие подфункции. По отношению к общественному правосознанию роль правовой идеологии в наиболее общем виде заключается в формировании духовной сферы общественного правосознания. В отношении индивидуального правосознания правовая идеология формирует правовое мировоззрение индивида»[1].

Обзор различных научных представлений о функциях правовой идеологии демонстрирует значительный разброс мнений исследователей, что свидетельствует о поливариантности и многоуровневости исследуемого феномена. Становится очевидным, что функции правовой идеологии локализуются как на социетальном, так и на микроуровне социальной реальности, проникая в основные сферы и подсистемы общества.

Исследователи следующим образом систематизируют функции правовой идеологии:

– познавательная функция заключается в передаче общественным субъектам определенной суммы юридических знаний, являющихся результатом интеллектуальной деятельности.

– регулятивная функция осуществляется посредством правовых установок и ценностно-правовых ориентаций, синтезирующих в себе все иные источники правовой активности, и заключается в руководстве общественными взаимоотношениями.

– прогностическая функция (моделирования) состоит в формировании определенных моделей (правил) поведения, которые оцениваются правосознанием как должные, социально необходимые. Она заключается в предвидении того, какие нормы нужно применять и каким образом поступать, чтобы закрепленные в них права и обязанности эффективно регулировали общественные отношения[2].

Современные российские исследователи указывают на ряд актуальных проблем, связанных с функционированием правовой

[1] Беседин А.А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С.7.

[2] Зайцева В.А. Правовая идеология и правосознание // Вестник ТИСБИ. 2014. № 3. С. 198-203.

идеологии. Р.С. Байниязов обращает внимание на «нехватку целостно выраженной общенациональной правовой идеологии, что болезненно ощущается на всем правовом пространстве России. Это, в частности, в значительной мере проявляется в его фрагментарном характере, слабости юридических начал в организации федерализма, неуважительном отношении как в центре, так и в регионах к федеральным, региональным, муниципальным правовым нормам и т.п.».[1]

Ряд авторов обращает внимание на затрудненную реализацию многих функций правовой идеологии в современном российском обществе. К числу основных факторов, препятствующих успешному функционированию правовой идеологии в настоящее время, исследователи относят социокультурный кризис, противоречивое состояние системы духовной культуры, непосредственно связанной с правовой идеологией.

Как справедливо отмечают ученые, «успех или неуспех любой социальной идеологии, в том числе и правовой, в огромной мере зависит от ее связанности с культурными основами жизнедеятельности народа и социума. Ведь она обращена непосредственно к обществу, живет в заданном культурном пространстве, имеющем собственные традиции, обычаи, привычки, стереотипы, образы восприятия, оценки, чувствования социальной действительности. Правоидеологические принципы и положения важно согласовать с культурным духом общества, не нарушая при этом социокультурную матрицу».[2] Однако взаимосвязь социокультурной и социально-правовой ситуации накладывает серьезный отпечаток на функционирование правовой идеологии.

В условиях общества начала XXI в. достаточно остро проявляется и проблема информационного обеспечения функционирования правовой идеологии в системе духовной культуры. Правовая идеология не может эффективно функционировать в информационном вакууме или в ситуации, когда общее качество социальной информации снижается. Одновременно в российском обществе наблюдается общий рост интенсивности коммуникативных потоков, вследствие чего усиливается информационная пере-

[1] Байниязов Р.С. Мировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии // Журнал российского права. 2001. № 11. С.46-52.

[2] Там же.

грузка сознания людей, еще более ухудшая восприятие сообщений аудиторией. В сложившихся условиях возможности трансляции правовой идеологии, особенно на сознание подрастающего поколения, выступающего основной целевой аудиторией правового воспитания и социализации, существенно ограничены. Стоит обратить внимание на актуальные социокультурные барьеры, связанные с наличием мифов, стереотипов, заблуждений, предрассудков и т.п. Интенсивно осваивая содержание массовой потребительской культуры, в том числе различные криминальные боевики, сериалы (создаваемые «творцами» современной индустрии культуры в погоне за прибылью), население достаточно глубоко интегрируется в мир криминальных идей, противоположных по своему содержанию правовому идеологическому фундаменту. Отсутствие доктринального идеологического, мировоззренческого ядра современного российского общества, которое могло бы лечь в основу воспитательного и социализационного процесса еще более усложняет положение. Следует также обратить внимание на формализованность, шаблонность принимаемых управленческих решений в отношении молодежи, а также отсутствие единого федерального закона о государственной молодежной политике. Подобное положение весьма негативно сказывается именно на функционировании правовой идеологии, так как этот социокультурный конструкт «настроен» особым образом, его характеристики достаточно сложны для усвоения обыденным сознанием, что предполагает создание особых помогающих условий, что в современной российской действительности зачастую не происходит.

Таким образом, состояние правовой идеологии российского общества можно в целом оценить как кризисное. Здесь нам видятся две основные причины сложившейся ситуации. Во-первых, снижение качества образования предполагает серьезное ухудшение и показателей интеллектуального уровня подрастающего поколения. Вступая во взрослую жизнь, становясь полноценными субъектами права, они зачастую не обладают необходимым багажом знаний, уровнем информированности, чтобы адекватно усваивать конструкты правовой идеологии. При этом кардинального улучшения ситуации в настоящее время ожидать не прихо-

диться, особенно с учетом ряда рискогенных макро- и микросоциальных факторов.

Во-вторых, нарастает криминализированность российского общества. Установки, ключевые идеи криминальной контркультуры активно проникают в медийное пространство, оказывая мощное деструктивное воздействие на широкие слои общества, прежде всего, подрастающее поколение. В сложившихся условиях позиции правовой идеологии, ее социальное влияние оказываются существенно ограниченными. Ситуация в целом осложняется и нарастающими тенденциями стихийного усвоения социально-правовой информации; здесь ключевую роль играет глобальная компьютерная сеть Интернет, численность пользователей которой устойчиво увеличивается с каждым годом. Функционирование правовой идеологии в российском обществе в настоящее время может рассматриваться как противоречивое, нестабильное, с ярко выраженными дисфункциональными аспектами, преодоление которых невозможно без глубоких социальных и социокультурных преобразований.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России;
Палазян Арутюн Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1990-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

Ситуация начала 1990-х г. характеризовалась действием разнообразных факторов, обладающих дисфункционально-дезорганизационным содержанием применительно к социальной системе в целом, включая и политико-правовую подсистему. В

этот период времени под влиянием сложных социально-экономических и социально-политических факторов, связанных с распадом СССР, обретением государственности Российской Федерацией, переходом от командной к рыночной экономике, от авторитарного к демократическому политическому режиму обострились проблемы недостаточно развитой конституционно-правовой культуры – как отдельных граждан, так и общества в целом.

Десятилетия тоталитарного политического режима, господства единой идеологии, активного применения насилия государством в отношении граждан (в том числе и неизбирательного, с целью посеять страх, что характерно именно для тоталитаризма) способствовали выработке в массовом сознании неправовых доминант, нигилистического отношения к праву. При возникновении конфликтов, глубоких противоречий не только обычные жители нашей страны, но и политики, бизнесмены, общественные деятели зачастую тяготели к использованию не инструментов права, а насилия как эффективного способа воздействия на противоборствующую сторону.

Так, в начале – середине 1990-х г. Россию захлестнула волна заказных убийств, жертвами которых стали многие видные деятели бизнеса, политики, культуры, журналистики. При этом спектр жертв, как и способы осуществления заказных убийств, вызывали настоящий шок у российских граждан, снижали доверие к государству и его правоохранительным органам и, в целом, способствовали генезису трагического мироощущения. В частности, известный журналист Д. Холодов[1] погиб в редакции от взрыва мины-ловушки; банкир И. Кивилиди[2] был уничтожен боевым отравляющим веществом; генеральный директор телеканала ОРТ В. Листьев[3] расстрелян в подъезде собственного дома; взрывное устройство было заложено даже в могиле ранее убитого лидера движения «афганцев» М. Лиходея на Котляковском кладбище (на

---

[1] https://www.mk.ru/social/2017/10/17/23-goda-nazad-byl-vzorvan-korrespondent-mk-dmitriy-kholodov.html (дата обращения: 20.05.2018).

[2] https://www.mk.ru/incident/2018/03/14/ob-istorii-otravleniya-predshestvennika-skripalya-kivelidi-rasskazal-advokat.html (дата обращения: 07.06.2018).

[3] Штин К.Н. Конституционно-политический кризис в России (1990-1993 г.): дис. … канд. истор. наук. М., 2006.

месте погибли 14 человек)[1]– так были варварски уничтожены руководители фонда инвалидов афганской войны. В центре Санкт-Петербурга были последовательно расстреляны вице-губернатор М. Маневич[2] и известный российский политик Г. Старовойтова[3]. Это лишь незначительный перечень резонансных заказных убийств, часть из которых не раскрыта до сих пор. Данный факт значительно снижает доверие граждан к государству, законам и, в целом, подрывает их веру в справедливость и правопорядок.

Вполне закономерно в 1990-х г. ухудшилась и общая криминогенная ситуация в стране, где организованные преступные группировки вели настоящие «войны» друг с другом – государство было не в силах прекратить подобные противоправные акты насилия. Усиливалась и криминализация сознания граждан, данный дискурс успешно проникал в сферу масс-медиа, индустрию культуры. Не удивительно, что и ведущие российские политики 1990-х г., включая президента Б.Н. Ельцина и вице-президента А.В. Руцкого, оказались не готовы действовать строго в правовом поле. Это привело к еще более серьезному удару по конституционно-правовой культуре российского общества – событиям 3-4 октября 1993 г. с силовым противостоянием различных ветвей государственной власти.

Анализируя социально-политическую обстановку, предшествовавшую кризису 1993 г., стоит обратить внимание не только на объективные обстоятельства, но и на субъективную сторону вопроса. Речь в данном аспекте идет о правовом менталитете россиян начала – середины 1990-х г. Данный социокультурный и социально-правовой конструкт характеризуется давней историей существования: его генезис проходил на протяжении веков под влиянием объективных и субъективных социально-исторических факторов.

Для российского правового менталитета характерно обесценивание правомерного поведения как следствие влияния исторических событий на своеобразную «культурную память» народа.

---

[1] https://www.pravda.ru/sport/cupper/18-11-2003/39599-kotlyakovo-0/ (дата обращения: 21.08.2018).

[2] https://www.newsru.com/crime/20mar2001/manevich_60.html (дата обращения: 01.03.2018).

[3] https://www.spb.kp.ru/daily/26429/3301354/ (дата обращения: 12.08.2018).

Кроме того, именно для российского правового менталитета характерно избирательное отношение к праву и скептическое отношение к действенности закона. Такой социокультурный конструкт как правовой менталитет оказывал в 1990-е г. существенное влияние на поведение людей, на их мотивацию к соблюдению норм права, на их восприятие, в том числе, и основного закона.

Как отмечает К.Н. Штин, «в ситуации развития кризиса в период декабрь 1991 г. – декабрь 1993 г. – в политической системе Российской Федерации произошло формирование двух центров власти в лице Верховного Совета, с одной стороны, и Президента РФ, с другой. Сложившаяся между ними конфронтация также, как и в СССР, вызвала усиление сепаратистских устремлений субъектов Российской Федерации. Завершение конституционно-политического кризиса связано с принятием Конституции России»[1].

Становится очевидным, что развитие конституционно-правовой культуры российского общества в начале 1990-х г. проходило в сложной обстановке сочетанного отрицательного воздействия ряда факторов. Знаковым позитивным событием стало принятие Конституции 1993 г., впервые в истории существования демократического государства на всенародном референдуме.

Как отмечают исследователи, «конституционный процесс сыграл важную роль в развитии демократических начал в России и являлся следствием эволюции политической системы, оказав влияние на все стороны жизнедеятельности российского общества и определив развитие страны на много лет вперед. Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, однако, до конца не решило всех конституционно-правовых проблем, в особенности проблем федеративного устройства России»[2].

Однако и после принятия Конституции продолжала сохраняться негативная инерция силового противостояния ветвей власти осенью 1993 г., с подчас непримиримой позицией политических противников. Как отмечает Н.И. Грачев, «спецификой кон-

---

[1] Штин К.Н. Конституционно-политический кризис в России (1990-1993 г.): дис. … канд. истор. наук. М., 2006. С. 16.

[2] Меркулов И.В. Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации:1990-1993 гг.: дис. … канд. истор. наук. Саратов, 2006. С. 4-6.

ституционного строительства, применительно к 1993 г., стало отсутствие общественного согласия по вопросу об основных принципах социально-экономического и политического строя, которые должна была закрепить новая Конституция… Ни в 1993 г., ни в последующие годы Конституция так и не стала формой достижения национального согласия»[1].

Сильной стороной российской Конституции в отличие от ее советских «предшественниц», стало то, что «основополагающие принципы общественного устройства новой России практически полностью были деидеологизированы, в отличие от ранее действующих конституций России социалистического типа. Отныне Российская Федерация провозглашалась демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. К числу основ конституционного строя было отнесено признание человека, его прав и свобод высшей ценностью»[2].

Вместе с тем и после данного, безусловно, знакового события для отечественного конституционализма, ситуация с конституционно-правовой культурой принципиально не улучшилась. Сложная обстановка сложилась как на макро-, так и на микроуровне российского социума того периода времени. Так, на локальном уровне наблюдалась криминализация массового сознания на фоне экономического, культурного и социального кризиса – уже на социетальном уровне. Это не позволяло сформулировать и воплотить идею нового «общественного договора», некоего социально-правового консенсуса власти и граждан. Экономические реформы начала 1990-х г. не принесли существенных позитивных эффектов – как для большинства простого населения, так и для государства в аспекте формирования среднего класса (обеспеченных людей с активной, самостоятельной жизненной позицией) – залога стабильности, надежной защиты от революционных потрясений. Именно удачные экономические реформы могли бы в 1990-е г. интегрировать большинство граждан в социальную жизнь, убедить их в правильности происходящих изменений, снизить градус социального напряжения. Как следствие, Россия

[1] Грачев Н.И. Конституция 1993 года и перспективы развития российского конституционализма // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. 2013. № 4. С. 42-46.

[2] Меркулов И.В. Разработка, обсуждение и принятие конституции Российской Федерации:1990-1993 гг.: дис. … канд. истор. наук. Саратов, 2006. С. 8.

могла бы безоговорочно пойти по пути становления и развития местного самоуправления, правового государства, гражданского общества и др. ценностей демократии, нашедших свое отражение в тексте Конституции 1993 г., но не всегда воплощавшихся в реальных повседневных действиях и взаимодействиях.

Ситуация в России, начиная с 1994 г., осложнилась войной в Чечне, чему во многом способствовала противоречивая, порой парадоксальная внутренняя политика президента Б.Н. Ельцина с его крылатым выражением, произнесенным 6 августа 1990 г. Тогда глава Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин заявил: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»[1].

Масштабные боевые действия в Чечне существенно осложнили не только социально-экономические преобразования в стране, но и оказали негативное влияние на формирование установок российского конституционализма, ценностей демократии, прав человека, плюрализма мнений. В условиях войны, обострившейся проблемы политического терроризма подобные установки постепенно отходили на второй план.

Существенной угрозой для молодого российского конституционализма стали выборы 1996 г., накануне которых ряд высших чиновников и руководителей силовых структур оказывали давление на Б.Н. Ельцина с целью введения особого положения и отмены (переноса) выборов (или иного противоречившего Конституции действия).

Анализируя генезис конституционно-правовой культуры россиян в 1990-е г., необходимо принимать во внимание ряд негативных процессов в различных сферах жизни общества:

– в политической сфере: противостояние ветвей власти, достигшее апогея в 1993 г., а также военный конфликт с руководством Чечни;

– в экономической сфере: многолетний кризис завершившийся дефолтом 1998 г, обесценившим сбережения россиян;

– в социальной сфере: сложная криминогенная обстановка на фоне снижения уровня жизни населения, роста безработицы, резкого социального расслоения;

[1] https://www.kommersant.ru/doc/3585452 (дата обращения: 12.03.2018).

– в духовной сфере: экспансия массовой культуры с ее культом потребления, низкопробной, зачастую агрессивной, продукцией, создающей эффект «дополнительной криминализации» массового сознания.

Все вышеперечисленные факторы ухудшали позиции конституционно-правовой культуры российского общества, драматизировали социальные отношения, придавали им статус «чрезвычайных», что мешало мирному, рациональному конституционно-правовому строительству.

Подводя некоторые итоги, целесообразно заметить, что развитие конституционно-правовой культуры российского общества 1990-х г. происходило под влиянием сформировавшегося у граждан правового менталитета. Вместе с тем, имел место и обратный процесс, так как ряд негативных факторов: укрепление позиций организованной преступности, коррупция на фоне острой борьбы за власть и недостаточно непродуманных социально-экономических преобразований изменяли в худшую сторону отношение людей к праву, искажали, деформировали восприятие социально-правовой действительности.

Период 1990-х г. оказал противоречивое влияние на развитие российской конституционно-правовой культуры. С одной стороны, очевидны позитивные изменения, главным из которых стало принятие на всенародном референдуме Конституции 1993 г. Кроме того, власть осуществляла преобразования, направленные на формирование основ демократического политического режима, правда, не всегда последовательные и порой весьма противоречивые. С другой стороны, именно в этот период времени обострились системные социальные проблемы и появились новые, ранее не известные острые противоречия, что оказывало дезорганизационное воздействие на социально-правовую систему. Неустойчивость власти, периодические политические кризисы создавали угрозу возврата к авторитарному или тоталитарному политическому режиму – во многом этого не произошло благодаря гражданской позиции первого президента РФ Б.Н. Ельцина, который в решающие моменты истории «не переступил грань», оставаясь в правовом демократическом поле. Его добровольная отставка с поста 31 декабря 1999 г. подвела итог политической карьере и позволила ему войти в историю в качестве де-

мократического политика, который пытался (хоть и не всегда удачно) осуществлять реформы, важной частью которых было и конституционно-правовое строительство.

Следует отметить, что инерция 1990-х г. применительно к конституционно-правовой культуре граждан России, а также и всего российского общества ощущается и в настоящее время. С учетом специфики российского правового менталитета, интегрировавшего в себе исторические особенности, в том числе развития права и конституционно-правового строительства, в последние годы обостряется проблема равнодушного или отрицательного отношения к Конституции – не только со стороны обычных граждан, но и представителей системы государственного управления, а также политиков, общественных деятелей, журналистов и др.

Опасной тенденцией, остро проявившейся именно в 1990-е гг., стало волюнтаристическое отношение к праву как инструменту политического противоборства, а также стремление к радикализации борьбы за власть. Подобные особенности российского правового менталитета связаны, в том числе и драматическими историческими событиями XIX – начала XX в., завершившихся революциями 1917 г. и Гражданской войной. Историческая память российского общества, накладываясь на события 1990-х г., сформировала особый конструкт правовой ментальности, связанный с избирательным отношением к праву, с желанием использовать право (в том числе и Конституцию) в своих целях. Возникает парадоксальная ситуация: если право противоречит собственным целевым установкам, многие люди предпочитают не обращать на него внимания. Именно в этом видится нам основная проблема современного состояния конституционно-правовой культуры российского общества, как и его правовой ментальности. Именно специфическое состояние правового менталитета создает дополнительные риски радикализации и экстремизации политической борьбы.

Ломакина Ирина Борисовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского институт
(филиал) Академии Генеральной
прокуратуры РФ

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ)

Вопрос о субъектах правовых отношений является одним из наиболее сложных в правоведении. Абстрагируемся от позитивистских гипотез, постулирующих, что субъектом права является лицо, наделенное государственно организованным правом определенными правомочиями и обязанностями), а также от естественно-правовых, декларирующих, что каждый человек является субъектом права ввиду того, что является носителем «разумных законов»; от психологических, усматривающих субъекта права в психическом мире императивно-атрибутивных переживаний, эмоций; исторических, утверждавших, что субъектом права является человек (персона), носитель «народных убеждений», «народного духа».

Из социальной обязанности и идеи солидарности выводил субъекта права Л. Дюги: «Правомочия субъекта принадлежат ему потому, – считал он, – что, будучи членом общества, субъект несет социальную обязанность и должен иметь право выполнить эту обязанность. Основания правовой нормы, обязательной для живущих в обществе людей, не следует искать в естественных, индивидуальных не погашаемых правах человека. Наоборот, лишь потому, что существует норма права, обязывающая всякого выполнять известную социальную роль, у каждого человека есть права, имеющие принципом и мерилом лежащую на нем миссию (миссию солидарности)».[1]

В своей работе «Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства» Л. Дюги критиковал юридическую конструкцию «субъективное право», как правомочие кол-

[1] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 21.

лективного и индивидуального субъекта.[1] И. А. Покровский на этот счет, замечал, что далеко идущие выводы Л. Дюги отрицают наличие самого субъекта права.[2]

Отрицание субъекта права достигло своего апогея в марксистском теоретико-правовом дискурсе. Отталкиваясь от идеологических концептов об отмирании права в коммунистическом обществе (так как право есть лишь возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями этого класса),[3] об упразднении «буржуазной личности», «буржуазной самостоятельности» и «буржуазной свободы»,[4] а также от ленинской идеи отрицания всего частного в общественной жизни, советские теоретики права последовательно, в той или иной форме, стали отвергать идею субъективных частных прав.[5]

Ни в коем случае не уменьшая значение индивидуальных субъективных прав ни в теории права, ни в правовой жизни, отметим, что вне зависимости от формы существования человека (в индивидуальном или коллективном аспекте) именно субъект права является источником права, всех правовых ролей, всего правопорядка в целом. Субъект права порождает правовую материю, облачающую в свои покровы наиболее значимые сферы социальной жизни и самого себя. В связи с этим абсолютно прав С.И. Архипов, полагающий, что цели субъекта лежат не только лишь во внешней сфере, в чисто практических отношениях. Для субъекта права как творца не менее важна сфера его внутреннего правового самоопределения.[6]

Наше исследование подтверждает, что право интерсубъективно и вообще без субъекта существовать не может. Поэтому субъект права как индивидуальное, так и как коллективное суще-

---

[1] Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / Пер. с франц. СПб., 1909. С. 4–13.

[2] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 108–110.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 243.

[4] Там же. С. 439.

[5] См., например: Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 184.

[6] Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 111.

ство (группа, общество) созидает самого себя, свой внутренний правовой мир, свое правочувствование, правовидение, правопонимание и проч.

Значит, не бывает бессубъектного права, как не бывает ничьих прав и обязанностей. Права и обязанности составляют принадлежность субъекта. Следовательно, без субъекта они существовать не могут, и право, и обязанность должны быть непременно чьими-нибудь.[1] Даже если они никак не проявляются, у вполне конкретного субъекта не означает их отсутствия.

А. В. Поляков и Е. В. Тимошина по этому поводу замечают, что право «живет» только в повседневном жизненном мире субъектов. «Этот мир является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Взаимопонимание человека с окружающими его людьми возможно лишь в пределах общего для него и для других (то есть интерсубъективного) жизненного мира, в котором происходит взаимодействие. Только в повседневном жизненном мире возможно конституирование общей среды коммуникации. Следовательно, жизненный мир повседневности есть особая реальность, свойственная лишь человеку. Но и право есть реальность, свойственная лишь человеку. Право, с одной стороны, есть антропогенная реальность (созданная человеком и существующая лишь в человеческой интерпретации), а с другой – независимая от него как от индивидуального социального субъекта».[2]

Индивидуальный субъект не может быть просто индивидом (пресловутым Робинзоном). Он всегда возвышается до некоей целокупности. Свое индивидуальное «Я» человек познает через другого, через других, через сопоставление себя с другими людьми в процессе осуществления коммуникации, диалога.

Э. Фромм на этот счет метко заметил, что «по сути, все человеческие существа тождественны. Мы все – часть одного, мы все суть одного. Мы все одно, и, тем не менее, каждый из нас – неповторимая, уникальная сущность. Это противоречие повторяется в наших взаимоотношениях с другими людьми».[3] Отсюда

---

[1] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 155.

[2] Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учебник. СПб., 2005. С. 101.

[3] Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 139–140.

амбивалентность прав и обязанностей индивида и коллектива по отношению друг к другу, в какой-то одной или нескольких частях, а также в целом. Отсюда прорисовываются два уровня обычно-правовых отношений: индивидуальный и коллективный.

Индивидуальный уровень предполагает наличие двух или нескольких индивидуальных (персонифицированных) субъектов в правоотношении, где одна сторона реализует свои права, а вторая удовлетворяет ее правомочия (обязанности). Однако здесь всегда интенционально присутствует общество, так как только оно «устанавливает» и «признает» правила в качестве общеобязательных, а значит, только оно вправе требовать исполнения соответствующих долженствований с тех, кто их нарушил. Разнообразие средств общественного принуждения зависит от уровня развития общества и права, его характера (типа) и проч.

Коллективный уровень предполагает наличие неперсонифицированных субъектов в правоотношениях, носителей коллективных прав и обязанностей и соответствующих коллективных интересов. Носителями коллективных интересов в родовом обществе были все субъекты обычно-правовых отношений, в том числе и индивиды, не персонифицирующие себя в качестве отдельного лица (персоны). Их правосубъектность, или праводееспособность определялась коллективом. Вид коллектива, его структура и форма организации отличались многообразием и изменчивостью и целиком определялись теми историческими условиями, в рамках которых этот коллектив функционировал.

Теоретический анализ демосоциальных (традиционных) структур сибирских народов показал, что формы организации первых социальных коллективов в процессе исторического развития не были статичными. Поэтому вопрос о том, какой коллектив доминировал в правоотношениях, если под доминантностью понимать ту социальную группу, в рамках которой осуществлялось правотворчество и правоприменение, является непростым. Доминантность субъекта правоотношения определяется и его социальным, и экономическим положением.

Социальное положение определялось соответствующим престижем группы (умением защищать себя от военной угрозы соседей, от враждебных стихийных природных явлений, умением качественно воспроизводить здоровое потомство и проч.). Эко-

номическая доминантность, Г. В. Мальцевым определялась так: «…главным субъектом правоотношений является тот коллектив, который выступает в данное время основной экономической ячейкой в рамках автономно функционирующей культуры».[1]

Генетически первым и основным субъектом правоотношений на заре человеческой истории были родовые коллективы (родовые общины), которые лишь в процессе исторического развития перешли к новому территориальному типу общности (территориальным общинам), удовлетворявшему уже новые потребности.[2] Лишь намного позже семья и индивид выделились из «родового тела» и приобрели относительно самостоятельный статус по отношению к коллективу и предкам, охраняющим это единство.

Поэтому не представляется бесспорной точка зрения Л. Крейдера о том, что монгольские и тюркские семьи изначально имели абсолютную правосубъектность.[3] Поскольку монгольские племена осуществляли основные виды хозяйственной деятельности сообща, например, коллективные охоты («зэгтэ аба») или военные походы, постольку их правосубъектность детерминировалась коллективом.

Стало быть, лишь в процессе оформления развитого скотоводческого хозяйства и трансформации родовых организаций в соседские общины статус семьи как относительно самостоятельной хозяйственной ячейки возрастал.

Справедливости ради следует отметить, что выводы Л. Крейдера могут найти эмпирическое подтверждение в социальной практике некоторых народов, например, Огненной Земли – алакалуфов.[4] У них, в силу скудности ресурсной базы и кочевого быта (они были рыболовами-кочевниками), экономической и правовой ячейкой была семья. Однако подобные примеры в истории встречаются редко. Поэтому представленная Л. Крейдером точка зрения вряд ли может претендовать на универсальность,

---

[1] Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999. С. 37.

[2] Service E. R. Origins of the State and Civilization. N. Y. 1975. P. 50–96.

[3] Krader L. Social Organization of the Mongol Turcic Pastoral Nomads. The Hague, 1963. P. 23–24.

[4] Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 163.

так как представляет скорее исключение из правила, чем само правило.

Родовая группа в демосоциальных обществах выступает преимущественным, «привилегированным», тотальным субъектом обычно-правовых отношений. Поэтому рассмотрение коллективного статуса субъекта правоотношения должно предшествовать рассмотрению статуса индивидуального субъекта, которому в условиях родового общества отводится незначительная, вспомогательная роль лица, осуществляющего в основном пользование коллективными правами, принадлежащими роду, клану, семье.

Этот вопрос в контексте обычно-правовых отношений является ключевым. А. И. Ковлер не без основания пишет: «Для чего мы углубились в такие теоретические дебри, казалось бы, далекие от юриспруденции? Очевидно, для того, чтобы подчеркнуть: наряду с признанием важнейшей роли семьи, рода, как регулятора жизни человека, мы должны все же признать и определяющую в конечном счете роль общинных структур в качестве института социализации человека и источника основного массива регулирующих бытие человека норм. Именно общинная организация … давала больше возможностей для развития индивидуальных черт в психологии и сознании человека».[1] И далее: «…у многих народов Сибири родовые отношения заменяются территориально-общинными лишь к концу XIX в. под влиянием русского торгового капитала, интенсивного роста имущественного расслоения».[2] По сей день именно «родовая община продолжает играть важную роль в общественной жизни многих народов, в частности народов Севера, независимо от того, хотят это признавать или нет федеральные чиновники и некоторые исследователи.[3]

Таким образом, признание за коренными народами особого правового статуса, отличного от статуса других народов, означает признание их права на традиционный образ жизни, в основе которого лежат этнические ценности, ценности свободы, заключающиеся в праве действовать в соответствии со своими этниче-

[1] Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. М., 2002. С. 144.
[2] Там же. С. 144–149.
[3] Там же.

скими интересами. Признание же этого права со стороны доминирующего общества является, с одной стороны, цивилизационной необходимостью, так как его непризнание ведет к уничтожению их культур и маргинализации населения, порождает социальные, политические, экономические и прочие проблемы; с другой стороны, обедняет мировую цивилизацию, так как их опыт, то есть опыт локальных цивилизаций, может быть актуализирован в связи с поиском стратегической линии мирового развития.

Ведь цивилизация – это не только модернизированный, а теперь уже и постмодернистский Запад и не мусульманский Восток, а матрица, аккумулирующая все культуры, в том числе и локальные традиционные (три четверти народов с самобытными культурами образуют современную цивилизацию). Решение сложных проблем современности невозможно без учета их своеобразной культуры и опыта их исторического развития.

Рассмотрим коллективный субъектный срез обычно-правовых отношений в традиционных сибирских обществах исторически, так как именно в этом срезе проявляется ярко выраженная групповая психология,[1] обусловившая неразделимое единство рода, позже – этноса, народа.

Родовая община по многим основаниям представляла собой вполне самодостаточный этносоциальный и этноправовой организм со своей экономикой, хозяйственным укладом, собственной соционормативной, в том числе и обычно-правовой системой, обычно-правовой культурой, сохранявшей свою уникальность и пересекающейся с другими культурами лишь в случае необходимости. По отношению к внешнему миру родовой коллектив выступал как «целостное тело» с внутренней организацией.

Внутренняя организация базировалась на началах солидарности, стало быть, враждебные действия (внутренний сепаратизм) и внешняя агрессия понимались коллективным родовым сознанием как покушение на отторжение части от целого. В мифологии это нашло отражение в концептах «коллективного увечья», «родовой боли» и проч.

[1] Allott A. African Law. An Introduction to Legal Systems. London., 1968. P. 78.

Правовая эмансипация индивида от коллектива («родового тела») на ранней ступени социогенеза была равносильна отделению от целого организма, его части. Семейные группы и индивиды мыслились как часть единого родового тела, представленного отдельными органами (руками, ногами, головой, туловищем и проч.). Функционирование каждого отдельно взятого органа невозможно без поддерживающей его организмической структуры (рода).

Внешние угрозы со стороны чужих коллективов по отношению к родовому коллективу мыслились как посягательства на жизнь каждого члена рода. Отсюда ликвидация агрессии понималась родовым сознанием в качестве уничтожения врага во имя сохранения «тела рода».

Этим объясняется пренебрежение членами рода индивидуалистическими правами, которые, по сути, и не представляли особой ценности в условиях, например, сурового (слишком холодного или жаркого) климата и малоэффективного присваивающего хозяйства.

Вряд ли в условиях родового быта какому-либо аборигену пришла бы в голову мысль о том, что у него мало свободы в западно-европейском (либеральном) ее понимании и надо любой ценой ее добыть, так как жизнь с такой свободой гораздо счастливее, чем без нее. В этой связи естественным средством, законом самосохранения являлся именно отказ от одних прав во имя обеспечения других, в частности права на жизнь в согласии с предками. Поэтому самыми страшными наказаниями были изгнание из рода и проклятие предков. Лишь вместе, коллективными усилиями можно было выжить в трудных условиях. Только род и обычное право рода обеспечивали главное право человека – право на жизнь, на свободу и равенство в их традиционном понимании.

Интересные на этот счет наблюдения высказал Ян Хогбин: «Аборигены Соломоновых островов говорят, что обязательства должны выполняться ради всей группы. Пренебрежение обязанностями ведет к расколу коллектива, утрате единства и способности сопротивления врагам. Опасность «раскола группы» – причина для того, чтобы люди уважали права друг друга и уступали

в ссорах, не доводя дело до крайности. Я даже слышал разговор о том, что ради общей гармонии некто должен примириться с нарушением его прав и не мстить».[1]

Социальная практика сибирских этносов показывает, что практически все обычно-правовые институты носили в родовом обществе коллективный характер. Потеря члена рода расценивалась коллективным сознанием как ущерб общеродового значения. Поэтому род имел право на отмщение. В том же случае, если отмщение не могло быть совершено немедленно, ввиду слабости рода или важных хозяйственных, промысловых дел, то обиженная сторона должна была смириться и ждать того часа, когда род найдет возможным его осуществить.

Например, основанием отмщения у эвенков были факты случайного убийства на промысле представителя другого рода; захват женщин во время отсутствия мужчин; неудачное сватовство; агрессия (например, захват мест переправ оленей через реки на время промысла, во время голода, то есть борьба за обладание промысловыми местами; многократное унижение члена рода одной из сторон).[2]

Большое значение в традиционном родовом обществе имел институт брака, так как, помимо функций продолжения рода (несмотря на то, что эта функция была конституирующей), этот институт имел политическую направленность. Объединенный брачными узами союз двух родов скреплялся одновременно договором дружбы («андой»), согласно которому обе стороны обязывались к сотрудничеству и взаимопомощи. Нарушение договорных обязательств расценивалось как оскорбление и влекло юридическую ответственность, вплоть до военного нападения. При заключении брачного договора буряты обычно говорили: «Выбрали мы тебя не потому, что ты богат, и не потому, что ты хороший человек, а потому, что твой род хороший и честный», и обязательно авторитетный член рода в подтверждение этого приводил пословицу: «Для ковки лучшее железо выбирай, для родства хорошую породу ищи».[3]

---

[1] Цит. по: Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 47.

[2] Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX века. М., 2001. С. 89.

[3] Петри Б. Э. Брачные нормы у северных бурят. Иркутск, 1924. С. 5–6.

Таким образом, семья и индивид были поглощены родом и вне родового коллектива рассматриваться не могли. Включенность индивидуального интереса в общеродовой не порождала дуализма сугубо индивидуального и коллективного. Даже рождение детей рассматривалось родовым сознанием как общее событие.

В традиционных патриархальных обществах в случаях развода супругов дети оставались в роду мужа. Тот же императив действовал в случае ухода вдовы. Например, если вдова уходила из рода в свою семью, в свой род она могла взять с собой одну дочь. В этом заключалось ее право «на материальное содержание в старости».

Если она уходила из рода мужа в чужой род и выходила там повторно замуж, то она лишалась права на обеспечение со стороны своих детей вообще. Кроме того, ее новый муж должен был выплатить за нее калым родственникам умершего мужа. Если жив отец первого мужа, получает калым он, если он умер, то получает старший брат, если брата нет, то калым получают родственники. В том же случае, если вдова оставалась в роду мужа, то она имела право на получение родовой помощи в работах, услугах и проч. Вновь же родившиеся дети признавались детьми умершего мужа даже в том случае, если их отец был известен.[1]

Очевидно, что род, будучи тотальным субъектом, в обычно-правовых отношениях имел преимущественные (абсолютные) права, что обусловливало его вмешательство во все жизненно важные процессы, в том числе и в процессы воспроизводства «тела рода». Род выступал главным субъектом в имущественных, политических, экономических, брачно-семейных, духовно-культурных и даже дружеских отношениях.

Д. Кочнев, исследователь соционормативной культуры якутов, писал, что «у якутов род имел право решать вопросы войны и мира, о переезде с одного места на другое, распределять добычу, женить своих молодых людей, потому что они считаются детьми рода, выдавать замуж девиц, наследовать после бездетной смерти одной из дочерей рода в чужом роде, создавать обычаи, вершить суд над теми, кто нарушает общий мир, и т. д. В обязан-

[1] Петри Б. Э. Указ. соч. С. 13.

ности рода входило осуществление инициации своих членов, обеспечение молодых людей, достигших зрелого возраста лошадью, оружием, платьем, известной должностью, новым именем. С этого момента молодой человек становился полноправным членом рода и вступал в ряды войска».[1]

Коллективная родовая правосубъектность проявлялась через институт субсидиарной ответственности. За правонарушение, совершенное членом рода, нес ответственность весь род. У монгольских племен этот институт получил название «яал», у тюркских – «кун», выкуп за кровь.

Как правило, у монгольских племен компенсация выражалась в четырехкратном размере и выплачивалась скотом. Четырехкратный размер «яала» символически обусловливался наличием четырех ног у лошади, коровы, овцы. «Яал» выплачивался родственниками единовременно. За убийство мужчины по бурятскому обычаю взыскивалось с рода виновного 66 голов скота, за убийство женщины – в два раза меньше.

У казахов, киргизов и других тюркских народов за убийство члена другого рода род «обидчика» выплачивал «кун»: за убийство мужчины – 1000 баранов, за убийство женщины – 500; за увечье – в зависимости от степени ущерба.[2] Выплата «яала» и «куна» отменяла кровную месть. Пока в обычном праве монгольских и тюркских народов не сложился институт индивидуальной ответственности, она ложилась на плечи родственников правонарушителя.

В правомочия родовой организации входило также и управление общим имуществом: промысловыми угодьями, землей, орудиями производства и проч. Род обязан был осуществлять передел земли между всеми своими членами. Передел земли осуществлялся на суглане (родовом собрании). Санкция родового собрания требовалась и на владение новыми «звероловными угодьями» и при передаче земельного участка во владение по наследству.[3]

---

[1] Кочнев Д. Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899. С. 55.

[2] Молдабаев С. С. Субъект преступления в обычном праве казахов // Правоведение. 2001. № 5. С. 179–188.

[3] Увачан В. В. Указ. соч. С. 82–83.

Единство родового сознания проявлялось и на всех уровнях равнообеспечивающего распределения с некоторыми преимуществами «почетных людей» («социальных инженеров»: старцев, лучших охотников, шаманов).

Доминирование родовой правосубъектности выражалось в правотворчестве и правоприменении, которые, по сути, были поддерживающими функциями родовой структуры.

Таким образом, именно род представлял своеобразный этносоциальный организм, основанный на универсальных родовых связях, поддерживаемых институциональной родовой культовой, обрядовой системой, укрепляющей родовое единство, выражающееся в его абсолютной правосубъектности.

Родовая организация являла пример экономического, политического, культурного, правового единства. Говорить серьезно о формировании индивидуальной свободы в рамках родовой организации нет никаких оснований. Жизнь этнических сообществ Сибири была определена жесткой экономической необходимостью «прокормиться» (а после присоединения к России еще и необходимостью уплатить земельную ренту, натуральным выражением которой был ясак, от своевременности и полноты исполнения которого зависела напрямую жизнь сибирских аборигенов).

Таким образом, исторически первым и практически тотальным субъектом обычно-правовых отношений в традиционных обществах был род (родовая община), его правомочия лишь в свернутом виде содержали индивидуалистические начала (которые, кстати, до сих пор не проявили себя в той мере, в какой проявили себя в обществах современных). В целом же содержание обычно-правовых отношений на субъектном уровне обусловливалось коллективистскими началами.

Сидоренко Надежда Семеновна,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной
истории и права Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета;
Шувалов Николай Владимирович,
аспирант кафедры отечественной
истории и права Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета.

ТРУДОВЫЕ ОБЩЕСТВЕНО-ПОЛЕЗНЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВУЗОВ В 1985–1991 ГОДАХ: ОТ ТРАДИЦИИ К ЕЕ ОТТОРЖЕНИЮ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Во второй половине 80-х гг. XX в. в политике советских органов власти и ЦК комсомола по-прежнему сохранялась сложившаяся на предыдущем этапе традиционная практика мобилизации студенческой молодежи вузов на выполнение хозяйственных задач по развитию советской экономики. В то же время, в ней появился ряд новых моментов, связанных со стремлением руководства страны расширить связь комсомола и его общественно-политической организации с деятельностью партийных и советских органов в организации этой практики. Правовой основой данной практики явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов»[1]. В нем было отмечено, общественно-практическое значение участия студентов вузов страны в «третьем трудовом семестре», а также был утвержден порядок решения основных вопросов производственной деятельности. Наиболее важные вопросы организации производственного цикла закреплялись в хозяйственном договоре, наличие которого стало обязательным.

[1] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 мая 1967 г. № 483 «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов» [Электронный ресурс]. - Режим доступа http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= ESU;n=19704.

ЦК ВЛКСМ, непосредственно координировавший данное направление деятельности, акцентировал внимание на значении трудовых практик непосредственно для самих студентов: «Участвуя в общественно-полезном труде, студенты закаляются физически, получают представление о работе созидателей материальных благ: рабочих, строителей, колхозников, учатся ценить их труд, беречь социалистическую собственность»[1].

Участие в различных видах трудовой деятельности в летний период приобрело массовый характер и среди студентов вузов Челябинской области. В исследуемый период Челябинская область являлась одним из наиболее урбанизированных районов страны и Урала, что определило сосредоточение в ней значительного числа вузов и студенческой молодежи в них. В Челябинской области размещалось десять вузов союзного и отраслевого (республиканского) подчинения, три военных института. Территориально они были расположены в следующих городах: в Челябинске – 10, в том числе три военных института, Магнитогорске – 2, Троицке –1[2].

Одной из многочисленных форм летней трудовой практики студентов вузов Челябинской области в 1985–1990 гг. было участие в работе сельскохозяйственных отрядов. В формах их организации и содержании деятельности можно выявить две группы – профильные сельхозотряды, не многочисленные и непрофильные, более многочисленные. Профильные сельхозотряды формировались из числа студентов, которые обладали необходимыми знаниями и навыками – студентов Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства (далее – ЧИМЭСХ) и Троицкого ветеринарного института (далее – ТВИ), автотракторного факультета Челябинского политехнического института (далее – ЧПИ). Бойцы этих сельхозотрядов трудились, как правило, в качестве трактористов, комбайнеров, ветеринаров, агрономов. Их труд приносил ощутимую отдачу.

---

[1] Трегубов А.Е История стройотрядовского движения – от отрицания до признания // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2013. № 3. С. 37-41

[2] Челябинская область в двенадцатой пятилетке 1986-1990. Статистический сборник. Челябинск, 1991. С.43.

Сельхозотряды ЧИМЭСХ и ТВИ в рассматриваемый период трудились в колхозах и совхозах региона, а также соседних областей. Ежегодно свыше 100 студентов ТВИ работали в качестве дояров, животноводов, ветеринаров. В 1985 г. бойцы отрядов ТВИ провели вакцинацию и профилактический осмотр более 5 000 голов крупного рогатого скота, прозондировали свыше 20 000 голов животных[1]. Отряд автотракторного факультета ЧПИ «Хлеборобы» вносил ощутимый вклад в уборку урожая в подшефных районах области[2]. На территории Челябинской области студенческие отряды убрали урожай с 30 тыс. гектаров, переработали свыше, 2,5 тысяч плодовоовощной продукции с высоким качеством в сжатые сроки[3]. 850 бойцов ЧПИ отрядов «Нива», «Хлеборобы» убрали урожай с площади 28 тыс гектаров, более 50 тыс тонн зерна, вспахали 2,2 тыс га зяби. Сельхозотряд в количестве 1,5 тыс. на территории Молдавской ССР и Волгоградской области собрали 9,3 тысяч тонн овощей и фруктов, пропололи более 1000 га сельхозугодий[4].

Непрофильные сельхозотряды формировались из числа студентов, которые не имели специального образования. Студенты работали в поле на сборе картошки, свеклы, кукурузы, подсолнуха и других сельскохозяйственных культур. Коллектив студентов, направляемый на «картошку», формально считался «Студенческим сельскохозяйственным отрядом» – разновидностью стройотрядов и подчинялся Уставу ВССО, однако на деле стройотряды и сельхозотряды имели между собой не так уж и много общего, хотя в некоторых направляемых на «картошку» сельхозотрядах практиковалась выдача нашивок «ССХО» и соответствующих шевронов на стройотрядовские куртки.

«Картошка» в отличие от ССО, географически находилась обычно не более чем в 100 км от института, при этом требования к выполняемой работе были крайне низки, да и оплачивалась она значительно ниже. В то же время уровень организации работ,

[1] Итоговый отчет Челябинского областного студенческого отряда 1985 г. // ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 19. Д. 114. Л. 10.

[2] Автотракторный факультет: энциклопедия (В.А.Путин, Ю.В. Рождественский, А.П. Моисеев). – ЮУрГУ. – Челябинск. – Абрис. – 2013. – с. 313.

[3] Итоговый отчет Челябинского областного студенческого отряда 1985 г. // ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 19. Д. 114. Л. 2.

[4] Там же. Л. 10.

оплаты и бытовых условий сильно зависел от принимающей стороны (конкретного совхоза или колхоза), и мог разительно отличаться даже в пределах одного района.

Поездка на картошку могла быть краткосрочной (на несколько дней), либо более длительной (несколько недель), все зависело от объема предстоящей работы. В последнем случае студентам предоставлялось временное жилье (например, в корпусах пионерского лагеря). Работников кормили в сельских столовых завтраком, обедом и ужином. Каждому работнику выделялся участок поля, например, участок гряды, помеченный флажками. Часто работали парами, так как таким образом было удобно наполнять мешки собранными культурами. Для наблюдения за порядком, как правило, выделялся специальный человек из парткома или профкома, или комсомольский деятель.

Непрофильные сельхозотряды действовали в русле традиционной практики мобилизации молодежи на выполнение хозяйственных задач по развитию советской экономики. Заработную плату студенты в таких отрядах практически не получали, в ряде случаев вследствие бухгалтерских махинаций принимающей стороны отряд уезжал даже с долгом. В то же время в расположенном неподалеку хозяйстве руководство принимающей стороны налаживало здоровые партнерские отношения с отрядом, и заработная плата достигала 100–150 рублей, не считая полноценного питания.

Вместе с тем в условиях перестройки практика «неоплачиваемого труда» все более входила в противоречие провозглашаемым началам соединения энергии и материальной заинтересованности человека в результатах своего труда. На страницах вузовкой и областной комсомольской периодики студенты горячо обсуждали вопросы бытовых и организационных неудобств, а также необходимости адекватной материальной оплаты за труд.

Анализ студенческой печати рассматриваемого периода позволил нам выявить отношение студентов к организации «третьего трудового семестра» и оценку своей деятельности в данный период. Основанием наших выводов явился метод контент-анализа (от англ. «содержание» и греч. «разложение, расчленение») – метод выявления и оценки характеристик информации, содержащихся в текстах и речевых сообщениях. Нами были вы-

явлены высказывания студентов на страницах периодики ведущих вузов области – «Политехнические кадры» (ЧПИ), «За кадры» (ЧГМИ), «Молодой учитель» (ЧГПИ) и органа областной комсомольской организации – Комсомолец.

Выявленные суждения позволяют отметить их критическую направленность (100%). Более всего студентов не устраивало отсутствие элементарных бытовых условий, из-за чего студенты часто болели –38% высказываний. Такое же количество студентов высказало неудовлетворенность организацией труда, вследствие чего много времени уходило впустую. 15,4% высказываний касались неудовлетворенности уровнем оплаты труда, 7,7% – нежеланием администрации реагировать на требования студентов. В одной из статей студенты отмечали: «Образцы мужества и долга демонстрировали наши ребята ежедневно, в воде, в грязи, под непреходящим дождем, выбирая действительно ставшую золотой картошку… Достаточно сказать, что в лагере по пальцам можно было перечислить студентов, которые не заболели ОРЗ, у которых бы не обострились хронические заболевания. Многих приходилось отправлять в город[1].

О сложностях и «страданиях» студентов на картошке слагали даже шуточные песни. Некоторые из них передавались от курса к курсу и становились своеобразным символом, «гимном» непрофильной сельхозпрактики. Например, студентами ЧГПУ в качестве особого ритуала исполнялась песня, написанная на мелодию «Постой паровоз...», студенткой исторического факультета, ставшей впоследствии членом Союза журналистов. Традиционно студенты ЧГПУ отрабатывали «картошку» на полях совхоза, расположенного у поселка с красивым названием – Калуга-Соловьевка:

Постой паровоз, не стучите колеса, доехали сода за полчаса...
Мамуля, мамуля! Нас здорово надули – деревня это не одни березки да поля.
Припев: Ах, ах! Калуга-Соловьевка, перед тобой неловко,
но ты меня за жалобу прости –
Такой была усталость – порою мне казалось,
что легче все же жизнь прожить, чем поле перейти.
А супу здесь, мама, дают, сколько хочешь, рецепт его я долго изучал –
И он мне, капустный, – приснился этой ночью, все говорят, что я во сне пронзительно кричал.
Припев.

[1]Актуальная проблема // За народное здоровье. 1987. 22.10. №29. С. 2.

С водой у нас, мам, совсем очень плохо – а мне б физиономию умыть...
Сказал руководитель, когда он чистых видит, то хочется немедленно ему их пристрелить...
Припев.
Не жди меня, мама, хорошего сына, – пойди поставь свечу под образа...
А если увидишь картошку в магазине – пускай из глаза вытечет горючая слеза.
Припев.

В то же время уровень организации работ, оплаты и бытовых условий сильно зависел от принимающей стороны (конкретного совхоза или колхоза), и мог разительно отличаться даже в пределах одного района.

Челябинский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, следуя установкам главы государства, поставившего основной задачей в деле работы с молодежью «конкретизировать взаимодействие комсомола с государственными органами, профсоюзами и другими организациями в вопросах учебы, труда, быта, отдыха молодых людей»[1], активизировал контроль за деятельностью руководителей хозяйств в решении вопросов рационального использования труда учащихся школ и студентов вузов в летне-осенний период на сельскохозяйственных работах[2].

Областной комитет ВЛКСМ Челябинской области принимает Постановление, направленное на повышение ответственности вузов и вузовских комсомольских комитетов в организации «третьего трудового семестра» (24.10.1987 г.) В нем было обращено особое внимание на необходимость усиления правовой стороны трудовой деятельности студентов: «Ректорату вузов, комсомольским ячейкам, командирам стройотрядов…необходимо тщательнее ознакомиться с договором от принимающей стороны…в частности усилить контроль за соблюдением санитарных норм, бытового обслуживания, мест отдыха, наличие медпункта[3].

---

[1] Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 116.

[2] Протоколы заседаний постоянной комиссии по народному и профессиональному техническому образованию Челябинского областного СНД XX созыва. Июнь 1985 – март 1987 гг. «О рациональном использовании труда учащихся школ и студентов вузов в летне-осенний период на сельскохозяйственных работах в совхозах Наровчатский и Еткульский» от 15 марта 1987 // ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 2973. Л. 209.

[3] ОГАЧО. Ф. П – 288. Оп. 200. Д. 40. Л. 81.

О сложности в решении данных вопросов свидетельствует анализ вузовской периодической печати, на страницах которой студенты и после принятия данных решений отмечают в числе наиболее острых проблем работы «на картошке» незащищенность интересов молодых: «Недопустимо использовать студентов как бесплатную рабочую силу при участии в сельскохозяйственных работах. Взаимоотношения студентов с предприятиями должны строиться только на договорной основе[1]. Мы должны уходить от рабства. Студенты – это прежде всего люди, а потом – учащиеся вуза. И уж потом, если изъявят желание, – работники сельхозотрядов, равно как и ЛССО»[2].

В условиях начавшегося процесса перестройки, студенты вузов области начинают проявлять большую инициативу в отстаивании своих интересов. Не отказываясь в целом от практики трудового «третьего семестра», они пытаются активизировать собственные усилия по созданию более комфортных условий проживания и требуют от руководства вузов.

В 1987 г. комитет ВЛКСМ ЧелГУ предложил передать сельскохозяйственные работы самоуправлению студентов с тем, чтобы они полностью отвечали за подбор и работу руководителей сельскохозяйственных отрядов, организацию соревнования и другие направления деятельности в этой области[3].

4 августа 1989 г. Совет Министров СССР принял историческое решение о добровольном участии студентов на сельхозработах. Печатный орган областной комсомольской организации в связи с этим констатировал следующее: «Студенты некоторых институтов, отметив, что совхозы не торопятся переходить с ними на новые экономические отношения, впервые отказались выехать на поля»[4].

Таким образом, к началу 90-х годов эффективность трудовой общественно-полезной деятельности студентов вузов, основанная на принципе мобилизации, без учета интересов и прав студентов, полностью себя исчерпала, прежде всего, в силу объективных экономических причин.

---

[1] Программа кандидатов в депутаты. // Политехнические кадры. 1989. 8.02. № 5. С. 3.

[2] Наши требования. // Политехнические кадры. 1990. 1.03. №8. С. 2.

[3] Форстман Г.В. Первый университет на Южном Урале: очерки истории / Г.В. Форстман. – Челябинск.: Издательство Челябинского государственного Университета, 2011. – С.195.

[4] Мы требуем! // Комсомолец. 1990. 2.02. № 5. С. 9.

Упоров Иван Владимирович,
доктор исторических наук, кандидат
юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета
МВД России

РОССИЙСКАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ И ПОЗИЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК ПРИЗНАКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Общественная опасность как признак преступления в отечественной уголовно-правовой мысли на системном уровне стала исследоваться с первой половине XIX в., при этом теоретико-политическим истоком изучения этой категории является известный «Наказ» Екатерины II, где в рассуждениях о преступлениях шла речь о «вредности» противоправных деяний, то есть изначально был задан вектор материальной трактовки преступления. В работе того же времени (1767 г.) профессора Московского университета К.Г. Лангера (германского происхождения), которую можно, очевидно, считать научным истоком при исследовании данной проблематики, при дефинировании преступления указывалось, что суть его составляют такие действия, совершаемые по воле самого деятеля, которые «тишину и безопасность общую нарушают … о великости преступлений рассуждать должно, смотря на то, сколь много потревожено ими общее спокойствие»[1]. В дальнейшем такой подход был преобладающим – работы О. И. Горегляда (1815 г.), Г.И. Солнцева (1820 г.), П.Н. Гуляева (1826 г.) и др. Так, П. Лодий, полагая преступление как действие, опасное для общества, отмечал, что конкретное наказание преступнику должно определяться с учетом причиненного преступлением вреда обществу[2]. С.А. Протасов, разделяя пре-

[1] Лангер К.Г. Слово о происхождении и свойстве вышнего криминального суда. М., 1767. С. 14.

[2] Лодий П. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. СПб., 1828. С. 15.

ступления на виды, основным критерием классификации считал степень общественной опасности совершенного деяния, в частности, к наиболее тяжким относились преступления против веры, против жизни и здоровья императора, против государственной безопасности, против казны и т.д.[1] Достаточно определенно на этот счет высказался автор фундаментального учебника по уголовному праву (1866 г.) П.Д. Калмыков, который характеризовал преступление как такое действие, которое «вредно для общества» и соответственно содержит «в себе зло для целого общества»[2]. Важное явление подметил А.О. Чебышев-Дмитриев, который отмечал, что в середине XIX в. субъективно – нравственный подход к преступному посягательству постепенно замещается объективно-юридическому подходу, соответственно субъективно-общественный интерес в наказании виновного в преступлении замещается «государственным интересом абстрактной справедливости»[3].

И в этом контексте А.В. Петровский, исследуя данный период развития российского уголовного права, отмечает, что «появление признака общественной опасности (вредности) как категории преступного поведения во многом связано с принятием государством на себя обязанности по защите своих подданных, то есть членов того союза, который и создал это образование. Такая защита была возможна за счет создания определенного миропорядка, детерминирующего законы. Поэтому преступление изначально посягает на этот сложившийся миропорядок, нарушая и разрушая систему, которую государство создает. Преступление опасно не проявлениями в деяниях или субъекте, а в том, что это деяние нарушает созданную иерархию ценностей. Оставляя безнаказанным общественно опасное деяние, государство может превратиться в недееспособного «субъекта», показав общественному союзу, да и другим системам свою слабость. Поэтому к тому времени в российской мысли стало ясно, что без определения сущности общественной опасности и вредности деяния невоз-

[1] Протасов С.А. Программа для испытания студентов по окончании 1829-1830 академического года. Казань,1830. С. 11.

[2] Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. СПб., 1866. С. 52.

[3] Чебышев – Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 33.

можно криминологическое понимание уголовно-правового деликта и трудно определиться с нормой и патологией»[1]. С этим нельзя не согласиться.

Тем не менее, как ни парадоксально, российское уголовное законотворчество пошло по пути германского уголовного права и не стало в нормативное понятие преступления включать материальный признак общественной опасности. Так, в Своде законов Российской империи, где в Книге первой т. XV впервые были инкорпорированы предшествовавшие уголовные акты[2], указывалось: «Всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания, есть преступление» (ст. 1). В принятом в 1845 г. первом полномасштабном уголовном законе – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных[3], по сути, было сходное определение: «преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано» (ст. 4).

Вместе с тем нужно иметь в виду, что со второй половины XIX в. наука уголовного права в России стала довольно интенсивно развиваться, в том числе более детально исследовались признаки преступления, ставился вопрос об отграничении преступлений от иных правонарушений, при решении которого общественная опасность многими учеными определялась ведущим критерием. В частности, Н.Д. Сергиевский обосновывал целесообразность материального понятия преступления, считая общественную опасность важнейшим признаком понятия преступления, и полагая при этом, что формальное определение преступления не несет в уголовное право никакого содержания[4]. П.П. Пусторослев отмечал, что в форме постановлений закона государство указывает более или менее определенно, как обязан или имеет право поступать человек при тех или иных условиях. Под

---

[1] Петровский А.В. Истоки материального взгляда на определение преступления в работах правоведов ХУ111 – начала Х1Х вв. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 3. С. 16.

[2] Законы уголовные // Свод законов Российской империи. Т. XV. Книга первая. СПб., 1832.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08. 1845 г. // ПСЗ-2. № 19283

[4] Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пг., 1914. С. 38.

правонарушением этот ученый понимал несоблюдение правил объективного права, то есть правового порядка, указывая на разделение уголовных правонарушений на более опасные для правового порядка и менее опасные для правового порядка[1] (при этом, правда, общественная опасность, которая должна была разделять указанные уголовные правонарушения, относилась не к деянию, а к исполнителю преступного действия, но уже вопрос понимания общественной опасности деяния). Тем не менее, достаточно основательные (особенно в конце XIX – начале XX вв.) наработки российских правоведов-криминалистов, общая направленность которых явно предполагала считать общественную опасность деяния важнейшим признаком преступления, так и не нашли поддержки законодателя Российской империи при генерировании соответствующих уголовно-правовых норм. Подробно раскрывать причины данного феномена мы не имеем в виду – очевидно, это может составить предмет самостоятельного научного исследования.

Выскажем лишь свое предположение, суть которого в следующем. Российская империя представляло собой абсолютистским государство, в котором действующая власть обладала полной политической монополией, и этот фактор принципиально отличал Россию от европейских стран, в том числе от Германии, в связи с чем нижеследующее рассуждение относится только к России. В процессе принятия законов Российской империи решающее влияние имели не ученые, не представители народа (их до 1906 г. просто-напросто не было), а чиновники Правительства, Государственного Совета и Сената, совокупное правосознание которых в сфере уголовного права отказывалось от доктрины общественной опасности прежде всего по политическим причинам.

Дело в том, что формальное определение понятия преступления в российском уголовном законодательстве избавляло правоприменителя от необходимости уточнять вопрос о сущности общественной опасности того или иного состава преступления, определенного в уголовном законе, в том числе по так называемым политическим преступлениям, численность составов кото-

[1] Пусторослев П.П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892. С. 38.

рых в новом уголовном законе – Уголовном уложении 1903 г.[1] – заметно выросла, в том числе была установлена уголовная ответственность за «допущение собраний заведомо противозаконного общества» (ст.127), «порицание установленных Законами Основными образа правления» (ст. 128), «публичное выставление сочинения или изображения, заведомо содержащее восхваление тяжкого преступления» (ст. 133), «выдача себя за Члена Российского Императорского Дома, хотя бы и умершего» (ст. 134), «ослушание законному требованию председательствующего во время нахождения в сословном или общественном собрании лицом, являющимся для такого собрания посторонним» (ст. 140), «умышленное сорвание, повреждение или искажение публично выставленных, по распоряжению подлежащей власти, объявления или иного правительственного или общественного документа, надписи, герба или иного знака власти» (ст. 155) и др.

Указанные составы преступлений во многом противоречили тенденциям общественно-политического развития России, связанным, среди прочего, с расширением революционного движения, расходились с европейскими ценностями, в рамках которых такого рода деяния не представляли общественной опасности и могли быть собой разве что административными правонарушениями. Формальное же понятие преступления, которое предпочитал российский законодатель (Уголовное уложение 1903 г. не стало исключением: согласно ст.1 «преступным признается деяние, запрещенное во время его учинения, законом под страхом наказания»), давало повод не доказывать наличие общественной опасности указанных выше деяний, и соответственно в судах достаточно было лишь установить формальную противоправность деяний, и тем самым для власти облегчалась задача привлечения к реальной уголовной ответственности лиц за деяния, посягавшие на установленный политический строй.

[1] Уголовное уложение от 22.03.1903 г. // ПСЗ-3. № 22704

Упоров Иван Владимирович,
доктор исторических наук, кандидат
юридических наук, профессор, профессор
кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета
МВД России;
Курдюк Галина Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ДЕПУТАТСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В Российской Федерации на всех уровнях публичной власти (федеральный уровень, уровень субъектов Российской Федерации, муниципальный уровень) путем выборов формируются представительные (законодательные) органы. Соответственно избранные в эти органы депутаты, являясь представителями народа, принимают решения в его интересах на территории соответствующего публично-территориального образования по различным вопросам социально-экономической жизни (государства, субъекта Российской Федерации, муниципального образования). При этом депутаты имеют определенные обязанности по реализации указанной функции.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение депутатских обязанностей согласно общим правовым принципам влечет за собой юридическую ответственность. Однако содержание мер юридической ответственности, которые могут быть применены к депутатам, в российском законодательстве отрегулированы явно недостаточно. Рассмотрим этот аспект применительно к депутатам представительных органов местного самоуправления (муниципальным депутатам).

Так, в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.[1]

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05. 02. 2018).

(далее – Федеральный закон о местном самоуправлении) имеются нормы об ответственности *органов* местного самоуправления, включая представительного орган местного самоуправления, членом которого является муниципальный депутат. Согласно ст. 73 Федерального закона о местном самоуправлении представительный орган можем быть при определенных условиях распущен (невыполнение решения суда об отмене принятого представительным органом муниципального правового акта, противоречащего действующему законодательству).

Применительно же к муниципальным депутатам указывается лишь на особенности привлечения их к уголовной и административной ответственности основание которой, однако, не связываются с исполнением депутатских обязанностей, и соответственно данный аспект мы здесь не рассматриваем. Если же иметь в виду ответственность муниципальных депутатов за неисполнение (ненадлежащее исполнение) именно депутатских обязанностей, то Федеральный закон о местном самоуправлении содержит, по сути, лишь одну меру юридической ответственности – так, согласно ст. 71 Федерального закона о местном самоуправлении возможен отзыв депутата избирателями, который осуществляется в соответствии со ст. 24 Федерального закона о местном самоуправлении и номами избирательного законодательства.

Здесь следует обратить внимание, по меньшей мере, на два обстоятельства.

Во-первых, отзыв депутата избирателями, являясь мерой юридической ответственности для данного выборного лица, не имеет императивного характера, то есть, эта мера лишь возможна, но отнюдь не обязательна.

Во-вторых, из регулирования юридической ответственности муниципальных депутатов (речь идет прежде всего об основаниях такой ответственности) выпадает субъект Российской Федерации. И соответственно основной объем регулирования возлагается на муниципальные образования согласно ч. 2 ст. 24 Федерального закона о местном самоуправлении, что, как считают М.Н. Лаптева и П.М. Курдюк, неправильно, так как для муниципальных образований это слишком сложная задача, в том числе по причине недостаточной профессиональной подготовленности

депутатов представительного органа[1]. Собственно, это и есть одна из причин разного объема и качества правового регулирования в муниципальных образованиях вопроса о юридической ответственности муниципальных депутатов, при этом наблюдается такое явление, что в текстах уставов муниципальных образований данный вопрос не находит отражения, и в целом, как отмечается в литературе В.И. Васильевым и А.Е. Помазанским, из-за значительной сложности самой процедуры по осуществлению отзыва муниципального депутата институт отзыва в муниципальной практике бывает «чрезвычайно редко»[2].

Касаясь оснований для отзыва на примере городской Думы Краснодара, А.Б. Абазов отмечает, что, такие основания, как неучастие в работе комитетов представительного органа муниципального образования, уклонение (или отказ) от участия в реализации поручений, которые принимает депутатский корпус, не могут являться основанием для инициирования процедуры по отзыву муниципального депутата. Аргумент выдвигается следующий – депутат по своему статусу (избран населением по своему избирательному округу) не находится в административном подчинении каких-либо должностных лиц, и соответственно не обязан выполнять такого рода поручения. Что касается комитета городской Думы, то это – только лишь структурное подразделение депутатского корпуса, и неучастие в таком комитете не может быть основанием для применения к депутату мер юридической ответственности[3].

Приведенные аргументы нам представляются достаточно убедительными – действительно, муниципальный депутат, исходя из норм Федерального закона о местном самоуправлении, не обязан состоять в подразделениях городской Думы. Более того, требует уточнение также и неучастие муниципального депутата в

---

[1] Лаптева М.Н., Курдюк П.М. Региональное законодательство о местном самоуправлении: исторический и сравнительно-правовой анализ. Краснодар, 2004. С. 143-144.

[2] Васильев В.И., Помазанский А.Е. Законодательное регулирование избирательных систем, применяемых на муниципальных выборах // Журнал российского права. 2010. N 8. С. 16.

[3] Абазов А. Б.Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 94.

пленарных заседаниях представительного органа муниципального образования. Дело в том, что один депутат может пропустить. допустим, два-три пленарных заседания, а другой депутат – вообще не появиться ни разу на депутатских сессиях.

В этой связи, очевидно, необходимы более четкие основания для привлечения депутатов за неучастие в пленарных заседаниях представительного органа, что, заметим, является его обязанностью, поскольку, исходя из политико-правовой природы депутата как представителя населения в органах публичной власти, данное депутатское полномочие является неотчуждаемым. Соответственно депутат должен лично участвовать в сессиях представительного органа, учитывая, что при его отсутствии данный орган не может принимать полноценные решения или лаже вообще функционировать (если нет кворума). Что касается депутатских комитетов (комиссий), то они, как известно, только обсуждают вопросы, которые должны выноситься на сессионные заседания, то есть, эти подразделения не обладают властными свойствами, не случайно и Европейская хартия местного самоуправления не содержат соответствующих положений.

В этом контексте следует поддержать А.Е. Булаева, который указывает на то, что депутат как представитель народа выполняет свою миссию по представительству интересов народа самостоятельно, и поэтому ни другие депутаты. ни сам представительный орган не могут диктовать ему линию поведения[1] (это не относится, как мы отметили, к обязанности депутата участвовать в пленарных заседаниях представительного органа). Здесь обратим еще внимание на то обстоятельство, что основания отзыва муниципальных депутатов во второй половине 1990-х регулировался в основном законами субъектов Российской Федерации – согласно действовавшему тогда предыдущему федеральному муниципальному закону – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. Однако после принятия в 2000 г. постановления Конституцион-

[1] Булаев А.Е. Конституционно-правовой статус депутата представительного органа местного самоуправления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17.

ного суда Российской Федерации[1], во многих субъектах Российской Федерации соответствующие законы были отменены, поскольку в них не было четкой определенности по поводу критериев, определяющих основания для привлечения муниципальных депутатов к юридической (муниципально-правовой) ответственности. Следует также заметить, что институт отзыва выборных лиц в системе публичной представительной власти не находит конституционного закрепления (в отличие от советского государства, в конституциях которого институт отзыва регулировался относительно подробно).

В этой связи нормы действующего законодательства об отзыве выборных лиц муниципального образования, и прежде всего муниципальных депутатов, представляются недостаточно обоснованными. Так, законодательная норма о том, что отзыв депутат имеет место только в том случае, если за него проголосуют не менее 50% избирателей от общего их числа по данном избирательном округу (ч. 2 ст. 24 Федерального закона о местном самоуправлении) представляется, на наш взгляд, нелогичным, поскольку количество голосов, достаточное для избрания депутата на муниципальных выборах, вообще никак не определяется. А если иметь в виду, что фактическая явка выборах муниципальных депутатов обычно очень низкая (25-30%), то отмеченная выше норма об отзыве представляется «мертвой», то есть недействующей. В этой связи мы не можем согласиться с мнением о том, что отзыв депутата, даже ставшего таковым благодаря поддержке относительно небольшого числа избирателей по избирательному округу, «может допускаться лишь по воле их большинства»[2].

Следует заметить, что в литературе называются такие основания для отзыва муниципального депутата, как невыполнение депутатских полномочий; утрата доверия со стороны избирате-

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов российской федерации»« // Российская газета. 2000. 21 июня.

[2] Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. И.В. Бабичева, Е.С. Шугриной. М.: Инфра-М, 2015. С. 63.

лей, нарушение законодательства (в широком смысле этого термина), неучастие в личном приеме избирателей, рассмотрении их заявлений, совершение поступков, которые дискредитируют звание депутата как представителя народа[1]. Схожие основания содержались также в принятом ЦИК России еще в 1999 г. модельного закона субъекта Российской Федерации «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления»[2], который, на наш взгляд, незаслуженно забыт. По мнению ряда авторов, одним из оснований отзыва должно быть качество работы депутата[3]. Однако, как представляется, оценка качества вполне вписывается в отмеченные выше основания.

В целом, таким образом, правотворческая практика в муниципальных образованиях по вопросу об юридической ответственности муниципальных депутатов довольно противоречивая. Это касается и федерального законодательства. Так, в 2011 г. в ст. 24 Федерального закона о местном самоуправлении была введена ч. 2.1 следующего содержания: «в случае, если все депутатские мандаты или часть депутатских мандатов в представительном органе муниципального образования замещаются депутатами, избранными в составе списков кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями, отзыв депутата не применяется». Тем самым законодатель разделяет муниципальных депутатов на две категории, одна из которых (избранных по списку кандидатов) является, по сути, неприкосновенной с точки зрения волеизъявления избирателей. Как нам представляется, на эту категорию депутатов также следует распространить отзыв как меру муниципально-правовой ответственности на тех же условиях, что и для депутатов, избранных по избирательным округам.

---

[1] Захаров И.В. Утратил доверие - уходи? Отзыв депутатов еще не получил четкого процедурного оформления // Муниципальная власть (Москва). 2002. 13 мая.

[2] Модельный закон «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1999. № 1. С. 37-57.

[3] Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С.А. Авакьян, И.П. Кененова, А.С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 49.

Нарыкова Светлана Петровна,
доктор философских наук, кандидат
юридических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории права
и государства Краснодарского университета
МВД России;
Чуприна Юлия Владимировна,
слушатель 5 курса Краснодарского
университета МВД России

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

При всей внешней очевидности достаточно глубокого исследования феномена гражданского общества в социально-гуманитарном знании в общем и в правовой теории в частности, эта проблема не теряет своей актуальности и притягательности и в современной науке. Прежде чем обозначить эту современность, полагаем целесообразным сделать небольшой экскурс в разработанное ранее.

Для анализа такого понятия, как гражданское общество, необходимо последовательно рассмотреть процесс развития представлений об этом феномене, определения его основных признаков и свойств, а также роли и значения исследуемого явления. Этот процесс развития представлений многие исследователи определяли по-разному. Так например, П.П. Барановым предложена такая система классификации подходов к анализу гражданского общества: холистский, теоцентристский, конвенциональный, либеральный, этатистский и современный подходы[1]. Подробное либо краткое изложение каждого из них не представляется необходимым по причине достаточно подробного изложения в историко-правовых исследованиях, поэтому сосредоточим свое основное внимание на современном прочтении сущности и содержания гражданского общества.

Современное состояние теоретико-правовых представлений о гражданском обществе характеризуется неоднозначностью и

[1] Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 12.

дискуссионностью, представляя особый интерес во всем предметном поле теоретико-правовой науки.

Так, например, определяя сущность современного гражданского общества, В.К. Бабаев, отмечает, что гражданское общество представляет собой социальное пространство, где люди могут взаимодействовать свободно, без государственного вмешательства, а Н.И. Матузов полагает, что гражданское общество – не что иное, как условное наименование способа современной жизни, «с которым неразрывно связаны важнейшие условия, в совокупности, определяющие тип цивилизации, рыночную экономику и демократию, осью которого является частная собственность»[1].

Понятия гражданского и политического общества разграничиваются Л.А. Морозовой, которая отмечает их неравнозначность, указывая также, что человек как личность, его интересы и потребности, имеют всеобщее значение и составляют основу гражданского общества. Частные интересы человека должны реализовываться вне политического контроля через институты гражданского общества (церковь, семья, объединения культуры и науки, профсоюзы и др.)[2].

Что касается зарубежных исследователей (например, Х. Ахиер и Л. Карсон), то ими было предложено такое понимание гражданского общества, в котором оно является сочетанием институтов, организаций, индивидуальностей и занимает место между семьей, государством и рынком, «где люди свободно объединяются на основании общих интересов». Они указывают, что данное определение хоть и не охватывает всех его аспектов, однако является необходимым для выяснения перспектив его изучения[3]. Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас также внес значительный вклад в развитие концепции гражданского общества. По его мнению, гражданское общество представляет собой определенную сферу, которая располагается между обществом и государством, в которой происходит их коммуникации, в которой основная роль принадлежит добровольным ассоциациям. Именно им было выдвинуто понятие публичности (общественности), ко-

[1] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2008. С. 234.

[2] Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М., 2009. С. 214.

[3] Ahyer H., Karson L. Civil So ciety: What it is, and how to measure it. Nashville, 2009. P. 412.

торое впоследствии стало основополагающим для объяснительных моделей становления гражданского общества. Под общественностью понимается инициативная часть общества, которая активно участвует в его жизни, а также формулирует и отстаивает разные социальные интересы.[1]

Интересной и оригинальной представляется видение условий и факторов развития гражданского общества М.И. Абдулаевым. Он определяет и анализирует три таких фактора: правовой характер государства, превращение его подданных в свободных граждан и культурное состояние общества. Таким образом, гражданское общество представляет собой автономную сферу общественных отношений индивидов, объединившихся для удовлетворения своих духовных и материальных потребностей. Государство – всего лишь форма гражданского общества[2].

Демократическим и правовым характеризует гражданское общество С.С. Алексеев. Оно, по его мнению, ориентировано на конкретного человека, создано в духе уважения к праву, гуманистическим идеалам, призвано обеспечивать свободу деятельности – творческой и предпринимательской, вырабатывает механизмы ограничения государственного произвола. Т.В. Кашаниной особое внимание уделяется анализу такого структурного элемента в системе формирования гражданского общества, как личность. Обладая политической и экономической свободой, личность, по ее мнению, является главным фактором становлении гражданского общества[3].

Полифоничность дискуссии по вопросу понятия гражданского общества свидетельствует о многоаспектности данного явления, его сложности. Также необходимо подчеркнуть, что эта дискуссионность напрямую связана с незавершенностью процесса познания данного феномена.

Что касается определения сущности понятия гражданского общества, то решение и этой научной проблемы характеризуется той же множественностью подходов и точек зрения, дискуссионностью. Если обобщить эту множественность, то можно выде-

---

[1] Habermas J. The structural transformation of the public sphere. An inguiry into a category of bourgeois Society. Cambridge, 1989. P. 27 - 73.

[2] Абдулаев М. И. Проблемы теории государства и права. СПб., 2003. С. 168.

[3] Кашанина Т. В. Становление демократического государства. М., 2004. С. 256.

лить несколько основных подходов к определению сущности гражданского общества: либерально-демократический, социал-демократический и ортодоксальный (марксистский) подходы.

Первый подход связывает гражданское общество, прежде всего, с рыночной экономикой, многообразием форм частной собственности, демократическими институтами. Ключевым положением и основным принципом данного подхода является независимость и максимальная свобода личности (индивида) и институтов гражданского общества.

Согласно социал-демократическому подходу, гражданское общество – центр жизни не только общественной, но и политической. Такое общество может быть демократическим, только имея реальную возможность формирования структур власти, определяющих контуры гражданского общества.

Ортодоксальный подход, в свою очередь, рассматривает как негативное явление разделение гражданского общества и государства. По мнению его последователей, такое разделение «затушевывает» вопрос о классовых противоречиях и частной собственности, не проясняя суть данной проблемы.

Согласно традициям либеральной демократии в вопросах сущности и развития гражданского общества во главе угла стоит свобода как высшая социальная ценность.

Свобода индивида – основная цель демократического общества, – присуща индивиду в любом состоянии – и в естественном, и в гражданском. Гражданское общество либеральные демократы понимают, как негосударственную общественную реальность, стоящую в противовес государству. Такое общество – частная сфера жизни людей, их объединений, которые, в сущности, отличаются от сфер общественной и государственной.

Гражданское общество гарантирует свободу индивида путем создания определенных социальных структур (социальные движения, профсоюзы, локальные ассоциации и др.), которые расположены между обществом и государством. Согласно либерально-демократическому подходу институты гражданского общества призваны обеспечивать условия реализации свободы индивида, которые заключается в ограничении последнего в своих действиях только свободой других индивидов.

С точки зрения данной традиции, свобода индивида имеет два взаимосвязанных аспекта: негативно-либертарный и позитивно-либертарный. Первый определяет свободу от влияния извне, второй – свободу действовать определенным образом. Государство гарантирует гражданскому обществу свободу функционирования, а гражданское общество гарантирует государству отказ от вмешательства в его деятельность не санкционированным законом образом. Устанавливаются четкие нормативные границы между деятельностью общества и государства, переходить за которые не имеют права ни гражданские, ни политические институты.

Такое гражданское общество рассматривается, прежде всего, как «экономическое общество», где государство ограничено в возможностях прямого регулирования экономики контролем со стороны политических объединений и движений[1].

Что касается социал-демократической традиции в вопросе сущности гражданского общества, то с ее точки зрения гражданское общество является сердцевиной политики, а демократизация берет начало в демократизированном гражданском обществе.

Избегая негативно-либертарных категорий, приверженцы данной теории не рассматривают политику как особую деятельность, которая должна быть изолирована от гражданского общества. Напротив, политика, как и властные отношения, пронизывает собой всю общественную жизнь. Демократия способна быть истинной демократией только тогда, когда она формирует облик таких властных отношений, которые формируют, в свою очередь, облик гражданского общества.

Государство, по мнению социал-демократов, обязано принимать участие в обеспечении функционирования институтов гражданского общества, гарантируя их демократическое управление, а также недопущение превращения в экспансионистскую (т.е. разрушающую все, что не совместимо с ее логикой) силу одной из частей гражданского общества, к примеру, рынка.

Такой подход сталкивается, прежде всего, с тем, что государственные институты в процессе демократизации гражданского

[1] Зеленков М.Ю. Политология (базовый курс). М.: Юридический институт МИИТа, 2009. С. 101.

общества являются в высшей степени неэффективными инструментами. Осуществляемое ими регулирование зачастую оборачивается отсутствием результата, поскольку они не располагают достаточным знанием специфического контекста[1].

Представители марксистского подхода утверждают, что политическое государство выражает общий интерес, а гражданское общество – частный. Государство – надстройка, а гражданское общество относится к материальной сфере. «Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни, ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил»[2].

Не отрицая идею самоценности каждой личности, вместе с тем, марксизм закладывает возможность полного растворения индивидуального начала в коллективном (в гражданском обществе или государстве). Ни одно из прав человека не выходит за пределы эгоистического человека как индивида и члена гражданского общества.

Ликвидировать разрыв между государством и гражданским обществом, согласно марксистскому подходу, возможно, создав новое – коммунистическое – общество без государства. Такое общество становится гражданским полностью по своей сути, по причине чего отпадает необходимость выделять это понятие особо. Т.к. коммунизм – «царство свободы», человек в нем – не средство, а цель всего общественного развития, поэтому противостояние государства и гражданского общества теряет при нем всякий смысл.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу, можно говорить о следующем. На основе изучения позиций различных

---

[1] Шапиро И. Демократия и гражданское общество.// URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publikacii_Polisa/Sh/1992-4 Shapiro_Demonkratiya_i_grazhdanskoe_obshestvo.pdf (дата обращения: 14.02.2018 г.)

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.1. С. 391

авторов к понятию гражданского общества, можно вычленить нечто основное, что характеризует современное прочтение гражданского общества, а именно то, что оно понимается как социальное пространство, которое не зависит от государства, хоть и связано с ним и призвано контролировать его деятельность с помощью общественных объединений и организаций. В конечном итоге гражданское общество направлено на реализацию прав и свобод человека и гражданина и только в нем возможно формирование правового государства.

Безуглов Сергей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного
и международного права Кубанского
государственного аграрного университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА

Термин «конституционное право», как правило, используется в юридической литературе в трех значениях. Во-первых, это одна из фундаментальных отраслей российского права, регулирующая конституционно-правовые отношения и занимающая ведущее место в правовой системе. Во-вторых, конституционное право как наука является одной из отраслей научного знания, то есть совокупностью знаний, учений, теорий об отрасли конституционного права и регулируемых ею отношениях. В-третьих, конституционное право – это учебная дисциплина, изучаемая студентами юридических и некоторых неюридических вузов, базирующаяся на знакомстве студентов в образовательных целях с общественными отношениями, составляющими предмет конституционного права.

В основе названия рассматриваемой отрасли права лежит слово «конституция» (в переводе с латинского – установление, устроение). Большинство авторов учебной и научной литературы делает на основании этого вывод, что предметом ее регулирования выступают общественные отношения, связанные с устрой-

ством государства и общества, отраженные, главным образом, в Основном Законе государства – Конституции, имеющим высшую юридическую силу.

Помимо наименования «конституционное право», нередко используется категория «государственное право». Последнее наименование являлось господствующим в дореволюционной России (по причине отсутствия Конституции) и в советский период (ввиду господства государства над правом и обществом). Однако и до революции[1] и в советский период[2] в юридической науке были ученые, именовавшие рассматриваемую отрасль конституционным правом.

В зарубежных странах также существует двойственность наименований. В странах англо-саксонской и романовской правовых систем (США, Франция) доминирует название «конституционное право», а в государствах германской системы права (например, Германия, Швейцария) – «государственное право».

В ходе демократических преобразований 1990-х годов использование термина «государственное право» в отечественной юридической литературе существенно уменьшилось, чему способствовало официальное переименование в 1993 году научной специальности «государственное право» в «конституционное право», а также включение в Конституцию России первой главы «Основы конституционного строя», взамен советского «государственного строя».

В научных дискуссиях, сторонники «государственного права» часто отстаивают мнение, что данное словосочетание позволяет охватить весь круг источников отрасли права, в то время как термин «конституционное право» концентрирует внимание только на одном из них – Конституции[3]. Это мнение подкрепляется

---

[1] См.: Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. – СПб, 1907; Ковалевский М.М. Общее конституционное право. - СПб., 1908; Гессен В.М. Основы конституционного права. – Пг., 1917.

[2] См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. – Саратов, 1967; Советское конституционное право. – Л., 1975.

[3] А.Х. Махненко писал: «Принятие термина «конституционное право» означает либо ограничение рамок государственного права нормами Конституции, что не соответствует его реальному содержанию, либо равносильно отказу от разграничения норм Конституции от иных правовых норм, с чем нельзя согласиться, учитывая роль Основного Закона» (Махненко А.Х. О предмете и понятии социалистического государственного права // Советское государство и право. – 1963. – № 12. – С. 55).

тем, что некоторые традиционные конституционно-правовые институты не отражены в структуре действующего Основного Закона России, например, избирательное право и избирательная система.

Критики наименования «государственное право» указывают на неточность названия, поскольку государственным является любая отрасль публичного права (административное, уголовное и т.д.)[1] Кроме того, из предмета государственного права логически выпадают негосударственные институты (частной собственности, общественных объединений, семьи и др.).

Разные взгляды на значение рассматриваемых терминов проявляются также в определении их содержательного объема. Одни авторы считают, что конституционное право более широкое понятие. Государственное право, по их мнению, является частью конституционного права, поскольку включает лишь конституционно-правовые нормы, посвященные органам государственной власти[2]. Другие, напротив, исходят из того, что к конституционному праву относятся только нормы Конституции, поэтому государственное право является более широкой по содержанию категорией[3].

---

[1] Так, Ф.Ф. Кокошкин указывал: «Термин этот, заимствованный русской юриспруденцией у немецкой (Staatsrechf), не особенно удачен и не вполне определен. Во Франции и Англии этого термина нет; там есть лишь «конституционное право» (droit consitutionuel, law of constitution). И в немецкой, и в нашей литературе это слово имеет разнообразный смысл, то более узкий, то более широкий. Иногда под этим словом понимается только конституционное право, иногда название «государственное право» объединяет конституционное и административное вместе, иногда, наконец, под именем государственного права излагается конституционное право и та и другая часть административного. Мы будем понимать под словом «государственное право» - «конституционное право» (Кококшкин Ф.Ф. Русское государственное право. – М., 1908. С. 44). В.А. Рянжин отмечал, что термин «государственное право» «имел бы право на существование, если бы данная отрасль права монопольно, исчерпывающе и исключительно регулировала общественные отношения, связанные с организацией государства. Но это не так. Отношения, связанные с организацией государства, регулируют и такие отрасли права, как административное и судоустройственное. Кроме того, функция «государственного права» далеко не сводится к регулированию общественных отношений, связанных только с организацией государства» (Советское конституционное право. – Л., 1975. – С. 4-5).

[2] См.: Конституционное право России: Учебник / Под ред. А.Н. Кокотова, М.И. Кукушкина. – М., 2004. – С. 24.

[3] См.: Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. – М., 2008. – С. 58-60.

В настоящее время научные дискуссии по вопросу о наименовании рассматриваемой отрасли права практически не ведутся. Большинство ученых считают указанные термины тождественными, употребляя преимущественно термин «конституционное право». Некоторые авторы учебников используют в названиях своих работ сразу два наименования: «государственное (конституционное) право» (например, В.Г. Стрекозов, Ю.Д. Казанчев) или «конституционное (государственное) право» (Е.И. Колюшин). Какого-либо принципиального отличия между указанными терминами современные ученые не выделяют.

Представляется, что термин «конституционное право» в настоящее время ориентирует на построение в России нового государства, в основе которого лежит верховенство права, естественных прав и свобод человека, создание и укрепление конституционного строя. Именно этот аспект являлся ключевым в избрании советской наукой в качестве преимущественной категории «государственное право», которая не требовала жесткого подчинения коммунистического государства Конституции и ограничения его правом[1].

Конституционное право как отрасль права, как уже было сказано, представляет собой систему правовых норм, то есть общеобязательных правил поведения, регулирующих однородную группу общественных отношений, составляющих предмет отрасли. В юридической литературе можно встретить различные подходы к формулированию понятия конституционного права как отрасли права. Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин полагают, что «конституционное право – ведущая отрасль права России, представляющая собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, которые определяют организационное и функциональное единство общества: основы конституционного строя Российской Федерации, основы право-

[1] Профессор В.Ф. Коток, один из авторов первого учебника советского государственного права, изданного в 1938 г. под редакцией А.Я. Вышинского, вспоминал, что на всесоюзном совещании, связанном с подготовкой этого учебника, развернулась дискуссия о названии учебной дисциплины. Руководивший совещанием А.Я. Вышинский заключил ее заявлением, что аргументы сторонников конституционного права во многом справедливы, однако название «государственное право» необходимо потому, что в сложившейся обстановке надо укреплять государство. (Цит. по: Страшун Б.А. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал российского права. – 2006 . – № 10).

вого статуса человека и гражданина, федеративное устройство, систему государственной власти и систему местного самоуправления»[1]. В.Е. Чиркин считает, что конституционное право закрепляет, регулирует, стимулирует сложившиеся или возникающие основы экономической, социальной, политической систем и духовной (идеологической) жизни общества, правового статуса личности, способствует или препятствует возникновению общественных отношений, входящих в сферу конституционно-правового регулирования, развивает или тормозит их[2]. М.В. Баглай понимает под конституционным правом «совокупность правовых норм, охраняющих основные права и свободы человека и учреждающих в этих целях определенную систему государственной власти»[3]. В.В. Маклаков и И.А. Алебастрова дают определение конституционного права как основополагающей отрасли национального права государства, включающей в себя систему правовых норм, предметом регулирования которых являются общественные отношения, образующие основы устройства общества и государства, а также положение человека в них[4].

Своеобразную позицию занимает А.И. Коваленко. Он находит недопустимым сводить отрасль права к совокупности ее норм, ибо всякая совокупность компонентов – это не сущность, а субстрат предмета, явления. «Конституционное право РФ, – пишет А.И. Коваленко, – это выраженная в системе государственно-правовых норм общеобязательная воля многонационального народа Российской Федерации, обеспеченная принудительной силой государства»[5]. Если та или иная государственно-правовая норма не только не выражает, а даже противоречит государственной воле общества, «тогда, несмотря на всю свою юридическую определенность, она собственно к конституционному праву не относится и находится за его пределами»[6].

---

[1] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. – М.: Проспект, 2007. – С. 8.

[2] Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации: Учебник. – М.: Юристъ, 2002. – С. 17.

[3] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – С. 3.

[4] Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. – М.: Юристъ, 2001. – С. 221.

[5] Коваленко А.И. Конституционное право России. – М.: Право и закон, 1997. – С. 5.

[6] Там же. – С. 5.

Многообразие определений конституционного права во многом обусловливается многообразием суждений в юридической науке о предмете правового регулирования данной отрасли. Каждое из них имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, определения Е.И. Козловой, О.Е. Кутафина и В.Е. Чиркина являются, с одной стороны, излишне описательными, а с другой стороны, дают более полное представление о рассматриваемом термине. Понятие, приводимое М.В. Баглаем лаконично, но в то же время нуждается в конкретизации и дополнительных пояснениях (например, что конституционное право включает не только нормы, охраняющие права и свободы человека, но и нормы, их устанавливающие или признающие; что конституционное право устанавливает не только права (свободы), но и обязанности человека (гражданина) и т.д.). Дефиниция, сформулированная В.В. Маклаковым и И.А. Алебастровой, делает важное дополнение, что конституционное право регулирует не только основы устройства государства, но и общества. Однако речь должна идти не просто об обществе, а о гражданском обществе. Поскольку именно последняя категория наиболее точно выражает современные цели конституционно-правового регулирования – признание свободы и инициативы человека (объединений людей) как в политической, так и в экономической областях, без жесткого руководства государством обществом, характерного для тоталитарных государств. В отношении определения А.И. Коваленко можно прийти к выводу, что оно не только абстрактно и излишне идеалистично, но и применимо к другим отраслям права. По всей видимости, оно основано на теории естественного права и его доминировании над позитивным правом.

Принимая во внимание плюрализм мнений о понятии конституционного права, следует признать, что указанные различия в дефинициях в большинстве случаев не носят принципиального характера и вполне допустимы. Обобщая существующие суждения, можно сформулировать следующее наиболее общее понятие: конституционное (государственное) право как отрасль права – это система правовых норм, регулирующих основы организации государства и гражданского общества, а также правовое положение личности.

Следует различать понятия «конституционное право» и «конституционное законодательство». Существование первого связано с категорией система права, элементом которой оно выступает. Второе понятие выступает частью другой категории – «система законодательства». Если конституционное право включает все правовые нормы, регулирующие конституционно-правовые отношения, то конституционное законодательство объединяет только законодательные акты РФ и ее субъектов, в которых имеются конституционно-правовые нормы.

Грицай Владимир Викторович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Миграция как процесс перемещения людей для смены места жительства, а, иногда, и рода занятий, всегда имела важное значение для судеб отдельных государств, регионов или даже целых континентов. Чем интенсивнее и объемнее миграционный процесс, тем более глобальные последствия и результаты он имеет.

Причины вызывающие миграционный процесс весьма различны. В рамках данной работы нас интересует государственная политика как катализатор внутренних миграционных процессов. Степень влияния государственной политики на формирование миграционных потоков зависит от уровня социально-экономического развития страны. Если вести речь о внутренней миграции населения, то параметры социально-экономического развития имеют более важное значение, чем политическая составляющая. И миграционные процессы связаны с решением государством задач хозяйственно-экономического характера.

Стоит отметить еще одну важную на наш взгляд закономерность – чем обширнее территория государства, чем разнообразнее природно-климатические условия на ней, тем большей забо-

той и вниманием государства должны обеспечиваться миграционные процессы.

В настоящей работе делается попытка дать характеристику внутренней миграции в Российской Империи в пореформенный период (вт. пол. XIX века), определив ее основные направления и степень нормативного и правового обеспечения этого процесса.

Мы исходим из стандартных понятий и определений, а именно:

- пореформенный период в России определяем, как время административно хозяйственных преобразований в государстве в 60-70 гг. XIX века, начало которому было положено отменой крепостного права;

- миграция населения (от латинского – migration – переселение перемещение) рассматривается нами как любое территориальное перемещение людей, совершающееся между территориями, независимо от регулярности, продолжительности и целевой направленности;

- правовое обеспечение миграционного процесса понимается нами как совокупность норм регулирующих отношения в сфере миграции между субъектами этих отношений;

- правовое регулирование в сфере миграции понимается нами как комплекс мер по нормативному регулированию вопросов связанных с перемещением населения;

- эмиграция – (от лат. emigro – «выселяюсь») – переселение из одной страны в другую по экономическим, политическим, личным обстоятельствам. Указывается по отношению к стране, из которой эмигрируют.

- иммиграция – (от лат. Immigro – «вселяюсь») – въезд населения одной страны (государства) в другую на временное или постоянное проживание, рассматриваемый по отношению к стране, куда въезжают мигранты.

- урбанизация – (от лат. urbanus – городской) – процесс повышения роли городов, городской культуры и «городских отношений» в развитии общества, увеличение численности городского населения, по сравнению с сельским и «трансляция» сформировавшихся в городах высших культурных образцов за пределы городов. Предпосылки урбанизации – развитие торговли, ремесла, науки и рост в городах промышленности, развитие их куль-

турных и политических функций, механизация сельского хозяйства, безработица в сельской местности. Урбанизации характерны приток в города сельского населения и возрастающее маятниковое движение населения из сельского окружения и ближайших малых городов в крупные города (на работу, по культурно-бытовым надобностям и пр.).

В контексте данной работы нас, в первую очередь интересуют вопросы миграции населения в пределах Российской Империи в целях решения хозяйственно-экономических задач. Именно поэтому мы не затрагиваем вопросов иммиграции и эмиграции, к тому же в рассматриваемый период они, хоть и играли определенную роль, но не имели решающего значения для социально-экономического развития страны.

Отмена крепостного права явилась актом, создающим потенциальную возможность миграции. Пусть и не определяющим ее напрямую, пусть и не обладающим необходимым инструментарием, обеспечивающим ее реализацию. Но, все таки, актом, предусматривающим, свободу передвижения. Это «Великая Реформа» во всех смыслах. Ликвидировано последнее препятствие, тормозившее социально-экономическое развитие государства. И миграционные процессы инициированные реформой в этом развитии занимают не последнее место.

Тем более, что и для аграрного варианта развития экономики нашего государства миграционный потенциал был весьма значителен. Именно этим аграрным фактором, по нашему мнению, обусловлено направление миграционного потока в южные регионы нашей страны – Новороссию, Малороссию и Северный Кавказ.

Хотя это и не единственное направление миграции. Не менее насыщенным и, к стати, более изученным является миграционный поток в Сибирь и на Дальний Восток. Это миграционное направление было сформировано в более ранний период нашей истории и поэтому мы не будем уделять ему большего внимания.

Лишь к концу XIX века началось устойчивое изменение вектора миграционного потока. Он приобретает индустриальные черты. При этом он престает определяться только географическими понятиями перемещения, а приобрел все черты, которые в конечном итоге, характеризуют его как урбанистический миграционный поток. Который отмечается не только переменой места

жительства, но и сменой рода занятий – то есть на лицо формирование нового социального слоя не просто городских обывателей, а трудящихся на заводах и фабриках, то есть пролетариев. Такой социальной группы, для которых работа по найму в городе являлась единственным средством обеспечения жизнедеятельности. Такая миграция, которая меняет не только место жительства, но и социальную структуру общества, требует еще большего снимания со стороны государства, так как нельзя допустить бесконтрольное развитие процессов видоизменяющих социально-демографическое и экономико-демографическое равновесие в регионе.

Говоря о нормативно правовом обеспечении миграционных процессов в российской империи, необходимо указать на его недостаточность и в связи с этим невысокую эффективность.

Высочайший манифест от 19.02.1861 г. « О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»[1] и «Общее положение, о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»[2] предусматривали лишь возможность свободного перемещения ранее прикрепленных к земле крестьян, при непременном выполнении определенных условий. В главе I , ст. 29, п. 3, закреплено право «отлучаться от места жительства, с соблюдением правил установленных общими законами и настоящим положением, подробно эти условия изложены в V главе указанного положения в ст.ст. 130-147. Анализ содержания данных статей показывает, что осуществление на практике «увольнения из сельского общества», было весьма затруднительным и миграционный потенциал населения мог реализовываться в полной мере лишь в пределах общины.

Тем не менее, манифестом 19 февраля и последующими за ним нормативными актами были заложены правовые основы миграционной (переселенческой) политики Российской империи. Развиваться эти отношения и формироваться полнокровные миграционные потоки не могли лишь на основании имеющихся ак-

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2 т. XXXVI. Отделение 1. С. 128. № 36650.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2, т. XXXVI. Отделение 1. С. 141 - 169. № 36657.

тов. Развитие нормативной правовой базы миграционной политики для обеспечения экономического развития страны было делом ближайшего будущего.

Власть прекрасно осознавала необходимость создания условий для свободного перемещения населения в пределах страны, без которого не могло идти речи о капиталистическом развитии государства. Уже к концу XIX века создается специальное ведомство, занимающееся данной проблематикой. Речь идет о создании в 1896 году Переселенческого управления – структуры, которая непосредственно ведало переселенческим делом и приравнивалось к департаменту внутренних дел (входило в состав МВД до 1905 года), а позднее было включено в Главное Управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ).

Принято считать, что основным видом деятельности управления было обеспечение миграционной политики в направлении Сибири и Дальнего Востока. Но нас интересует сам факт создания и функционирования такого структурного элемента в управлении страной.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что отмена крепостного права явилась актом, заложившим основы переселенческой политики Российской Империи, важность и необходимость которой власть вполне конкретно осознавала и стремилась на протяжении всей 2ой половины XIX века совершенствовать ее организацию и правовое регулирование. Кроме того вполне четко определились основные направления миграционной политики – в географическом и целевом аспекте. В первом случае она имела центробежный характер с ярко выраженным сибирским и дальневосточным направлением, а в целевом – характер хозяйственно-экономический, который постепенно пришел на смену военно-политическому.

В заключении, хотелось бы заметить, что степень регулирующего воздействия на миграционные отношения со стороны государства столь велика, сколь сильным и стабильным является само государство. Но парадокс состоит в том, что миграционные проблемы разного рода государство испытывает как раз в периоды своего кризиса и не может являться эффективным регулятором отношений, в том числе и миграционных. Это еще один аргумент в пользу того, что государству должно иметь четко определенную миграционную политику, с выработанными алгоритмами деятельности при изменении обстановки.

Курдюк Галина Петровна,
кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры теории
и истории права и государства
Краснодарского университета
МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Контроль – это одна из важнейших составляющих управления, под которой понимают процесс наблюдения и проверки деятельности участников отношений. По сути, управление без контроля не возможно, так как отсутствие контроля для современного общества делает его деятельность не эффективной.

Поток денежных средств, необходимых для нормального функционирования, как современного государства, так и современного общества сегодня определяет место финансового контроля в системе контроля. При достаточно большом количестве форм и видов контроля финансовый контроль является одним из наиболее значимых. Принято считать, что финансовый контроль – это урегулированная нормами права деятельность органов и организаций, цель которой – обеспечение финансовой, бюджетной, кредитной, расчетной и кассовой дисциплины в процессе выполнения планов и выражающаяся в проверке законности, обоснованности, рациональности денежных затрат[1].

В рамках финансового контроля особый интерес представляет государственный финансовый контроль, природа которого своеобразна. С одной стороны его можно рассматривать как контроль за финансами осуществляемый государственными структурами. Так, например Е.Ю. Грачева считает, что, это контроль «со стороны уполномоченных государством органов и организаций за законностью действий в процессе собирания, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях осуществления эффективной финансовой

[1] См.: Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л.Л. Арзуманова, О.В. Болтинова, О. Ю. Бубнова [и др.]; отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. – 384 с.

политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан»[1]. Данный подход подразумевает, что объектом государственного финансового контроля могут выступать как государственные, так и не государственные – муниципальные, частные, а также финансовые ресурсы общественных организаций.

С другой стороны финансовый контроль можно рассматривать как контроль за государственным финансированием, осуществляемый различными, как государственными, так и не государственными структурами. Так, например Л.А. Ахметова утверждает, что «государственный финансовый контроль – это проверка соблюдения органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами финансового законодательства РФ и субъектов РФ, рациональности и эффективности использования государственных финансовых и материальных ресурсов[2]. Д.В. Французов определяет государственный финансовый контроль как «институт общественного (государственного) сектора, обеспечивающий контроль за процессом формирования и использования государственных (включая муниципальные) финансовых и материальных средств, осуществляющий анализ эффективности использования государственных ресурсов всех видов, способный законными путями защищать финансовые интересы своего государства и его граждан, стимулирования более эффективного использования государственных и муниципальных средств»[3]. Данный подход определяет возможность осуществления контроля за государственными ресурсами, а следовательно и за государственной властью, то есть объектом контроля выступает деятельность государственных органов по формированию, распределению и использованию ма-

---

[1] Грачева Е.Ю. Государственный финансовый контроль в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы законодательного обеспечения // Материалы научно-практической конференции. М., 2002 // Цит. по Французов Д.В. Государственный контроль и его специализированное направление налоговый контроль // Финансы и кредит. 2008. № 2 (290). С. 44-52. // https://elibrary.ru/download/elibrary_9592057_71539590.pdf

[2] Ахмедова Л.А. К вопросу о государственном финансовом контроле и аудите в Российской Федерации // Совершенствование учета, анализа и контроля как механизмов информационного обеспечения устойчивого развития экономики. 2015. № 1. С. 15-21.

[3] Французов Д.В. Государственный контроль и его специализированное направление налоговый контроль // Финансы и кредит. 2008. № 2 (290). С. 44-52. // https://elibrary.ru/download/elibrary_9592057_71539590.pdf

териальных средств государственного бюджета, а субъектом контроля могут выступать, как государственные органы, так и общество.

Третья точка зрения сводится к интеграции первых двух, в результате чего формируется преставление о государственном финансовом контроле как о контроле за финансами, как государственных средств, так и муниципальных, общественных и частных, осуществляемым как государством, так и обществом. Современная практика реализации государственного финансового контроля убеждает в действенности именно третьей концепции. Контроль государственного бюджета государственными органами находит подтверждение в различных нормативных правовых актах, где прямо закреплены формы и методы его осуществления[1]. Кроме того контролю со стороны государства сегодня активно подвергаются материальные ресурсы и финансы частных лиц и организаций. Так, например, сегодня налоговые службы получили право на удержание налога со средств частных лиц, поступающих на банковские карты от физических лиц, при «систематическом получении прибыли». Информацию в данном случае в налоговую инспекцию передают банки, которые являются акционерными обществами.

На наш взгляд именно третья концепция в настоящее время наиболее точно отражает природу государственного финансового контроля, сочетая в себе контроль за финансами различных субъектов финансовых отношений наделяя их функциями контроля.

[1] См. например: О счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 11.01.1995 № 4-ФЗ (в ред. от 7.02.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2013 г. , N 14 , ст. 1649; Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г. , N 7 , ст. 1030

Швец Анна Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России;
Трикоз Елена Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории права и сравнительного правоведения
МГИМО (У) МИД РФ; доцент кафедры истории
права и государства ЮИ РУДН (г. Москва)

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ АБОРИГЕННОГО ПРАВА В АВСТРАЛИЙСКОМ СОЮЗЕ

В правовом пространстве Австралии в различные периоды истории наблюдалось сосуществование нескольких видов полиюридизма (правового плюрализма): политического (соотношение правовой культуры свободных колонистов и австралийских каторжников), регионального (параллелизм местных и федеральных правовых норм) и этнического, в рамках которого всегда стояла проблема интеграции обычного права аборигенов в общеавстралийскую правовую систему. Сложился определенный юридико-этнологический «портрет» общества австралийских аборигенов. Термин «*aboriginal natives*» («коренные аборигены») заменил термин «aboriginal» в соответствие с Законом об администрации аборигенов (Native Administration Act) 1936 г., так как последний, вероятно, был расценен в качестве унижающего достоинство коренных жителей Австралии. Затем термин «aboriginal» был снова восстановлен на основе Закона «Aboriginal Affairs Planning Authority Act» 1972 г. В 1967 г. был принят Закон (Constitutional Alteration (Aboriginals) Act) о внесении изменений в федеральную Конституцию в отношении положений, содержащих термин «aboriginals». В рамках ряда международных организаций послевоенного периода (ООН, МОТ и др.) официальным термином является термин «коренные народы» (indigenous peoples). Сегодня термин «абориген» используется в качестве общепринятого наименования коренного населения Австралийского континента[1].

[1] См.: Hawkes D.C. Aboriginal Self-Government: What Does it Mean? Kingston, 1985; Morse B.W. Aboriginal self-Government in Australia and Canada. Kingston, 1984.

С середины XIX в. в обход строгого принципа равенства британских подданных перед законом и судом стало формироваться специальное колониальное законодательство об уголовной ответственности аборигенов. Так, в колонии Западная Австралия в 1849 г. были приняты Закон о суммарной судебной процедуре и наказании в отношении аборигенов[1] и Закон о судебных доказательствах. По закону 1886 г. мировые судьи колонии Западная Австралия были вправе издавать приказы о выдворении из города бесцельно слоняющихся или грязно одетых аборигенов под угрозой в случае неподчинения немедленного ареста и тюремного заключения сроком на один месяц.[2]

В середине XX века в ряде австралийских штатах было принято законодательство об учреждении племенных судов (*native courts*) специально для аборигенов Австралии. Так, в штате Западная Австралия согласно Закону о внесении изменений в акт об аборигенах 1936 г. был учрежден суд по делам аборигенов (*court of native affairs*), имевший право «в целях смягчения уголовного наказания принимать во внимание племенные обычаи (*tribal customs*), оправдывающие совершение рассматриваемого преступления» (п. 3 ст. 59D). В случае необходимости толкования норм обычного права суд был вправе обращаться за консультацией к вождю племени обвиняемого аборигена (п. 2 (c) 59D).[3]

Как правило, обычное право рассматривалось в австралийских судах в качестве факта, который должен был доказываться. Юридическая природа такого источника как «племенное законодательство» в форме «Aboriginal Advisory Councils By-laws» или «Island Councils By-laws» рассматривается профессором университета Нового Южного Уэльса Дж. Нетхеймом. Он, в частности, отмечает, что подобные акты издаются в целях «обеспечения, контролирования и регулирования мира, порядка, дисциплины, благосостояния, нравственной безопасности» и т.п. местных жителей. Ни один подзаконный акт органов племенной администрации не имеет юридической силы без подписи министра по делам аборигенов и островитян штата[4]. В этих целях на основе законо-

[1] Summary Trial and Punishment of Aborigines Act (12 V., No. 18).
[2] Aborigines Protection Act, 1886 (W.A.) (50 Vic., No. 25).
[3] Aborigines Act Amendment Act (W.A.), No. 43, 1936.
[4] Nettheim G. Op. cit. P. 97 – 98.

дательства отдельных австралийских племен (в частности, «*Pitjantjatjara and Maralinga legislation*») был создан специфичный институт судебных асессоров, которые привлекаются для интерпретации соответствующих обычно-правовых норм. Но со временем обычное право приняло вид писаного права, устанавливаемого из протокольных записей судебных решений. Так, согласно изданным в 1972 г. Инструкциям племенные суды аборигенов штата Квинсленд были обязаны вести так называемые «Книги судебных отчетов» («*Court Record Books*»). В соответствии с этими инструкциями учреждался особый институт «приглашаемого судьи» («*Visiting Justice*»), который периодически должен был посещать резервацию или сообщество аборигенов в целях принятия к рассмотрению жалоб аборигенов, ревизии «Книг судебных отчетов» племенных судов, опроса племенных судей по проблемам обычного права и консультаций с членами племенного совета (*Aboriginal Advisory Council*).[1]

В период отсутствия официального законодательного признания обычного права аборигенов имела место практика неформального признания этого источника права. Так, полицейские власти штатов Западная Австралия, Виктория и Южная Австралия обладали некоторой дискрецией в отношении судебного преследования аборигенов. Присяжные заседатели могли принимать во внимание обычное право аборигенов (*tribal law*) при вынесении окончательного вердикта по уголовным делам, несмотря на прямое обращение к ним профессионального судьи руководствоваться общими положениями уголовного права (*general criminal law*) штата.

Как отмечает В. Морс, некоторые австралийские суды на основе дискреционных полномочий придают большое значение обычному праву при вынесении приговоров по делам о преступлениях аборигенов. Этот источник права также применяется для адаптации к племенной судебной практике принципов общего права Австралии[2].

---

[1] Aboriginal Act Regulations of 1972; инструкции №№ 50 и 77 // The Queensland Aborigines and Regulations 1971, written by the Black Resource Center Collective. Collingwood, 1976. P. 28; 33.

[2] Morse B.W. Aboriginal self-government in Australia and Canada. Ontario, 1986. P. 105.

Австралийский этнолог Н. Виллиамс, проводившая полевые исследования на полуострове Арнемленд в племени йолнгу (*yolngu*), комментирует изданные местным советом старейшин Правила о применении аборигенного и австралийского права. Так, в этом документе указывается, что «право йолнгу» («*Yolngu Rom*» или «*Aboriginal Law*») и «австралийское право» («*Australian Government Law*») должны быть взаимодополняемыми; первая правовая система распространяется на аборигенов племени йолнгу исключительно, а вторая – на всех австралийцев, в том числе на членов йолнгу; на территории данного племени применяется также «каноническое право» («*Christian law*»), ставшее источником права задолго до европейской колонизации страны.[1]

Как отмечает австралийский правовед М. Кирби, современное законодательство Австралии обходит молчанием многие важные вопросы племенной жизни аборигенов, например, разглашение тайных сведений совета племени лицом, находящимся в состоянии интоксикации, что с точки зрения традиционного обычного права аборигенов расценивается как серьезное правонарушение.[2]

В 1992 г. Верховным судом (the Full High Court) Австралии было вынесено историческое решение по делу *Mabo v. Queensland and the Commonwealth*,[3] которым впервые на федеральном уровне было официально объявлено, что Австралия никогда не являлась «ничейной землей», будучи землей аборигенов и островитян, живших на ней задолго до 1788 г. Суд также признал, что уже в то время у них были свои собственные законы и обычаи («право предков»), которые должны признаваться преимущественным источником в делах, касающихся традиционных обычно-правовых сфер регулирования.

---

[1] «Statements the Yirrkala village council» (Anonymous [Dadaynga] 1967), подготовленные председателем деревенского совета племени йолнгу в 1967 г. и озаглавленные «The Law of Yirrkala». См.: Williams N.M. Two Laws: managing disputes in a contemporary Aboriginal Community. Canberra, 1987. P. 109-110.

[2] См.: Kirby M. Reform the Law: Essays on the renewal of the Australian Legal System. Sydney, 1983. P. 122; Australian Law Reform Commission Discussion Paper 17. Aboriginal Customary Law – Recognition. P. 17.

[3] (1986) 64 A.L.R. 1; (1988) 83 A.L.R. 14. Абориген Эдди Мабо, член племени мериам с острова Мюррей из пролива Торреса, начал в 1982 г. процесс по утверждению прав своего народа на землю предков. Более десяти лет дело рассматривал Суд штата Квинсленд и Верховный суд Австралии.

На сегодняшний день ярчайшей особенностью австралийской правовой системы является существование здесь этнического полиюридизма. Связанная с этим проблема соотношения общеавстралийского права и обычного права аборигенов, их постепенной интеграции вполне успешно решается. Как нам представляется, и австралийская модель сосуществования этих двух соционормативных систем, и предложенный австралийцами путь решения проблемы обычного права аборигенов в системе источников национального права заслуживают пристального внимания и потенциального заимствования[1].

Абдулатипов Абдулатип Магомедзагидович,
кандидат юридических наук,
начальник Центра профессиональной
подготовки МВД по Республике Дагестан

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ И ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Борьба с терроризмом и экстремизмом требует принятия долгосрочных комплексных мер, направленных на профилактику, предупреждение и пресечение его проявлений в любых формах.

Она не может быть эффективна без знания его причинного комплекса на определенный исторический период.

Криминологическая наука достаточно глубоко раскрывает особенности социально-экономических, общественно-политических и других составляющих комплекса детерминантов данного явления, поэтому мы отразили наиболее значимые на данный исторический период элементы причинного комплекса.

Исследование показывает, что в значительной мере проблема подверженности граждан вовлечению в преступную деятель-

[1] В состав специального законодательства об аборигенах Австралии входят следующие акты: Native Administration Act 1936, Constitutional Alteration (Aboriginals) Act 1967, Aboriginal Councils and Associations Act 1976; Aboriginal Land Rights (Northern Territory) Act 1976; Aboriginal Land Grant (Jervis Bay Territory) Act 1986; Aboriginal Land (Lake Condah and Framlingham Forest) Act 1987.

ность связана не только с нерешенными внутренними социально-экономическими проблемами, масштабной коррупцией в обществе, низкой занятостью граждан общественно полезным трудом, ожесточенной борьбой различных кланов и группировок за доступ к бюджетным средствам. В большей степени это обусловлено также и деятельностью определенных политических кругов США, ряда европейских и ближневосточных государств, их спецслужб, направленной на всемерное ослабление позиции России на мировой арене и кардинальное изменение ее политического курса.

Так, в 90-е годы прошлого столетия враждебные силы, опираясь на возможности ряда ближневосточных экстремистских религиозных структур, способствовали распространению в республиках Северного Кавказа традиционно чуждых кавказским мусульманам радикальных политизированных течений исламского фундаментализма. В результате пропагандистских усилий радикалов часть населения региона попала под влияние их идеологических установок.

В городах Махачкала, Хасавюрт, Кизилюрт, Буйнакск радикалы неоднократно организовали митинги с выдвижением антиконституционных лозунгов, которые часто перерастали в массовые беспорядки. Они инициировали конфликты с представителями духовенства, не разделявшими их мировоззрение.

Так, 13 июня 1991 года в г. Махачкала на центральной площади участники массового митинга под руководством лидера радикалов Хасбулатова Х. из селения Губден предприняли попытку штурма здания правительства Дагестана. Решительные меры спецподразделений МВД предотвратили попытку его захвата и государственный переворот в республике.

После нескольких безуспешных попыток насильственного свержения существующей власти радикалы временно перешли к тактике использования идеологических приемов и методов противостояния, распространению среди верующих всеми доступными средствами экстремистских идей, постепенному созданию в населенных пунктах республики так называемых «джамаатов» (фактически – конспиративных террористических ячеек) с вовлечением в свои подпольные структуры новых членов.

Основным идеологическим стержнем в данном вербовочном процессе служила идея постепенного перехода к джихаду, в целях создания исламского государства «Халифат» с шариатским правлением. Именно на данном этапе в Дагестане, как и в других республиках северо-кавказского региона, создавались религиозные организации, строились мечети и другие культовые заведения на иностранные финансовые средства, эмиссары из Саудовской Аравии, Пакистана и других государств открывали духовные школы, выпускали литературу, вели активную вербовочную работу в молодежной среде.

Из-за пассивной позиции государственных структур, радикалы пошли дальше и создавали религиозно-политические движения, партии (Исламская Партия Возрождения и др.), расширялись и укреплялись общины ваххабитов – «джамааты».

Последователями нового течения в исламе были созданы агитационно-пропагандистские и военизированные структуры на территории Чечни и Дагестана с собственными аналитическими и учебными центрами, прекрасно обученными и вооруженными отрядами, опирающимися на мощную финансовую поддержку из-за рубежа[1].

В целях активизации вербовочной деятельности местные вербовщики и эмиссары зарубежных экстремистских религиозных организаций открывали филиалы или создавали нелегальные исламские учебные заведения. Идейная обработка молодежи проводилась не только в духовных учебных заведениях, салафитских и ваххабитских мечетях, но и в светских учебных организациях, а также по месту работы и жительства молодых людей. Одновременно оказывалась финансовая помощь отрабатываемым лицам.

В качестве примера можно привести основанное лидером дагестанских ваххабитов Кебедовым Б. М. в г. Кизилюрте медресе «Хикма», которое беспрепятственно функционировало в 1991-1999 годы. В данном учебном заведении ежегодно обучалось до 700 учеников. Кебедов имел выход на ряд посольств арабских стран, откуда и получал интересующую его литературу[2].

---

[1] Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. Грозный. 2004 г. с.103

[2] Абдулатипов А.М. Формы и виды организационной террористической деятельности в РД//Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 2003. № 14. С. 167.

Такие же учебные заведения с привлечением иностранных преподавателей бесконтрольно функционировали в г.г. Махачкала, Хасавюрт, Хасавюртовском, Казбековском, Дербентском районах, в поселках Хушет, Ленинкент, в селениях Губден и Кудали.

Обучение исламистов состоял из двух этапов: первый – идеологическая подготовка, второй – военная подготовка[1].

Многие выпускники этих учебных заведений в дальнейшем становились главными рассадниками религиозного радикализма, сепаратизма и экстремизма в республике. А отсутствие реагирования со стороны государственных органов способствовало распространению подобных учебных заведений и в других населенных пунктах республики, что в определенной мере оказало серьезное влияние на идейно-политическую ориентацию определенной части мусульман республики.

Немалая часть экстремистов была завербована и подготовлена в зарубежных религиозных учебных заведениях. По данным спецслужб, с начала 90-х прошлого столетия для обучения в религиозных образовательных учреждениях за границу выехало более 2000 дагестанцев, где подвергались идеологической обработке, обучались основам ведения диверсионной деятельности, минно-подрывному делу.

Исследование показывает, что наиболее активная вербовка велась именно в мечетях, где имамами были выпускники этих учебных заведений, Под воздействием их экстремистских проповедей прихожане мечетей вступали в ряды бандподполья, постепенно расширялась пособническая база в населенных пунктах республики.

Иногда ваххабитские медресе принимали вид полувоенного лагеря, где учеба сочеталась с серьезной физической и военной подготовкой, которая вытекала из положения о том, что джихад в современных условиях неизбежно принимает форму вооруженной борьбы[2].

---

[1] Рощин М. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе. //Россия и исламский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. М., 2003. №1(127) С.74.

[2] Ярлыкапов А. Проблемы возрождения исламского образования на Северном Кавказе //Центральная Азия и Кавказ, Лулео (Швеция), 2003. №1. С.195.

На начальном этапе они уделяли внимание молодым людям и подросткам из малообеспеченных слоев населения, лиц с неустоявшимися взглядами, а также обучающихся в различных исламских учебных заведениях, так как такая категория молодежи оставалась без профессионального обучения и легко поддавалась влиянию экстремистских идей.

Но в последующем эта тенденция кардинально изменилась. Результаты анализа свидетельствуют, что наиболее одиозные члены бандподполья были завербованы экстремистами также и в местах лишения свободы.

Как отмечает А.М. Гамидов, одна из причин попадания молодежи в сети экстремистских течений – поиск источников дохода, а также осознание невозможности утвердиться в обществе. И поэтому социальная база террористов расширяется за счет безработных, а также подростков из малообеспеченных семей[1].

Основными элементами идейно-целевой установки молодежи, используемыми ими на начальном этапе, явились: отказ от признания светского характера государства, необходимость противостояния легальной власти «неверных»; сепаратизм, выход из состава России, формирование исламского государства (халифата); «джихад» – война с неверными, оправдание террористических методов борьбы; критика официального духовенства, традиционного ислама, отказ считать его сторонников истинными мусульманами и ведение «джихада» против них, то есть так называемых «неправильных» мусульман; манипуляция лозунгами равенства и социальной справедливости, братства по вере, обещание рая после смерти праведным борцам на пути газавата; внушение завышенной самооценки и более высокого социального статуса; отказ от какого-либо сотрудничества, контактов с органами государственной власти, особенно правоохранительными органами и силовыми структурами.

Таким образом, используя набор радикальных идейных установок, экстремисты привлекали граждан, особенно молодежи из социально уязвимых слоев населения, в свое сообщество.

---

[1] А.М. Гамидов. Условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в терроризм. Юридический вестник Дагестанского Государственного Университета. Махачкала 2013 года. Стр. 82-83.

На данном этапе активизации террористической деятельности способствовала также невнятная позиция органов государственной власти и местного самоуправления, отстраненность гражданского общества и духовных властей от происходящей, фактически, гражданской войны, в которой, были задействованы и несли потери только милиционеры и представители общественности и духовенства, которые активно противостояли ваххабизму.

Негативное влияние на развитие рассматриваемой ситуации оказывала непоследовательная уголовная политика и правоприменительная практика данного периода, либеральное отношение судебных и следственных органов к рассмотрению материалов и уголовных дел в отношении экстремистов и террористов, о чем неоднократно отмечали ученые и практические работники правоохранительных органов. Например, в 2009 году из 40 осужденных участников бандподполья 10 осуждены условно, 15 – к срокам до 1 года. 13 преступников решением суда оправданы[1].

Безнаказанность их деятельности привело к тому, что в декабре 1997 г. они совершили вооруженное нападение на воинскую часть, дислоцированную в г. Буйнакске, в мае 1998 г. проникли в помещение отделения милиции в селении Карамахи, завладели табельным оружием, боеприпасами, спецтехникой и документами. А в феврале 1999 г. захватили здание сельской администрации, где разместили штаб НВФ.

В череде этих событий в августе-сентябре 1999 г. международные террористические организации под предводительством Ш. Басаева и Э. Хаттаба с территории ЧР совершили нападение на Цумадинский, Ботлихский и Новолакский районы Дагестана.

И только в августе 1999 г. органами правопорядка РФ в этих районах Дагестана был введен план контртеррористической операции и наведен конституционный порядок.

После провала попытки открытых насильственных акций они вернулись к тактике действий в условиях глубокой конспирации, создавая террористическое подполье.

В 2001 году Макашарипов Р.М., который в качестве помощника и личного переводчика полевого командира НВФ ЧР Ш. Ба-

[1] Из аналитической справки прокуратуры РД

саева принимал участие в нападении на ряд сел Ботлихского района; весной 2002г. явился с повинной в УФСБ РФ по РД и Верховным судом РД был осужден за участие в НВФ и незаконное ношение оружия к 6,5 годам лишения свободы, и в этом же году амнистирован, создал в республике диверсионнотеррористическую группу под названием «Дженнет» («Рай») с ячейками («джамаатами») в г.г. Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт, Избербаш, Карабудахкентском и ряде других районов РД.

После его нейтрализации в ходе спецоперации 06.07.05г. с конца 2005г. бандподполье в Дагестане возглавил Халилов Р. А., который был ликвидирован федеральными силами 17.09.2007г. После его ликвидации последовательно НВФ Дагестана возглавляли Моллачиев И. А. (с октября 2007г.), Шейхулаев О. М. (с декабря 2008г.), Вагабов М. А. (с декабря 2009г.) (он объявил себя амиром (верховным правителем) «Вилаята Дагестан» и кадием (шариатским судьей) «Имарата Кавказ». С 1999 года он находился в федеральном и международном розыске как участник боевых действий в Карамахинской зоне; 29.09.2001г. явился с повинной в прокуратуру РД, 29.10.2001г. он был осужден Карабудахкентским районным судом к 3 годам лишения свободы условно, но был освобожден от наказания на основании акта об амнистии; именно он перенес диверсионно-террористическую деятельность за пределы республики, подготовив и совершив ряд крупных террористических актов с использованием террористов-смертников на станциях метро «Лубянка» и «Парк Культуры» г. Москвы 29 марта 2010 года, теракта в г. Кизляр 31 марта 2010 года, подрыв террориста-смертника 6 января 2010 года в г. Махачкала возле здания городского ГИБДД); Валиджанов И. Г. (с сентября 2010г.) (по данным ЦПЭ МВД по РД под его руководством совершено более 60 тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской, террористической и общеуголовной направленности), Даудов И.М. (с апреля 2011г.); Асильдеров Р. М. (с февраля 2012г.). Все они участвовали в боевых действиях против федеральных сил в ЧР, проходили подготовку по минно-взрывному делу во время учебы за рубежом либо в лагерях полевого командира НВФ ЧР Хаттаба.

Таким образом, с 1999 по 2013 годы в республике сохранялась тенденция роста количества действующих бандгрупп и их участников. По данным МВД и УФСБ РФ по РД территория рес-

публики была условно поделена лидерами бандподполья на 5 секторов (Центральный, Южный, Северный, Горный и Махачкалинский).

В результате принятых государственными, в том числе и правоохранительными органами мер, начиная с 2013 года, удалось добиться коренного перелома ситуации в республике, наметилась тенденция к спаду террористической активности и уменьшению количества бандгрупп и их участников.

Так, в 2013 году пресечена деятельность террористических ячеек «Каспийская», «Шамхальская», «Левашинская», «Сергокалинская» и «Избербашская», а в 2014 году – ячеек на территории Кизляра, Кизлярского, Бабаюртовского и Цунтинского районов, нейтрализовано большинство участников ячеек «Буйнакская», «Кадарская», «Губденская», «Хасавюртовская» и «Махачкалинская».

Кроме того, в рядах подполья в конце 2014 года наметились организационные и структурные разногласия. Оно раскололось на два самостоятельных структур. Часть лидеров (Центрального, Махачкалинского, Южного, Северного секторов и террористической ячейки «Цумадинская» горного сектора) вышла из состава «Имарата Кавказ», амиром которого после ликвидации Доку Умарова в 2014 году был объявлен Кебеков А.А. Последователи ИГ избрали своим лидером Асельдерова Р. М. («Абу Мухаммад») и дали присягу на верность («Баят») лидеру международной террористической организации «Исламское Государство» (ИГ) так называемому «Халифу Абу Бакру Аль-Багдади».

В 2015 году ликвидированы лидеры МТО «Имарат Кавказ» – Кебеков Алиасхаб и Сулейманов Магомед и «Амир Вилайята Дагестан» – Саидов Камиль, пресечена деятельность вновь созданных ячеек «Буйнакская», «Цунтинская», «Бабаюртовская».

В 2016 году уничтожены лидеры подполья, присягнувшие МТО «Исламское Государство» – Абдуллаев Г. А., т.н. «Амир и Кадий Южного сектора Вилаята Дагестан» и Асельдеров Р. М., т.н. «Амир Вилайята Кавказ». Пресечена преступная деятельность ячеек «Гунибская» и «Избербашская».

Как отметил на сессии Народного собрания РД министр внутренних дел республики, в 2017 году ликвидировано 40 членов подполья, полностью уничтожены шесть диверсионно-

террористических групп, задержаны 312 боевиков и их пособников, еще 19 сдались добровольно. В настоящее время на территории республики укрываются шесть участников НВФ, местонахождение их устанавливаются[1].

Безусловно, спад террористической активности в республике связано с тем, что государственная политика по противодействию терроризму и экстремизму стала более внятной. Сформировалась широкая правовая база противодействия терроризму и экстремизму, сложилась эффективная правоприменительная практика, на новый уровень поставлена профилактическая, оперативно-розыскная работа.

Также в последние годы деградировалась используемая радикалами идеология «джихадизма». В сознании людей она стала прочно ассоциироваться с бесчеловечной деятельностью ИГ, направленной на массовое уничтожение людей, не разделяющих их идеологию. Поэтому в настоящее время вербовщики сменили тактику, выбрав в качестве идеологической ширмы вербовочного процесса вместо джихада совершить переселение – хиджру. Активно пропагандируемая в социальных сетях хиджра означает обязанность мусульманина переехать на территорию халифата, если по месту проживания верующего препятствуют исповедовать ислам.

Отчасти это обусловлено также и временным отказом большинства лидеров подполья от наращивания активности в республике и сосредоточении усилий на пополнение рядов ИГ и стремлением демонстрировать безусловную поддержку его линии в целях налаживания каналов получения вооружения и финансовых ресурсов от него, а также подготовки боевиков в условиях масштабных боевых действий на территории Ирака и Сирии и последующего формирования из них боевого ядра подполья для использования в дальнейшем на территории республики.

По имеющимся в правоохранительных органах данным, в настоящее время по официальной версии, более 1200 жителей Дагестана воюет на стороне ИГ[2]. Среди российских регионов Дагестан считается главным поставщиком террористов.

---

[1] МВД: «40 боевиков уничтожено в Дагестане». Газета «Московский Комсомолец» в Дагестане. 4-11 апреля 2018 г. №15(1051). С.2.

[2] Данные ЦПЭ МВД по РД и УФСБ РФ по РД

На совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Александр Бортников отметил, что, потерпев поражение в создании халифата на территории Сирии и Ирака, главари международных террористических организаций в качестве глобальной стратегической задачи определили создание новой всемирной террористической сети. Верхушка террористов сегодня перераспределяет имеющиеся в ее распоряжении силы и средства. Боевики расползаются за пределы Ближнего Востока, концентрируясь в нестабильных регионах с прицелом на создание в них новых очагов напряженности и вооруженных конфликтов. Наиболее интенсивно бандиты перемещаются на территорию Афганистана, где имеются позиции террористов и откуда они имеют возможность пробираться в Центральную Азию, Иран, Китай и Индию, и предпринимают попытки совершать атаки и против России.

В связи с геополитическим положением, наличием широкой пособнической базы из числа радикально настроенных салафитов и ваххабитов (членов т.н. «спящих ячеек») Дагестан для них является более привлекательным регионом.

Следует признать, что наибольшие угрозы распространения идеологии терроризма на сегодняшнем этапе связаны, прежде всего, с использованием террористическими и экстремистскими организациями сети Интернет и мобильных средств информационного обмена для организации скрытых каналов связи и пропаганды преступной деятельности. По оценкам экспертов, в настоящее время в Интернете действуют свыше 10 тысяч сайтов, пропагандирующих терроризм и экстремизм. В целях локализации их деятельности приняты ряд мер по наведению порядка в российском сегменте[1].

Международные террористы расширяют контакты с хакерами, создают собственные «киберотряды» и могут нацелить кибе-

[1] Шайдаев М. Ш. и др. Методические рекомендации по вопросам противодействия идеологии терроризма и экстремизма для сотрудников подразделений по работе с личным составом органов, организаций и подразделений МВД России. // Международный межведомственный центр подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом ВИПК МВД России. Домодедово. 2017. С.42.

ратаки на важнейшие инфраструктурные объекты с целью спровоцировать техногенные аварии и экологические катастрофы.

Несмотря на изменения в Федеральном законе №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в части представления возможности блокировки экстремистского контента в сети Интернет, а также введения ответственности за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, в том числе совершенные с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, эффективность работы субъектов профилактики в данной сфере не адекватна сложившейся ситуации.

Как отмечает Председатель СКР А. Бастрыкин, в целях противодействия различного рода экстремистским проявлениям, в том числе оперативного реагирования пропаганде экстремизма в сети интернет, представляется целесообразным предусмотреть внесудебный (административный) порядок включения информации в федеральный список экстремистских материалов, а также блокировки доменных имен сайтов, которые распространяют данную информацию[1].

Также важнейшей задачей органов власти всех уровней в противодействии терроризму и экстремизму в настоящее время является дерадикализация молодежи. Этот процесс идет очень болезненно.

Процесс дерадикализации весьма сложен и требует комплексного подхода, совместной работы, продуманных программ, усилий со стороны семьи или общины, и, конечно же, желания самого человека, которого коснулась болезнь радикализма. И это очень важно. Это важно для государства, для общества и для самой личности. Уход в радикализм и фанатизм – это путь в никуда, в пустоту, в мир темного, злого и преступного, противоречащего истинной сути духовности традиционного ислама, основывающегося на принципах милости и милосердия, ведь именно таков создатель этого мира и всего в этом мире, в том числе и человека[2].

---

[1] Интервью Председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина. «Российская Газета». 25 июля 2017 года № 162(7328) с.4.

[2] Саида Сиражудинова. Факторы радикализации. Газета «Московский Комсомолец» в Дагестане». 8-15 ноября 2017 г. С.13

На основании исследования можно выделить наиболее значимые проблемы, которые могут возникнуть в перспективе в сфере противодействия терроризму и экстремизму в республике.

Во-первых, серьезную опасность представляет наличие в республике так называемых «спящих ячеек» из радикалов, которые могут активизироваться с возвращением в республику террористов, воевавших на стороне ИГ.

Во-вторых, по данным ЦПЭ МВД по РД, немало приверженцев радикального течения ислама выехали за пределы республики и в любое время могут вернуться для осуществления террористической деятельности. Об этом свидетельствуют и результаты контртеррористической операции в г. Дербенте и одноименном районе, где 21 апреля 2018г. подразделения Национального антитеррористического комитета (НАК) и ФСБ провели три спецоперации, в ходе которых убиты 11 боевиков. По данным НАК они были членами одной из международных террористических организаций, имели связь с группой террористов, задержанных в конце 2017 года в г.Санкт-Петербурге. Они готовили масштабные террористические акты в городах республики в предстоящие майские праздники. Один из террористов был опознан как житель г. Нефтеюганск Александр Свистак.

В третьих, определяющее влияние на данную проблему может оказать религиозный фактор, стремление религиозных структур вмешиваться в государственные дела. Взаимодействие государственных органов и религиозных объединений, разработка и реализация совместных проектов и программ необходимо организовать под контролем светской власти. Также необходимо разработать систему мер, регламентирующих процесс выезда на учебу в зарубежные религиозные учебные заведения, в частности, утвердить перечень общепризнанных в мусульманском мире учебных заведений, заключения межгосударственных договоренностей с мусульманскими странами и учебными заведения о приеме граждан Российской Федерации при наличии рекомендательных писем и направлений официальных духовных управлений; признание на территории республики только дипломов выпускников определенной категории религиозных учебных заведений; конкурсная основа отбора и направления молодежи в эти учебные заведения; жесткая регламентация деятельности расположенных на территории республики религиозных учебных заведе-

ний, установление для них единых подходов преподавания на основе определенных учебных программ; исключение фактов обучения детей школьного возраста в религиозных учебных заведениях в отрыве от общеобразовательных школ; – выявление неконтролируемых мечетей и молельных комнат, функционирующих в образовательных учреждениях, где проводится идеологическая обработка молодежи.

В-четвертых, активизация радикалов в интернет-пространстве и социальных сетях с призывами к террористической деятельности в купе со слабой работой субъектов профилактики с лицами, находящимися в зоне риска, может привести к росту потенциальных криминальных угроз. В связи с этим необходимо с такими лицами организовать адресную работу с использованием органов местного самоуправления, общественности, религиозных деятелей и участкового уполномоченного полиции.

Ослаблению боеспособности террористического подполья будет способствовать применение активных форм информационного воздействия с акцентом на частную профилактику в отношении конкретных граждан и группы лиц, входящей в пособническую базу, состоящую, в основном, из приверженцев религиозного экстремизма, членов семей убитых боевиков, особенно жен и вдов членов террористического подполья (т.н. «женский джамаат» или «черные вдовы», из числа которых вербуются террористки-смертницы для совершения крупных террористических актов на территории РФ), одиноких граждан.

Также необходимо реализовать меры общей профилактики по улучшению образовательного процесса в учебных заведениях, совершенствованию духовно-нравственного, патриотического воспитания молодежи, развитию этноконфессиональных отношений, размещение в СМИ, Интернете и блогосфере материалов, дискредитирующих идеологию религиозного экстремизма.

В-пятых, все еще не налажена системная работа по обеспечению координации деятельности и взаимодействия в данной сфере органов государственной власти, местного самоуправления с привлечением возможностей гражданского общества в сфере организационного, идеологического, информационно-аналитического и пропагандистского, образовательного обеспечения противодействия терроризму и экстремизму.

Архиреева Анастасия Сергеевна,
преподаватель кафедры теории и истории
права и государства Кубанского
государственного аграрного университета;
Никитина Полина Сергеевна,
студентка 3 курса юридического факультета
Кубанского государственного аграрного
университета

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И РОЛЬ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ

Интерес к вопросу о месте финансового контроля в системе разделения властей значительно вырос после принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации, которая провозгласила переход от коммунистической формации к капиталистическому обществу. Говорить о том, к какой ветви отнести финансовый контроль, – сложно, ведь мнения мыслителей по этому поводу различны.

В современной Российской правовой доктрине твердо закрепились три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная, что доказывает развитие в России демократических начал на основе равенства и разделения властей. Однако, такой автор, как В.Е. Чиркин полагает, что теория разделения властей на сегодняшний день не может соотноситься с развитием норм законодательства и государства в целом. Данную точку зрения поддерживают не только многие отечественные теоретики, но и зарубежные правоведы, выделяя в своих научных работах вплоть до 22 ветвей.

Если проанализировать законодательство, регулирующее деятельность органов государственного финансового контроля, то можно заметить, что функции их достаточно разноплановые и в какой-то степени смешаны.

Так, к примеру, М. В. Баглай замечает, что те органы государственной власти, которые формально не вписываются в триаду разделения властей, нужно именовать «органами государ-

ственной власти с особым статусом»[1]. То есть, ученый находит выход из проблемы несовершенства теории разделения властей на три ветви, выделяя, при этом, дополнительные.

Еще в 17 веке такие ученые, как Ж. Руссо, Ш. Монтескье и другие, разработали модель построения государственной власти на основе разделения властей на законодательною, исполнительную и судебную. Но данная мысль не могла учесть всех нюансов развития моделей политико-правового режима как нашего государства, так и других, имеющих схожую правовую систему. Т.Н. Радько утверждает, что система сдержек и противовесов является идеальным изобретением демократического общества. Разветвление государственного аппарата с выделением соответствующих иных органов власти только развивает и совершенствует ее с учетом всех новелл современности разделения властей[2].

Таким образом, не будет целесообразным абсолютизировать теорию разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Для стойкого функционирования государства необходимо выделить такую ветвь, как контрольно-надзорную. Рассмотрим ее содержание подробнее.

Не безызвестно, что основным стратегическим направлением деятельности государства являются функции государства, которые так же, в свою очередь, выражают его сущность и назначение. Следует также отметить, что государственный контроль и надзор не застыл в некой косной форме – он меняется в своем содержании, совершенствуется, приспосабливается к действующим условиям. В настоящее время – это сложный, многоаспектный феномен, нуждающийся в детальном изучении.

Напомним, что высшим конституционным органом государственного финансового контроля является Счетная палата РФ, которая была создана на основании Конституции РФ для осуществления контроля исполнения федерального бюджета. Одной из обязанностей данного органа является контроль формирования, перераспределения и управления федеральным бюджетом, и при выявлении каких-либо отклонений от «правил» Счетная па-

---

[1] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации /М. В. Баглай. – М.: Норма-ИнфраМ, 1999. – С.343.

[2] См.: Радько Т.Н. Проблемы теории государства и права: учебник /Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2017. – С. 77.

лата РФ отправляет соответствующие предписания по устранению нарушений, либо применяет в отношении правонарушителей санкции. На уровне субъектов РФ также действуют контрольные органы, подотчетные органам представительной власти.

Если обращаться к организации государственной власти в зарубежных странах, то можно заметить, что государственные органы финансового контроля могут выступать в качестве части парламента, органа исполнительной власти, или и вовсе, не входить ни в одну ветвь власти. Они являются коллегиальными и ставят перед собой цель контроля исполнения государственного бюджета.

Так, одним из специализированных органов в сфере финансового контроля в США является Главное контрольно-ревизионное управление, которое производит контроль за законным и эффективным использованием бюджетных средств, платежных операций, установлением правил проведения финансовых и бюджетных операций, опираясь на нормативно-правовые акты, непосредственно регулирующие специфику деятельности данного органа.

В ФРГ контрольно-надзорную функцию в «финансовом блоке» осуществляет Федеральная Счетная Палата. В ее полномочия входит толкование финансовых норм, пресечение злоупотребления бюджетными фондами органами государственной власти в реализации программ и финансовой политики.

Во Франции финансовый и бюджетный контроль в центре и на местах относится к ведению также, Счетной палаты. В свою очередь, палата выступает судебным органом, который состоит из магистров, выборных на не сменяющийся пост.

Рассматривая работу специального органа финансового контроля в Великобритании, следует подчеркнуть, что таковым является Управление государственного контроля, которое было создано еще в 1866 году. Возглавляет указанный орган Генеральный контролер, выполняющий роль проверяющего, или, иначе говоря, – ревизора. При сравнении деятельности Управления государственного контроля со специализированным финансовым органом США, то необходимо указать, что полномочия первого менее велики. Круг полномочий Управления составляет проверка соблюдения субъектами правоотношений в сфере бюджета финансового законодательства Великобритании, контроль за свое-

временным и оперативным выполнением указов ведомствами и министерствами.

Значительное внимание по нашему вопросу привлекает Европейский Союз (далее – ЕС) и его практика в области финансового контроля. Дабы регулировать целесообразное движение бюджета ЕС, был создан наднациональный орган, контролирующий отношения финансового и бюджетного характера, и не имеющий в своей деятельности аналогов – это Европейская Счетная палата. Данный независимый орган проводит проверки деятельности других органов, входящих в состав ЕС, институтов, а также следит за рациональным использованием средств бюджета. Однако, постановления Европейской Счетной палаты не имеют юридической силы, а потому, являются лишь рекомендациями.

Нельзя не заметить, что функционирующие в зарубежных странах органы финансового контроля действуют по аналогии работы Счетной Палаты РФ, они также являются вспомогательным органом при Парламенте, и контролируют исполнение федерального бюджета.

Т.Б. Толокнова применила к институциональной структуре ЕС традиционную «трехзвенную» систему разделения властей на власть законодательную (Европарламент и Совет), исполнительную (Комиссия) и судебную (Суд ЕС), и обосновала вывод о том, что Европейская Счетная палата вместе с национальными органами государственного финансового контроля, выполняя контрольную функцию, образуют новую четвертую контрольную ветвь власти[1].

Исходя из проведенного нами анализа, можно сделать вывод о том, что на сегодняшнем этапе развития нашего государства законодателям, правоведам, и мыслителям необходимо учитывать все реалии совершенствования государственной власти и выделять контрольно-исполнительную ветвь власти как одну из основных, ведь по сути, она давно существует и функционирует. Такая ветвь наиболее характерна для постиндустриального, информационного общества, где функции контрольно-надзорного органа направлены на рост качества жизни всего населения.

---

[1] Толокнова Т. Б. Европейская Счетная палата как основной институт системы финансового контроля в праве Европейского Союза: автореф. дис. канд. юрид. наук / Т.Б. Толокнова. – М., 2010. – С.27.

Дергилева Светлана Юрьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И.Д. Путилина

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ НАУКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ОТТО МАЙЕРА

Становление науки полицейского права происходило в период укрепления абсолютной монархии в Западной Европе и Российской империи[1]. В этот период полицейское право оформилось как наука: сложился понятийно-категориальный аппарат[2], определились предмет, система и приемы исследования[3].

Корни *термина «полиция»* – в греческом слове πολιτεία (городское дело, городское (государственное), устройство). Этот же смысл придавали термину politia римляне. С конца XVI в. данный термин приобрел иной смысл: он стал обозначать совокупность различных элементов общественного порядка, общественное благополучие и правительственную деятельность, направленную на его обеспечение. Термин «полиция» вошел в употребление во всех европейских государствах, нашел широкое применение в официальном языке законодательства и научной литературе[4]. Полицией стали называть систему практических мероприятий, осуществлявшихся государственной властью в сфере управления обществом, а полицейским правом – складывающую-

[1] Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.

[2] См.: Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полицейская система России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 216–227.

[3] Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. С. 18.

[4] Stolleis M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 1. München: Beck, 1988. S. 369; Wolzendorff K. Über den Umfang der Polizeigewalt im Polizeistaat. Marburg: Heinrich Bauer, 1905. S. 3; Елистратов А. И. Государственное право. Пособие к лекциям. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912. С. 4.

ся систему знаний об этой сфере государственной деятельности[1]. Осмысление проблем управления государством и установления отношений между органами власти и обществом обусловили возникновение в XVII в. науки полицейского права[2].

Систематическая разработка проблем науки полицейского права начинается в середине XIX в. – начале XX в. В данный период наука полицейского права получает название права внутреннего управления, а позже административного права[3].

Одним из выдающихся представителей административного права в Германии конца XIX – начала XX в. стал *Отто Майер* (Otto Mayer (1846–1924), на идеях которого в XX в. произошло становление современной административно-правовой науки[4]. Отто Майер родился в г. Фюрт (Бавария) 29 марта 1846 г. В 1882 г. – профессор гражданского права, межгосударственного частного права и административного права в Страсбурге. В 1887 г. – ординарный профессор. В 1893 г. – член Обер-консистории церкви Аугсбургского вероисповедания. В 1903 г. – ординарный профессор в Лейпциге. Умер 8 августа 1924 г. в г. Гейдельберг[5].

О. Майер изложил свое видение принципа правовой государственности в вышедшем впервые в 1895 г. произведении «Deutsches Verwaltungsrecht»[6]. В двухтомном монографическом исследовании О. Майер поставил себе задачу определения пред-

---

[1] Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 228–229.

[2] Гундарин О. Т., Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии / Под ред. В. П. Сальникова, Е. Б. Хохлова, А. В. Ильина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. С. 5.

[3] Нижник Н. С. Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–766.

[4] Старилов Ю. Н. Административное право: В 2 ч. Ч. I. История, наука, предмет, нормы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. С. 29.

[5] Der Große Brockhaus. Handbuch des Wissens in zwanzig Bänden. 12. Bd. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1932. S. 291.

[6] Mayer O. Deutsches Verwaltungsrecht. Bd. 1–2. Leipzig: Duncker und Humblot, 1895–1896. О работе О. Майера см.: Майер Отто // Большая советская энциклопедия. Т. 37. / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М., 1938. Стб. 700; Старилов Ю. Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX в.: Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 22.

мета германской науки административного права[1]. Первый том работы содержит общую часть административного права (основные этапы исторического развития немецкого административного права и их характеристика, признаки системы административного права, вопросы, касающиеся правовой защиты по административным делам) и особенную часть (учение о правовых основах полицейской власти, теория финансового управления). В рамках второго тома О. Майер рассматривает вопросы, касающиеся публичного вещного права, публично-правовых обязательственных правоотношений (публично-правовая служебная обязанность, публичные налоги, функционирование учреждений со взаимным выполнением обязательств), юридических лиц публичного права.

О. Майер исходил из того, что необходимой основой административного права является государство, в котором народное представительство при осуществлении государственной власти участвует в законотворчестве. При этом государство должно осуществлять свою деятельность на основании закона. Требование установить власть закона над управлением нашло отражение в широко применяемом О. Майером термине «правовое государство»[2].

Управление, по О. Майеру, – «деятельность государства по осуществлению своих целей в рамках установленного правопорядка»[3]. Чтобы соответствовать принципам правового государства, управление в нем должно быть связано правовыми принципами, создание которых обеспечивает конституционное право. Подчеркивая значимость общих принципов права, О. Майер обращал внимание на роль властного акта, регулирующего властные отношения в каждом случае совершения управленческого действия и подлежащего судебному контролю[4].

Анализируя подходы О. Майера к определению предмета и задач науки административного права, А. И. Елистратов обращал

---

[1] Mayer O. Deutsches Verwaltungsrecht. Bd. 1–2. Leipzig: Duncker und Humblot, 1895. S. 7.

[2] Старилов Ю. Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX в.: Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 23.

[3] Там же. С. 23.

[4] Там же. С. 29–30.

внимание на использование О. Майером мысли П. Лабанда[1] о том, что наука об управлении должна изучать государственную деятельность и при этом «довольствоваться анализом и синтезом проявляющихся в деятельности государства правовых отношений и созданных для их регулирования правовых институтов»[2]. О. Майер отмечал, что основу административного права составляет система отношений между властью и гражданином, поэтому теорию административного права он строил на идее субъективно-публичных прав граждан, которые противостоят государственной власти. Правящая власть призвана охранять публичные права граждан, которые О. Майер разделил на четыре группы: право на свободу или невмешательство, право на услуги со стороны государства, политические права, право пользования публичными вещами[3].

Рассмотрение проблем административного права О. Майер производил с учетом институционных основ частного права и особенностей публичного права. Он сформулировал понятия «субъективное публичное право», «публичное предприятие», «публичная собственность»[4]. Характеризуя терминологию административно-правовой науки, О. Майер отмечал, что «германский правовой язык для исследования еще достаточным образом не подготовлен и недостаточен»[5], поэтому, осознавая принципиальные различия между публичным и частным правом, при создании понятийно-категориального аппарата административного права необходимо «брать ссуду у гражданского права»[6].

Опираясь на цивилистическую догматику, используя юридические методы, О. Майер способствовал формированию догма-

---

[1] См.: Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Rechts. Bd. 1–3. Tübingen: Laupp, 1876–1882.

[2] Цит. по: Елистратов А. И. Учебник русского административного права. Пособие к лекциям. Вып. 1. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1910. С. 2.

[3] Цит. по: Бельский К. С. Феноменология административного права. Смоленск: Изд-во СГУ, 1995. С. 16.

[4] Старилов Ю. Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX в.: Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 23.

[5] Mayer O. Deutsches Verwaltungsrecht. Bd. 1–2. Leipzig: Duncker und Humblot, 1895–1896. S. 8.

[6] Там же. S. 9.

тической системы из многочисленных явлений публичного права. Под влиянием французских административно-правовых теорий в конце XIX в. ученый впервые создал законченную систему общего административно-правового учения[1].

Учение О. Майера оказало серьезное влияние на формирование научных взглядов российского ученого-административиста первой трети XX в. Аркадия Ивановича Елистратова. На основе учения, разработанного О. Майером, А. И. Елистратов развил идеи о взаимообусловленности развития правового государства и административного права, содержащего нормы – регуляторы отношений между властью и гражданами[2] о сущности правового государства, в рамках которого законодательные органы и органы управления обособлены, а управление осуществляется на основе норм, закрепленных в законодательстве[3].

Развивая идеи О. Майера, А. И. Елистратов рассматривал административное право как отрасль публичного права, но при этом отмечал, что как частное или гражданское право регулирует частные отношения отдельных лиц между собой (отношения, возникающие на почве их частных интересов), так и публичное право определяет отношения между представителями власти и подвластными (отношения, содержанием которых является публичный интерес, интерес государственной власти). Аналогично правовой связи частных лиц в гражданском праве, А. И. Елистратов выстраивал логическую конструкцию правовой связанности государственной власти в сфере публичного права[4]. Основываясь на этих положениях, А. И. Елистратов в начале XX в. создаст оригинальное учение о публично-правовых отношениях в области внутреннего государственного управления.

---

[1] Цит. по: Старилов Ю. Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX в.: Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 24.

[2] Елистратов А. И. Учебник русского административного права. Пособие к лекциям. Вып. 1. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1910. С. 2; Учебник русского административного права. Пособие к лекциям. 2-е изд., испр. Вып. I. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1911. С. 2.

[3] Елистратов А. И. Государственное право. Пособие к лекциям. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912. С. 53.

[4] Елистратов А. И. Учебник русского административного права. Пособие к лекциям. Вып. 1. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1910. С. 1–2.

Таким образом, идея О. Майера о том, что в основу определения понятия «административное право» следует положить отношения, связанные с государственным управлением, в работах А. И. Елистратова получает теоретическое обоснование и комплексное развитие. А. И. Елистратов сформулировал положения общей части административного права, которые легли в основу этой отрасли российского права нашли свое отражение в трудах ученых-административистов XXI в.

Стоцкий Александр Петрович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО ГЕНДЕРНОМУ ПРИЗНАКУ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ

Проблеме ограничений на свободу передвижения посвящено множество современных исследований. В одних публикациях рассматриваются вопросы возникновения ограничений[1], в других – описываются механизмы закрепления и реализации[2], в третьих – анализируются правовая конструкция права на свободу передвижения, его элементы, определяются носители, а также основания и пределы ограничения[3]. При этом большинство авторов сходится во мнении, что под свободой передвижения стоит понимать

[1] См.: Кудрявцева А. В. Становление права на свободу передвижения // Ученые записки Орловского государственного университета: Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 423–428.

[2] См.: Рыбинцева Е. В. Регистрационный учет и право граждан на свободу передвижения // Юридическая мысль. 2015. № 3 (89). С. 59–63; Кульбашный В. Д. К вопросу о допустимости ограничения права на свободу передвижения в закрытых административно-территориальных образованиях // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2016 год / Отв. за вып. А. Г. Кощаев. Краснодар: КубГАУ, 2017. С. 770–772.

[3] См.: Гулина О. Р. Право на свободу передвижения (часть 1) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 138–144; Гулина О. Р. Право на свободу передвижения (часть 2) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 196–202 и др.

одно из личных прав человека, «представляющие собой возможность беспрепятственно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства в любой части территории государства, а также покидать территорию государства и возвращаться на нее при соблюдении ряда требований закона»[1].

Опыт изучения национальных правовых систем, относящихся к различным правовым семьям[2], дает возможность утверждать, что абсолютной свободы передвижения людей не существует; институт ограничений на свободу передвижений в той или иной степени существует во всех странах; в качестве *оснований* введения ограничений на свободу передвижений в правовых системах различных государств указывается: безопасность человека[3]; сохранность природы от негативного вмешательства человека; неприкосновенность частной собственности; религиозные ценности и др. Анализ законодательства Греции, Японии, Индии, Великобритании, Исландии, США, Бразилии свидетельствует, что среди вышеперечисленных оснований, два из них используются без дискриминации по половому признаку – это безопасность человека и сохранность природы от негативного вмешательства со стороны человека.

Гендерный подход при введении ограничений на свободу передвижения можно наблюдать в тех случаях, когда он касается либо частных территорий, либо обусловлен религиозными нормами, признаваемыми в этой стране официально. Примерами частных территорий, где действует ограничение на передвижение по половому признаку можно назвать мужские и женские учеб-

---

[1] Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 666.

[2] Нижник Н. С. О понятии правовой системы и ее структурных элементах // Правовая система России: традиции и инновации: Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2013 г. / Под общ. ред. Н. С. Нижник: В 5 ч. Ч. V. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. С. 5–11.

[3] См.: Нижник Н. С. Безопасность личности, общества и государства: плюрализм подходов к моделированию системы обеспечения // Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: Материалы круглого стола / Под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко. СПб.: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2016. С. 110.

ные заведения США (Хэмпден-Сидней-колледж), Южной Кореи (Женский университет Ихва), Бангладеша (Азиатский университет для женщин), Саудовской Аравии (Университет принцессы Норы бинт Абдулрахман), Японии (Японский женский университет) и др. стран. При этом, собственники некоторых вышеперечисленные учебных заведений, принимающие на обучение мужчин или женщин, де-факто руководствовались религиозными нормами, а де-юре ссылались на право частной собственности.

В христианстве, синтоизме, исламе, буддизме, индуизме, иудаизме, зороастризме и других религиях существуют целый ряд норм, которые действуют не одинаково в отношении мужчин и женщин[1]. В этой связи мы обратим внимание не столько на причины, сколько на последствия гендерных различий применительно к свободе передвижения.

Примером введения ограничения на свободу передвижения женщин в христианской культуре является нормы греческого права, запрещающие посещать женщинами территорию греческого полуострова в районе горы Афон. Такое особое правовое положение полуострова обусловлено религиозными, историческими, культурными и другими факторами повлиявшими на эволюцию греческого государства[2]. Благодаря им современная Греция представляет собой сложное унитарное государство, территория которого делится на 7 децентрализованных администраций, 13 регионов и 325 муниципалитетов[3]. В состав страны входит автономное административно-территориальное образование под названием «Айон Орос» (в переводе с греческого означает «Святая Гора») или другое официальное название «Автономное монашеское государство Святая Гора»[4]. Вместе с этим в научной

---

[1] См.: Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Ред. И. В. Костикова. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 195–204.

[2] См.: Стоцкий А. П. Сравнительно-правовой анализ правовых систем современной Греции и России // Правовая система России: традиции и инновации. Материалы X Всероссийской научно-теоретической конференции: В 5 ч. / Под общ. ред. Н.С. Нижник. СПб.: СПб ун-т МВД России. 2013. С. 206–210.

[3] См.: Греческая Республика / Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Отв. ред. д.ю.н., проф. А. Я. Сухарев. 2–е изд., изм. и доп. М.: Норма. 2001. С. 175–180.

[4] Устав Святой Горы Афон (установленный Законодательным актом «Об утверждении Устава Святой Горы» от 1 июня 1926 г.) // Конидарис И. М. Устав Святой Горы Афон / Пер. с новогреч. Татьяны Артюховой. Афон: Издание монастыря Симонопетра, 2016. 160 С.

и публицистической литературе чаще всего используется сокращенное название монашеского государства – Афон[1] (одноименное названию горы, на склонах которой оно было образовано). Конституционно Афон обладает «привилегированным положением» и является «самоуправляемой частью Греческого государства, суверенитет которого над ним остается неприкосновенным. Все монашествующие на ней приобретают греческое гражданство без каких-либо формальностей, как только они принимаются в число послушников или монахов»[2]. Афон освобожден от всяческих реформ и налогов, а также обладает таможенными привилегиями[3]. Управление Афоном осуществляется двадцатью монастырями, между которыми поделен весь полуостров, «территория которого не подлежит принудительному отчуждению»[4]. Нормативной основой управления является Конституция Греции от 11 июня 1975 года и Устав Святой Горы Афон принятый 1 июня 1926 года, который в свою очередь, опирается на буллу византийского императора Константина IV, передавшего в 676 году Афон в вечную собственность монахам-насельникам и хрисовул византийского Императора Василия I Македонянина, который даровал монахам Святой Горы независимость от местных гражданских и церковных властей.

В 1045 году при византийском императоре Константине IX Мономахе была принята одна из редакций устава Афона (положения которой были включены в Устав Афона 1924 г.), официально запретившая женщинам находиться на его территории[5]

---

[1] См. например: Холодюк А. Г. Афон: взгляд из Баварии (записки паломника). Мюнхен, 2011. 175 С.; Fennell N. The Russians on Athos. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt/M., New York, Wien: Verlag Peter Lang, 2001. 217 P.; Галушко А. Ю. Святая Гора Афон как элемент балканской дипломатии России в конце XIX – начале XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 23 (709). С. 34–43.

[2] Статья 105, п. 1 Конституции Греции от 11 июня 1975 года // Конституции государств Европейского Союза / Общ. ред. Л. А. Окуньков. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 102.

[3] Статья 2 Законодательного акта «Об утверждении Устава Святой Горы» от 1 июня 1926 г.// Конидарис И. М. Устав Святой Горы Афон / Пер. с новогреч. Татьяны Артюховой. Афон: Издание монастыря Симонопетра, 2016. С. 102.

[4] Статья 105, п. 2 Конституции Греции от 11 июня 1975 года // Конституции государств Европейского Союза / Общ. ред. Л. А. Окуньков. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 102.

[5] Статья 186 Устава Святой Горы Афон (установленный Законодательным актом «Об утверждении Устава Святой Горы» от 1 июня 1926 г.) гласит: «Вход на полуостров Святой Горы существ женского пола по издревле установившейся традиции запрещается» (См.: Конидарис И. М. Устав Святой Горы Афон / Пер. с новогреч. Татьяны Артюховой. Афон: Издание монастыря Симонопетра, 2016. С. 157.)

(исключение было сделано для кошек, которые до сих пор защищают имущество монастырей от грызунов и для кур, яйца которых широко используются в производстве продуктов питания). Указ президента Греции Константиноса Цацоса изданный в 1953 году предусматривает тюремное заключение на срок от 2 до 12 месяцев для женщин, умышленно нарушивших этот запрет[1]. При этом надо отметить, что в разные годы женщины-беженки находили пристанище на острове[2]. Сохранение запрета было одним из выдвинутых Грецией условий вступления в Евросоюз. Несмотря на это, периодически различные органы ЕС пытаются оспорить этот пункт[3]. Однако до сих пор этого сделать не удавалось, так как формально юридически Афон находится в частном владении – вся территория горы разделена на двадцать частей между расположенными тут монастырями[4]. Надо заметить, что запрет на посещение монастырей лицами противоположного пола в Греции до сих пор соблюдается достаточно строго. На Афоне, а также во многие другие мужские монастыри Греции женщин не пускают, а в большинство женских монастырей не пускают мужчин (кроме служащего духовенства).

В культуре синтоизма тоже существуют примеры введения ограничений на свободу передвижения. Под запретом для посещения представительницами женского пола находятся некоторые горы входящие в территориальную юрисдикцию Японии.

Начиная с VII века в Японии происходит становление государственной религии – синтоизма. На вершинах многих гор строились храмы, где мужчины получали опыт аскетической жизни, воздерживаясь от различных мирских удовольствий. В конце XIII века посещение гор (Фудзи, Хиэй, Омине и др.), где располага-

---

[1] См.: Κωνσταντίνος Τσάτσος: Λογοδοσία μιας ζωής, τόμ. 1ος, εκδ. Οι εκδόσεις των φίλων, Αθήνα, 2000. σελ. 233.

[2] На Афоне получили помощь беженцы после так называемого «Орловского восстания» в 1770 году. Здесь укрывались женщины, спасавшиеся от преследования власти Турции после греческого восстания в 1821 году. В годы греческой гражданской войны 1945−1949 годов на Афоне нашли прибежище коммунистки из партизанского движения.

[3] См.: Карвунис Ю. А. Социально-философский анализ аватона Святой Горы Афон в современном европейском культурном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 35–38.

[4] См.: Anthony-Emil N. Mount Athos and the European community. Athens: Tachiaos, 1993. 171 p.

лись синтоистские храмы, было официально ограничено для женщин[1]. Вплоть до 1872 года действовало это ограничение, пока японское правительство эпохи Мэйдзи не сняло большинство запретов[2]. Однако в некоторых горах действие ограничения не было прервано до сих пор. Например, гора Омине в префектуре Нара является одной из самых высоких гор в стране. На подходе к горе установлены каменные столбы с надписями на различных языках гласящие следующее: «Любым женщинам запрещено входить на гору Омине». В 2004 году ЮНЕСКО включило гору Омине в список объектов Всемирного наследия ООН. Ограничение на свободу посещения горы представительницами женского пола было сохранено, невзирая на многочисленные протесты различных групп[3].

Еще одним из священных и запретных мест для женщин в Японии можно назвать остров Окиносима (префектура Фукуока), который могут посещать только небольшие группы синтоистских священников и мужчин. Как правило, один раз в год, 27 мая на остров прибывают около 200 мужчин[4]. Им ничего не разрешают брать с собой. Согласно действующим правилам, прежде чем они войдут на землю острова, им необходимо совершить омовение в прибрежных водах[5]. Далее они совместно совершают религиозные обряды, посвященные в том числе, памяти погибших моряков и покидают остров. Всем лицам, посетившим остров запрещается рассказывать о происходящем на нем действиям, а фото, аудио и видеосъемка запрещена[6].

---

[1] См.: Вудард У., Оно С. Синтоизм: Древняя религия Японии. М.: София, 2007. 160 с.

[2] См.: Дейноров Э. История Японии. М.: АСТ, 2011. С. 517–601.

[3] См.: Bruce Wallace. Sacred Mountain Still Off-Limits to Women // Los Angeles Times. 2004. 5 september. p. 9–10.

[4] Официальный сайт храмового комплекса Окиносима [Электронный документ] Режим доступа: http://www.okinoshima-heritage.jp/en/protect/heritage#kini-area (Дата обращения 12.10.2017).

[5] См.: Japanese sacred island where women are banned gets Unesco world heritage listingc // The guardian. 2017. 12 July [Электронный документ] Режим доступа: http://www.theguardian.com/world/2017/jul/10/japanese-sacred-island-where-women-are-banned-gets-unesco-world-heritage-listing (Дата обращения 12.10.2017).

[6] См.: Japan's Okinoshima island gains Unesco World Heritage status // BBC. 2017. 9 July. [Электронный документ] Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-40549909 (Дата обращения 8.10.2017).

В культуре ислама на протяжении столетий тоже действуют ограничения на свободу передвижения в отношении женщин живущих в Саудовской Аравии, Катаре, Индонезии и др. странах. Однако в последние годы можно наблюдать как примеры введения гендерных ограничений, так и примеры их отмены. Расположенная на острове реки Ворли в Мумбаи (Индия) мечеть Хаджи Али Дарга, является одновременно гробницей жившего в XV веке торговца по имени Пир Хаджи Али Бухари[1]. Изначально вход в мечеть являлся доступным для всех людей, но в июле 2012 года была принята норма, запрещающая женщинам посещать внутреннее святилище согласно положениям законов шариата (женщины не в праве приближаться к месту захоронения святого мусульманина). Однако уже в 2014 году Верховный суд Мумбаи принял решение, отрыть мечеть для всех людей «независимо от их касты, вероисповедания или пола»[2].

В индуистской религиозной культуре также можно найти примеры того, как действуют гендерные ограничения на свободу передвижения. Храм в честь богини Айяппаны, расположенный в популярном для паломников–индуистов месте Сабаримале (округ Патанамтитта в Керале, Индия)[3] открыт для мужчин, а также представительниц женского пола младше шести и старше шестидесяти лет. Согласно официальной версии, женщин не пускают внутрь потому, что по преданию богиня Айяппан может «ненароком увлечься их прелестями и уйти из святилища вслед за ними»[4].

В современной Индии, а также других странах, где широко распространена культура буддизма можно также обнаружить нормы, которые закрепляют гендерные ограничения на свободу передвижения. Например, в Республике Мьянма местом паломничества является Пагода Чайттийо (штат Мон), также известное

---

[1] См.: Официальный сайт мечети Хаджи Али Даргах [Электронный документ] Режим доступа: http://www.hajialidargah.in (Дата обращения 15.10.2017).

[2] Sonam Saigal Women can enter Haji Ali sanctum, rules HC // The Hindu. 2016. 27 August. [Электронный документ] Режим доступа: http://www.thehindu.com/news/cities/mumbai/Women-can-enter-Haji-Ali-sanctum-rules-HC/article14593111.ece (Дата обращения 12.10.2017)

[3] См.: Bardwell L. Smith Religion and the Legitimation of Power in South Asia Netherlands E. F. Brill, Leiden, 1978 186 p.

[4] См.: Официальный сайт храма Айяппаны в Сабаримале [Электронный документ] Режим доступа: http://www.sabarimala.org/ (Дата обращения 14.10.2017)

как «Золотая скала». На вершине холма Чайттийо (это часть восточных гор Йома) на наклонной поверхности лежит позолоченный валун (около 7,6 м в высоту и около 15 м в диаметре), который по преданию держится на одном «волоске Будды». Женщинам подходить к скале и тем более ее касаться официально запрещено[1]. За этим следят охранники храмового комплекса Пагода Чайттийо.

Подводя итог, стоит отметить, что абсолютной свободы передвижения людей не существует, при этом институт ограничений на свободу передвижений в той или иной степени действует во всех странах мира. В качестве оснований введения ограничений на свободу передвижений в правовых системах различных государств указывается: безопасность человека; сохранность природы от негативного вмешательства человека; неприкосновенность частной собственности; религиозные ценности и др. Гендерный подход при введении ограничений на свободу передвижения можно наблюдать в тех случаях, когда он касается частных территорий или обусловлен религиозными нормами, признаваемыми в этой стране официально. Существуют целый ряд религиозных норм в буддизме, христианстве, исламе, синтоизме, индуизме, иудаизме и зороастризме, которые зачастую находят отражение в официальных источниках права и которые используют гендерный подход при введении ограничений на свободу передвижения. В тех странах, где официально не допускается дискриминация по половому признаку, но сильны религиозные нормы, как правило, для введения гендерных ограничений на свободу передвижения в качестве основания официально используется институт частной собственности.

[1] См.: Manieri, Ruth A. The Myanmar Maneuver. USA, Bloomington: AuthorHouse. 2006. pp. 175–176.

Урумов Аскер Валерьевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры специально-
технической подготовки Северо-Кавказского
института повышения квалификации
(филиала) Краснодарского университета
МВД России

СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА ЗАКОННОСТИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Освещение проблематики законности в теории права и государства имеет давние и богатые традиции. Она восходит к истокам юриспруденции и теории государства и права, сопровождая всю историю их развития вплоть до современности.

Научное обобщение и осмысление накопленного гносеологического и эмпирического материала по данному вопросу, отдельные положения которого требуют уточнения и переосмысления в свете происшедших изменений, определение места и роли законности в системе категорий, выражающих природу гражданского общества и правового государства, – это объективная потребность.

Законность характеризуется сложной внутренней структурой и многоплановостью самовыражения. Поэтому в юридической литературе развивается плюрализм взглядов и дефиниции законности, определяющих ее по-разному: как режим неуклонного исполнения выражающих волю народа законов и основанных на них правовых актов[1]; как соответствие нормам права деятельности участников правовых отношении[2]; как конституционная обязанность правомерного поведения или реализация системы идеологических, психологических и юридических требований правомерного поведения всех индивидов, должностных лиц, государственных и общественных организации[3]; как принцип права,

[1] См.: Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960. С. 43; Рабинович П.М. Упрочнение законности - закономерность социализма. Львов, 1975. С. 121.

[2] Жилинский С.Э. Роль КПСС в укреплении законности на современном этапе. М., 1977. С. 18.

[3] См.: Еременко Ю.П. Советская конституция и законность. Саратов, 1982. С. 28; Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. С. 48-49.

выражающий демократический режим общества[1]; как идея, требование и система (режим) реального выражения права в законах государства, законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве[2]; как принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и основанных на них подзаконных нормативных актах всеми участниками общественных отношении[3]; как политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно-правовой формы организации общества и реализации идей социальной справедливости путем строгого и неуклонного соблюдения действующего законодательства[4]; как режим общественной и государственной жизни, метод руководства обществом, принцип правового регулирования в демократически устроенном государстве, где строго и неуклонно соблюдаются только правовые законы и где требования законности относятся только к тем, кто наделен властью, находится на государственной службе[5]; как постоянно функционирующее и развивающееся состояние общественных отношений, характеризуемое уровнем регламентации и соблюдения требований государства, выраженных в законодательных и иных нормативных правовых актах, в соотнесении со степенью удовлетворения представлений и ожиданий правоприменителей и общества в целом, характеризуемое состоянием и динамикой правонарушаемости, ее структурой и тенденциями[6] и т.д.

Наличие столь различных точек зрения на один и тот же вопрос, с одной стороны, не является чем-то порочным и недопустимым. Здесь важна польза для достижения научной истины. С другой, различия в определении говорят о неоднозначности его содержания, о дискуссионности различных аспектов теории законности в целом, включая определение ключевого понятия «за-

---

[1] Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 193.

[2] Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: Курс лекции / Под. общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 523.

[3] Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М., 1994. С. 31.

[4] Лисюткин А.Б. Законность и правопорядок // Теория государства и права: Курс лекции / Под. общ. ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997, С. 515.

[5] Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. С. 165.

[6] Законность в Российской Федерации. М., 2008. С. 25.

конность», а также об отсутствии объективно обусловленного, скорректированного методологического подхода к определению законности и, как следствие, о неизбежности субъективизма в оценке критериев и элементов законности.

Сегодня от общей теории права требуется осмысление современных политико-правовых процессов, определение путей практического использования права как средства решения стоящих перед обществом и государством задач, отечественные правоведы ставят и обосновывают весьма широкий комплекс проблем, одной из которых является категория «законность». Конечно, процесс совершенствования теории законности очень сложен и противоречив, ибо предметом изучения являются как внешние, так внутренние аспекты. Поэтому необходимо учитывать ряд существенных особенностей. *Во-первых*, законность является результатом взаимодействия различных внешних факторов, определяющие ее природу. Сам процесс совершенствования теории законности идет в соответствии с тенденциями развития общества, что выводит определение законности за предметно-функциональные рамки. В связи с чем, необходимо учитывать экономические, социально-политические, нравственно-психологические факты. *Во-вторых*, причина разногласия ученых относительно понятия «законности» является следствием применяемых ими методов и абстрагирование от некоторых нюансов и оттенков, которые привносит каждый автор в понимании данной категории. *В-третьих*, система методов, используемых той или иной теорией для выявления содержания законности, зависит, прежде всего, от понимания теорией своего предмета. Плюралистическое понимание природы права (правопонимание) правовыми теориями и школами приводит к разноречивым решениям не только вопроса о праве и вопроса о методах, но и самого понятия законности. *В-четвертых*, для выявления действительного содержания понятия, необходимо рассматривать ее во взаимосвязи и взаимозависимости с другими понятиями. Ибо понятия должны не только отражать некоторые свойства, признаки явлений, но и находиться между собой во взаимосвязи. Определяя понятие, мы выявляем отношение данной категории к другим, так как в этих отношениях она определяет свое истинное содержание.

Для смягчения спорных моментов и стремясь синтезировать различные взгляды, целесообразно дать определение законности исходя из соотношения ее сущности, содержания (цели) и практического действия.

Стержень любой теоретической конструкции это выявление сущности. Позиция, согласно которой сущностью законности является «общая воля» субъектов права, каждый из которых «посредством общего волевого акта признает в друг друге равным себе»[1], не является убедительной, ибо воля выступает одним из объектов законности. Тем более, подобная трактовка сущности законности отождествляет ее с поведениями людей, с их правомерными поступками, с их отношениями развивающимися на основе и в рамках закона, что приводит к употреблению термина «законность» как синоним термина «правопорядок».

Строгое и полное исполнение законов является сущностью законности. Но толкование этого положения имеет ряд особенностей.

Во-первых, под законностью следует понимать не только требования к субъекту реализации права – неуклонно следовать законам, но, прежде всего, требования к законодателю – адекватно воплощать общечеловеческие идеалы справедливости, общепризнанные (в том числе международным сообществом) права и свободы личности, объективные тенденции социального процесса в нормативно-правовых актах государства. Иначе говоря, основу законности составляют законы, отражающие наиболее важные, существенные, закономерные черты права. В процессе такого законотворчества используются научные знания отраслевых наук и, прежде всего знания теории права и государства.

Общая теория права имеет положения и выводы (имеющие важное методологическое значение), определяющие основные параметры, которые необходимо учитывать в ходе создания закона. К ним относятся:

- принципы, отражающие наиболее важные, существенные, закономерные черты права современного правового государства и гражданского общества: незыблемость и неотчуждаемость прав

[1] Болотина Е.В., Талянин В.В. Законность и правопорядок // Проблемы теории права и государства: Курс лекции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. С. 200.

и свобод человека и гражданина, примат общепризнанных норм и принципов международного права над национальным законодательством, демократизм, гуманизм, социальная справедливость, соответствие норм права экономическому и культурному развитию общества, сочетания в законодательстве убеждения и принуждения;

- теоретические положения о законе, его видах и месте в системе нормативно-правовых актах, их соотношении, эффективности его действия, о специфики правотворческой деятельности и взаимоотношениях его субъектов;

- теоретические положения, характеризующие норму права как целостную систему, состоящую из трех элементов – гипотезы, диспозиции и санкции, ее основные признаки и способы изложения в законах и иных нормативно-правовых актах;

- теоретические положения о системном строении права как совокупности отраслей и институтов права, роли предмета и метода правового регулирования в дифференциации правовых норм на отрасли права;

- теоретические положения правоотношений, способы взаимосвязи субъективных прав и юридических обязанностей, способы защиты управомоченным субъектом нарушенного права и т.д.

Иначе говоря, речь идет о методологическом вооружении законодателя, которое помогает глубже понять природу права, его принципы, предупреждает ошибки в правотворчестве. Ведь методологически обоснованное правотворчество – препятствие для появления несовершенных законов. Методология правотворчества оказывает влияние и на правоприменительную деятельность, способствуя правильному пониманию смысла законов и содержания правовых норм, правильному применению их как основания для издания подзаконных актов, для осуществления юридических действий, для использования механизма правовой защиты граждан и юридических лиц. Методологические знания при применении на практике являются принципами, которыми должен руководствоваться законодатель. Эти принципы предопределяют методику и технику правотворчества, являясь в своем роде диалектикой общего (принципы), частного (методика), единичного (техника). Но здесь порождается вопрос о степени обязательности правил подготовки и принятия законодательных

и иных актов, различных методических рекомендаций. Потребность придания им общеобязательный характер очевидна. Большие надежды в этом плане научным сообществом возлагается на Федеральный закон «О нормативных правовых актах», который не принят. В нем содержатся нормативы к процедуре подготовки законопроектов. Своего рода «законы о законах» приняты во многих субъектов Российской Федерации. Однако далеко не все подобные законы полностью регулируют все необходимые вопросы, хотя некоторые из них по-своему уникальны. Например, в законе Республики Адыгея от 09.10.1998 № 92 (ред. от 30.07.2014) «О нормативных и иных правовых актах» содержится интересная система нормативных актов, в частности предусматривается возможность наличия конституционных законов Республики; в Свердловском областном законе от 10.03.1999 № 4-ОЗ (ред. от 24.09.2018) «О правовых актах в Свердловской области» и в законе Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 (ред. от 05.06.2018) № 52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» весьма подробно раскрываются стадии законодательного процесса; в законе Краснодарского края от 06.06.1995 г. № 7-КЗ (ред. от 29.04.2016) «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» сделана попытка регулирования процесса лоббирования. Во всех вышеперечисленных региональных законах уделяется значительное внимание прогнозированию и перспективному плану законодательной деятельности, научной экспертизе законопроектов.

Во-вторых, законность требует соблюдение и исполнение законов. Это связано с тем, что закон обладает наибольшей юридической силой, обеспечивающее ему верховенство среди иных нормативно-правовых актов, принимается высшим органом государственной власти, регулирует основополагающие (важные) общественные отношения и общеобязательны для всех. Однако это положение не исключает соблюдение и исполнение подзаконных актов. Следует признать справедливым мнение М.С. Строговича, согласно которому в определении законности не нужно специально оговаривать, что «законность требует соблюдение и исполнения не только законов, но и подзаконных актов, так как подзаконный акт, изданный на основе закона, в соответствии с законом и во исполнение закона, представляет собой

способ, форму реализации закона»[1]. Нужно отдавать отчет в том, что посредством закона все вопросы и отношения не урегулируешь. И подзаконные акты выполняют здесь позитивную роль, если они не подменяют закон, не обходят его или не расходятся с ним.

Конечно, законность не сводится к сумме законов и это не просто управление обществом с помощью законов. Законы – основа законности. Но природа появления законности тесно вплетается в процессы происхождения не только закона, но и права. В самой триаде право – закон – законность присутствует тесная взаимосвязь. Так право с помощью закона приобретает текстуальное выражение, ибо «язык – основное средство общения людей, поэтому только словами и выраженными ими понятиями можно определить, что делать, чего не делать, что правильно или неправильно»[2]. Законы же обязаны отражать существенные черты права, дабы приобретать правовое качество. Основой законности является закон, а требования законности в свою очередь относятся ко всем этапам зарождения и жизни закона, что обуславливает его легитимность. Законность же является одним из принципов права, а наличие правового законодательства это одно из требований законности. Но связь резко ослабевает при раздвоении закона на формальный и правовой, ибо последовательно раздваивается и сама законность, следствием чего нарушается принцип единства законности, что абсолютно недопустимо. Поэтому современная российская теория права не должна возрождать дуалистическое противостояние естественного и позитивного права, а работать над их дальнейшим совершенствованием, над поиском концепции, которая объясняла бы право как многообразный, но единый феномен.

Центральный элемент законности – требования, образующие ее содержание. Но самое главное, в них и посредством их конкретизируется цель, состоящая в формировании гражданского общества и правового государства. Этот элемент предопределяет в свою очередь следующий – систему условий, средств, способов

---

[1] Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 14.

[2] Лейст О.Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 3.

и приемов, при помощи которых происходит осуществление требований. Здесь речь идет о механизме реализации (гарантии законности) требований и начал законности. Он способствует достижению выраженной в них цели. Целевой характер законности обусловлен ее сущностью. Постановка и закрепление цели в законодательстве и ее достижение – закономерный процесс. Она на достаточно продолжительный период времени определяет ход общественного развития. Таким образом, законность это явление представляющее собой сложное системное образование, носящее динамический и аксиологический характер.

Суммируя изложенное, можно дать следующее определение. *Законность – политико-правовая форма, характеризующая процесс совершенствования общества и государства, их взаимоотношений с личностью, путем строгого и полного исполнения и соблюдения действующего закона, отражающий существенные черты права.*

Досакаев Алимберди Базарбиевич,
преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России;
Доронкина Елизавета Алексеевна,
курсант 2 курса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследуя актуальные вопросы повышения электоральной активности российской молодежи, нами было выявлено, что как и в нормативных актах, так и в научной литературе выделяются многочисленные формы и методы политической социализации молодежи. Анализ существующих форм и методов позволяет в целом сказать, что повышение избирательной активности молодежи в значительной степени носит комплексный характер и как

следствие имеет множество путей решения, которые целесообразно применять в совокупности. Так, в своем диссертационном исследовании Н.Н. Боброва отмечает, что формирование рациональных моделей поведения российской молодежи с целью повышения избирательной активности можно добиться с помощью не только внедрения активных, организационно-правовых форм воспитания, образования и просвещения молодежи, но и совместно с такими формами как уроки, лекции, семинары, ролевые игры, конференции, а также и проведение тренингов с привлечением представителей органов власти различного уровня и членов избирательных комиссий[1].

Учитывая тот факт, что большинство исследователей выделяют четыре типа электорального поведения молодежи (традиционный; протестный; рациональный; апатичный) следует отметить, что каждому такому типу поведения молодежи могут быть применены определенные формы и методы их политической социализации. Социально-пихологическая характеристика электоральной типологии поведения молодежи позволяет различать их кроме этого и по степени электорального участия в избирательном процессе:

–юридический электорат – это совокупность всех молодых избирателей, внесенных в соответствии с законодательством Российской Федерации в списки избирателей;

–фактический электорат – это совокупность тех молодых избирателей, которые приняли участие в выборах;

–потенциальный электорат – это совокупность всех тех избирателей, которые были внесены в списки избирателей, но осознанно или по каким-либо причинам не приняли участие в голосовании.

Проанализировав существующие типологии электоральной активности поведения молодежи и степень их участия в выборах и референдумах, считаем, что наиболее эффективными организационно-правовыми формами повышения электоральной активности современной российской молодежи являются не только про-

[1] Боброва Д.Н. Социальные факторы управления поведением молодых избирателей в региональных выборах: дис. … канд. социол. наук : 22.00.08/ Боброва Дарья Николаевна. Санкт-Петербург, 2016.. - С. 122-123.

ведение научно-практических семинаров, деловых и ролевых игр, тренингов, а также и функционирование молодежных центров повышения правовой культуры населения.

К категории молодежи относятся также граждане юношеского возраста 14-17 лет, которые не достигли избирательного возраста, но являются будущими избирателями, поэтому использование деловых и ролевых игр на уроках, в рамках правового образования, для учащихся 9-11 классов является стартовым началом их политической зрелости. Получение российской молодежью навыков и умений в практическом применении основ избирательного законодательства, принятия самостоятельного решения с учетом патриотических и духовных ценностей на различных стадиях избирательного процесса позволит в будущем сформировать в целом у российского общества фундаментальные начала укрепления национальной безопасности России.

Проведение деловых и ролевых игр не должно завершаться с окончанием учащимися общеобразовательных учреждений. Процесс вовлеченности российской молодежи к правовой культуре должен продолжаться и в следующих ступенях образования (образовательных организациях среднего профессионального образования и в образовательных организациях высшего образования), но уже с более глубокой постановкой и объемом содержательной части заданий по соответствующим формам занятий, которые были бы ориентированы на развитие чувства гражданского долга при реализации избирательного права.

Студенческая площадка, формирующая профессиональные качества и мировоззренческие взгляды у обучающихся является той важной стартовой платформой, на которой развиваются навыки по принятию самостоятельных решений. Поэтому, в рамках проведения деловых и ролевых игр по повышению электоральной активности российской молодежи должны включаться и тренинги.

Разнообразие форм и методов повышения электоральной активности молодежи настолько многочисленно, что проведение научно-практических семинаров нельзя оставлять без внимания. Применение такой формы позволяет не только собраться моло-

дежи за круглым столом, но и позволяет воспитать политическую культуру в рамках научного диалога.

Непрерывный процесс воспитания российской молодежи, невозможно представить без проведения научно-практических семинаров и молодежных форумов, где наше молодое поколение может проявить свои творческие успехи.

Целями проведения таких мероприятий в соответствии с молодежной электоральной концепцией должны стать: повышение правовой культуры молодежи; активного и осознанного участия молодежи в избирательных кампаниях; повышение уровня доверия российской молодежи демократическим институтам; формирование активной гражданской позиции и преодоление политической апатии.

Эффективность проведения молодежных форумов показывает, что ежегодные тренинг-встречи российской молодежи с Президентом России на молодежном форуме «Валдай», а также организация молодежного форума «Машук» консолидирует российскую молодежь в преодолении негативных, антисоциальных пороков, распространяемых через сеть Интернет анонимными авторами или западными эмиссарами под креативными «никами». Позитивным результатом проведения таких встреч является то, что у российской молодежи не только формируется чувство патриотизма и любви к своей родине, но и развивается гражданская ответственность, основанная на необходимости в участии в политической жизни страны, как важнейшем шаге и поддержки самостоятельного курса развития Российской Федерации без вмешательства в ее внутренние дела иностранных государств. Особенно это актуально для молодежи Северо-Кавказских регионов. Обособление Северокавказского федерального округа показывает, что федеральные власти ясно понимают какие актуальные вопросы стоят в первоочередном плане для молодежи Северного Кавказа. Для межнационального общения и культурной интеграции молодежи ежегодно проводится Северо-Кавказский молодежный форум «МАШУК» с целью укрепления государственности и повышения образовательного, профессионального и интеллектуального уровня.

Опыт проведения молодежных форумов и научно-практических семинаров показывает, что большая часть этой молодежи стремится к интеграции в жизнь страны, к мультикультурному взаимодействию и сотрудничеству.

Используя различные формы и методы повышения электоральной активности российской молодежи надо понимать, что наиболее значимой проблемой ее вовлечения в политическую жизнь государства является молодежный абсентеизм. Данный феномен по нашему мнению объясняется тем, что у данной группы молодежи отсутствуют мотивационные установки. Считаем, что преодоление такого социального кризиса возможным только после того как эта пассивная группа молодежи почувствует себя реальным участником, полноправным субъектом всех политических процессов, происходящих в нашей стране. К тому же следует отметить, что обособленность отдельных групп Северо-Кавказской молодежи, порой и их маргинальность, восприимчивость к радикальным взглядам или воздействию со стороны религиозных экстремистов тоже негативно сказывается на общественно-политической жизни российской молодежи в целом.

Непосредственно, говоря о формах и методах повышения электоральной активности молодежи, обращает на себя внимание содержание, утратившего силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 года № 1760-р «О стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации», где главным приоритетным направлением становится развитие различных форм молодежного самоуправления в Российской Федерации, как например молодежный парламентаризм.

Позитивным примером в выборе форм и методов политической социализации современной российской молодежи являются основные направления государственной молодежной политики в Северо-Кавказском федеральном округе. Так, согласно положениям распоряжения Правительства Российской Федерации от 17.04.2012 г. № 506-р «Об утверждении концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ до 2025 года» устанавливается комплекс мер по духовно-нравственному развитию и гражданскому образованию молодежи:

– воспитание культуры межнационального общения и интеграция молодежи в общероссийское политико-экономическое и социально-культурное пространство;

– воспитание патриотизма и интернационализма в процессе изучения героических страниц истории, пропаганда достижений российской науки, культуры и государственности, отечественного спорта, трудовых свершений граждан Российской Федерации и подвигов защитников Отечества;

– проведение на территории Северо-Кавказского федерального округа общероссийских и межрегиональных массовых мероприятий в сфере молодежной политики (творческих фестивалей, конкурсов, слетов, выставок и т.п.), а также мероприятий, направленных на формирование толерантности и культуры межэтнического общения, профилактика этнического и религиозно-политического экстремизма, поддержка межрелигиозного и межкультурного диалога в молодежной среде;

– привлечение авторитетных религиозных лидеров к участию в работе по духовно-нравственному воспитанию молодежи и пропаганде семейных ценностей.

Таким образом, отметим, что вышеприведенные многочисленные формы и методы повышения избирательной активности молодежи должны применяться с учетом возрастных особенностей исходя от уровня их политической социализации и адаптации к современным условиям жизни при высокой компьютеризации общества. Выбор приемлемых форм и методов активизации электорального поведения молодежи должен основываться не только в применении одного из них, а рассматриваться как комплексное использование в совокупном сочетании приемов и средств повышения политико-правовой культуры современной российской молодежи.

Канкулов Анзор Хусенович,
преподаватель кафедры
специально-технической подготовки
Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиала) Краснодарского
университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ НОРМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПРАВА, СВОБОДЫ, ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Значительная часть норм, определяющих особенности прав, свобод и законных интересов задержанных, содержатся в постановлении Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 301 «Об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Данное постановление определяет качество содержания, правило питания и последовательность медицинского обслуживания лиц, задержанных полицией по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» и содержащихся в помещениях дежурной части территориальных органов МВД России на срок не более 48 часов до принятия в отношении них решений, предусмотренных ч. 2 ст. 14 указанного закона, за исключением лиц, задержанных за административное правонарушение.

Постановление закрепляет следующие особенные права задержанных:

- иметь при себе обувь, одежду, предметы личной гигиены, носовые платки и туалетные принадлежности;

- установленный порядок санитарной площади, предназначенные для размещения задержанных лиц – 4кв. метра на одного человека;

- запрет на размещение в специальных помещениях лиц, с детьми при себе в возрасте до 14 лет, при невозможности передачи их родственникам или иным законным представителям;

- получать предметы первой необходимости (гигиенические наборы) столовые предметы, постельное белье и продукты питания от родственников и других лиц, личность которых установлена.

При наличии жалоб на состояние здоровья у задержанного к моменту его освобождения на состояние здоровья, а также при обнаружении у него инфекционного заболевания он направляется в муниципальное или государственное учреждение здравоохранения.

Уточняются меры медицинского обслуживания (ее безотложность по требованию задержанного); меры по устранению возникшей при задержании угрозы жизни и здоровью граждан; определяется возможность пользования лекарственными препаратами для медицинского применения и сообщение близким родственникам или близким лицам, а также прокурору в случае травмы, тяжелого заболевания, увечья либо смерти задержанного лица.

Несовершеннолетние, оказавшиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений, пользуются правами и свободами, гарантированные Конституцией РФ, Конвенцией ООН о правах ребенка, международными договорами Российской Федерации, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. (ред. от 27.06.2018) № 120 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[1], другими нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Базовым отраслевым законодательным актом, определяющим особенности прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, находящихся в Центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, является Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

---

[1] Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

На этом основании несовершеннолетние, находящиеся в Центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, имеют право:

- оповещать родителей или иных законных представителей о помещении несовершеннолетнего в учреждение системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

- обжаловать решения, принятые работниками учреждений в вышестоящие органы данной системы, органы прокуратуры и суда;

- получать информацию о целях своего прибытия в данное учреждение, основных правилах, правах и обязанностях, регулирующих внутренний распорядок в нем;

- на обеспечение бесплатной юридической помощью с участием адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи (ч. 2 ст. 8);

- на поддержание связи с семьей путем телефонных переговоров и свиданий без ограничения их количества;

- на получение и отравление писем и телеграмм без ограничения их количества;

- на гуманное, не унижающее человеческого достоинства обращение;

- на получение бандеролей, передач, посылок;

- на обеспечение бесплатным питанием, бесплатным комплектом одежды, обуви и мягким инвентарем.

Прежде всего, Федеральным законом от 25 июня 2002 г. (ред. от 19.07.2018) № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»[1] определяются особенности прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в специальных учреждениях для принудительного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации (ст. 35.2). Данный закон определяет специфические права мигрантов, содержащихся в данных учреждениях.

Более детально права мигрантов, находящихся в рассматриваемых учреждениях, изложены в нормативных правовых актах.

Так, согласно Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации,

[1]Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 186[1] иностранные граждане, являющиеся застрахованными лицами, имеют право на бесплатное оказание медицинской помощи (п. 4). Медицинская помощь оказывается бесплатно также в экстренных случаях: при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу пациента (п. 3).

Основной перечень прав мигрантов, обусловленных их нахождением в специальном учреждении, содержится в Правилах содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. (ред. от 17.06.2016) № 1306[2]. Эти права однотипны правам лиц, находящимся в изоляторах временного содержания и местах отбывания административного ареста (п. 40).

Но при этом имеются определенные отличия. Они в основном касаются условий содержания мигрантов.

Например, совместно в отдельном помещении специального учреждения могут содержаться супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные сестры, родные братья, бабушка, дедушка, внуки иностранного гражданина (п. 14).

В числе других особенностей:

- норма санитарной помощи составляет не менее 6 кв. метров на одного человека, при установке двух ярусных кроватей – не менее 4,5 кв. метров на одного человека. Для размещения семьи помещение имеет площадь не менее 15 кв. метров (п. 11);

- отдельная норма для несовершеннолетних, содержащихся совместно с родителями или иными совершеннолетними близкими родственниками, иностранными гражданами (п. 15).

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст. 1035.

[2] Собрание законодательства РФ. 2014. № 2 (часть I). Ст. 130.

Сопоставительный анализ норм, определяющих права, свободы, законные интересы лиц, находящихся в учреждениях для принудительного содержания органов внутренних дел, показывает, что независимо от их вида принципиальной разницы в них нет. Имеющиеся отличия обуславливаются процессуальным положением лица: подозреваемый или обвиняемый; задержанный в административном порядке; арестованный в административном порядке; помещенный в административном порядке в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; помещенный в административном порядке в специальное учреждение для принудительного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации; содержащийся в помещениях дежурной части территориальных органов внутренних дел на срок до 48 часов.

Большинство мер, направленные на обеспечение прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в местах принудительного содержания независимо от его вида регламентируются одними и теми же нормативными правовыми актами[1].

При этом в основе нормативных правовых и законодательных актов, устанавливающих правовое положение лиц в различных видах мест принудительного содержания, лежат законодательные и нормативные правовые акты, определяющие его правовое положение в изоляторах временного содержания. Объяснить это можно более длительным временем существования института содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и соответствующих учреждений, их осуществляющих.

[1] См., например: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 16. Ст. 1455.

Чукаев Тимур Омарович,
преподаватель кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО – ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВА» В. Н. ЛЕШКОВА)

Построение правового государства неразрывно связано с развитием гражданского общества и превращения его в значимый фактор общественно-политической жизни. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем докладе на заседании Совета по правам человека подчеркивал: «Государство и гражданское общество – естественные союзники в достижении общих целей, главная из которых – благополучие наших людей»[1]. В России, провозгласившей себя правовым государством, особое внимание уделяется расширению возможностей институтов гражданского общества в управлении государством и решении вопросов во всех сферах общественной жизни[2].

Важное место в системе государственного управления занимают вопросы взаимоотношений между государством и гражданином, которые находят отражение, прежде всего в полицейской деятельности[3]. Институционализация полицейской деятельности осуществлялась поэтапно. Определение сущности полицейской деятельности, роли и места в механизме ее осуществления полиции являлось предметом осмысления ученых-

[1] Российская газета. – https://rg.ru/2016/12/08/putin-nazval-gosudarstvo-i-grazhdanskoe-obshchestvo-estestvennymi-soiuznikami.html (дата обращения 20.05.2018).

[2] Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017.S. 241–242.

[3] Нижник Н. С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 239–245.

полицеистов. Полицеистика как особое направление в политико-правовой мысли сложилась и в России[1]. Начиная с XVIII в. проблемы государственного управления и полицейской деятельности находили отражение в работах российских ученых. Среди вопросов, поставленных ими, были и вопросы о субъектах управления государством, субъектах реализации различных функций государства. В рамках осмысления этих проблем в российской юридической науке была оформлена концепция «общественного права», представители которой в качестве основного фактора политической жизни в государстве рассматривали народ и созданные народом институты и организации.

Основоположник концепции «общественного права» Василий Николаевич Лешков (1810–1881)[2] долгое время занимал пост декана юридического факультета Московского университета, редактора одного из ведущих русских юридических журналов, председателя Московского юридического общества. При этом его уникальная концепция лишь вскользь упоминается в рамках истории полицейского права, хотя ее значение неизмеримо выше, а в русле полицеистики она весьма самобытна. Актуальность наследия В. Н. Лешкова подчеркивает периодическое переиздание его трудов уже в нынешнем веке[3]. Практически неисследованным остается теоретическое наследие М. М. Шпилевского (1837–1883)[4], автора исследования «Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения»[5], в котором автор предпринял попытку развить идеи «общественного права» В. Н. Лешкова.

---

[1] Нижник Н. С. Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786; Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 47–90.

[2] Чукаев Т. О. Российская полицеистика в лицах: Василий Николаевич Лешков // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 84–95.

[3] Лешков В. Н. 1) Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII века. СПб.: Юридический центр, 2004; 2) Русский народ и государство / Сост. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

[4] Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 69–72.

[5] Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1875.

К концу XIX в. сложились иные представления о полицейском праве и роли общества в управлении государством (И.Е. Андреевский, П. Шеймин, М.К. Палибин, А.А. Трифонов, Н.Н. Белявский, В.Ф. Дерюжинский, В.В. Ивановский, В.М. Гессен, И.Т. Тарасов, Э.Н. Берендтс, А.В. Горбунов, В.А. Гаген, А. И. Елистратов). При этом «общественное право» оказалось незаслуженно забыто.

В современных условиях проблемы взаимодействия государства и общества, вопросы, касающиеся участия общества в управлении государством, а общественных организаций – в реализации функций (в том числе и правоохранительной) государства, приобретают особую актуальность, прежде всего, в контексте развития гражданского общества в демократическом государстве. Формирование концепции «общественного права», эволюция идей об оптимальных моделях управления обществом и государством, основные этапы складывания полицейского права – актуальные научные проблемы современной историко-правовой науки. Без ретроспективного анализа истоков зарождения и последующей эволюции концепции «общественного права», рассмотренных в контексте формирования и развития политико-правовых воззрений на сущность государства и права и способы его юридической защиты, трудно понять закономерности становления самого гражданского общества и механизмов его участия в правоохранительной и полицейской деятельности в России. Исследование концепции «общественного права» должно расширить представления о ценностном, нормативном, коммуникативном аспектах права и эффективных способах его реализации, о формах осуществления государственной власти и правовых средствах ее реализации.

В отечественной историко-правовой науке значимость трудов отечественных государствоведов XIX в. подчеркивает, прежде всего, тот факт, что идеи, сформулированные в концепции общественного права, продолжают быть востребованными и в XXI в. Однако комплексных исследований концепции «общественного права» – теоретического наследия В.Н. Лешкова и М.М. Шпилевского, в современной юридической науке до сих пор нет.

При этом отдельные вопросы творчества государствоведов XIX в. нашли свое отражение в работах А.Ю. Аврутина[1], К.С. Бельского[2], Н.И. Биюшкиной[3], В.М. Сырых[4], Ю.Н. Старилова[5], Ю.П. Соловья[6], И.И. Мушкета[7], Е.Б. Хохлова[8], Н.С. Нижник[9],

---

[1] Аврутин Ю. Е. Истоки формирования института полиции и полицейского права // Полицейское право. Омск, 2005. № 1. С. 88–95.

[2] Бельский К. С. Выдающийся русский ученый-полицеист В. Н. Лешков // Государство и право. 1996. № 11. С. 127–136.

[3] Биюшкина Н. И. 1) Становление российской науки полицейского права (XVII век - 80-е годы XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 11–14; 2) То же [Электронный ресурс]. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossiyskoy-nauki-politseyskogo-prava-xvii-vek-80-e-gody-xix-veka (17.11.2016).

[4] Сырых В. М. Материалистическое понимание права и справедливости // Правоведение. 2013. № 2. С. 18–34.

[5] Старилов Ю. Н. О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым // Полицейское право. Омск, 2005. № 1. С. 17–19.

[6] Соловей Ю. П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6. С. 75–86.

[7] Мушкет И. И. Генезис «полицейского права» в контексте эволюции правовой системы России (историко-теоретический анализ): Дис. … докт. юрид. наук. СПб., 2003. – 452 с.

[8] Гундарин О. Т., Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии [Справ.] / Под ред. В.П. Сальникова, Е. Б. Хохлова, А. В. Ильина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. – 235 с.

[9] Нижник Н. С. 1) Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л.В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 3–21; 2) Российская полицеистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. С. 41–55; 3) Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786; 4) Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицеистов) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 30–34; 5) Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194; 6) Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86; 7) Российская полицеистика об основах регулирования отношений между государством и обществом // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 55–59; 8) Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет

С.Ю. Дергилевой[1], А. А. Тесли[2]. Теоретическое наследие государствоведов начала XIX в., сформулировавших концепцию «общественного права», ждет своих исследователей.

В их числе вопросов, требующих комплексного осмысления, – традиции закрепления норм взаимоотношений и взаимодействия народа и власти[3]. Этой проблеме были посвящены работы В. Н. Лешкова: «О древней русской дипломатии» (М., 1847), «О древней Московской городской полиции» (М., 1852), «Древние русские законы о сохранении народного богатства» (М., 1854), «О народном продовольствии в древней России» (М., 1854), «Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии» (М., 1855), «Русский народ и государство» (М., 1858), «Русские основы права» (М., 1863), «Человек в области права» (М., 1868), «Общественное право» (М., 1868–1869), Полицейское право» (М., 1869), «Общественное право» (М., 1870), «О праве самостоятельности» (М., 1871), «Несколько слов об отношении гражданского римского права к новым и к русскому, и гражданского права к праву оборотов к торговому» (М., 1873), «Общественное право народонаселения» (М., 1875), «История полицейской администрации» (М., 1877), «Народное просвещение по указам Петра Великого» (М., 1877), «Общественное право» (М., 1880–1881) и другие, в которых нашли отражение вопросы, касающиеся формирования общественной жизни России.

полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 239–250.

[1] Дергилева С. Ю. Сущность полицейского государства как предмет осмысления полицеистов второй половины XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3(51). С. 10–15; Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 66–69.

[2] Тесля А. А. Василий Николаевич Лешков и его теория «общественного права» как попытка альтернативы «полицейскому праву» // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3. С. 203–223.

[3] Чукаев Т. О. Проблемы взаимоотношений общества и государства в контексте концепции «общественного права» В. Н. Лешкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(76). С. 42–45.

Государство и общество в учениях В. Н. Лешкова рассматривались как основные субъекты социального регулирования[1]. История отечественной государственности, считал В. Н. Лешков, началась с формирования государственно-правовых институтов в Древней Руси[2]. Поэтому от верных представлений о древнерусской истории и о нормативных актах этого периода зависит точность отображения всей последующей истории.

Именно Русская Правда наиболее ясно отражает право Древнерусского государства и его общественный строй того времени[3]. В. Н. Лешков придавал Русской Правде особое значение, обращая внимание при этом, что в первых 17 статьях Краткой редакции Русской Правды нет упоминаний ни о князе, ни о судье, ни о судье, ни о суде, ни об основаниях и доказательствах права, а закреплены положения: о праве родных мстить или требовать уплаты за голову убитого своего родственника; о праве обиженного мстить или требовать платы от виновного за нанесение ран или за телесные повреждения; о праве самовольного возвращения своей собственности, находящейся в чужих руках и чужом владении; о способе решения спора о принадлежности вещи, сводом, или отысканием первого приобретателя, и приговором[4].

В. Н. Лешков обращал внимание на то, что Русская Правда отличается от первых нормативных актов Рима и Германии[5]. Прежде всего тем, что она распространяет свои нормы не на какую-либо одну сторону жизни народа, а предпринимает попытки воздействовать на все сферы жизни[6]. В. Н. Лешков считал, эту

---

[1] Лешков В. Н. Человек в области права. М.: Универ. тип., 1868.

[2] Чукаев Т. О. Концепция «общественного права» – элемент полицейско-правовой теории России XIX века // Полицейская деятельность. 2017. № 5. С. 39–47.

[3] Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 37.

[4] Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века / Под общ. Ред. И. И. Мушкета, Е. Б. Хохлова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 155.

[5] Чукаев Т. О. В. Н. Лешков о роли Русской Правды в регулировании общественных отношений // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России. Сборник научных статей / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2017. С. 131–132.

[6] Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века / Под общ. Ред. И. И. Мушкета, Е. Б. Хохлова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 157.

особенность очень важной, подчеркивая, что Русь с начала своего существования использовала прогрессивную модель государственного управления; что еще не став преемницей Византии, Русь уже взяла за основу устройства «симфонию властей», распространив ее и на область права. Фактическое отделение светского права в отдельную область, как и невмешательство церкви в дела государства, с тех пор являются отличительной особенностью принципов российской государственности и основой построения наднационального мультикультурного общества.

В. Н. Лешков считал, что особенно четко выражена в нормах Русской Правды общинность[1]. В них она получила документальное юридическое значение и сделалась историческим началом в жизни и праве русского народа. Общинность составляет главный характер Русской Правды и все отличие современной ей русской жизни; эта общинность в эпоху Правды определяет быт народа и всему служит объяснением[2]. Все статьи Русской Правды, касающиеся общественного права, есть необходимые следствия общинного быта Руси, подчеркивал В. Н. Лешков.

Именно в общинности и семейственности В. Н. Лешков и искал ключ к современному пониманию необходимого взаимодействия между государством и обществом через право. Понимая ответственность перед чем-то большим, божественным, чем он сам – обществом, современный человек может почувствовать ответственность и перед государством, подчеркивал В. Н. Лешков. Воспитание такого человека через закон должно стать лейтмотивом современного понимания права[3].

Поиск национальной идеи, формирование идеологии объединяющей современное общество, создание социокультурной матрицы, нахождение форм диалога между народными массами и

---

[1] Чукаев Т. О. В. Н. Лешков о роли Русской Правды в регулировании общественных отношений // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России. Сборник научных статей / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2017. С. 134.

[2] Лешков В. Н. Общественного право народонаселения. М.: Универ. тип., 1875. С. 15.

[3] Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юрист,1993. С. 81.

правящими элитами[1] требуют вовлечения самого широкого круга специалистов в осмысление вопросов, касающихся взаимоотношений общества и власти, поставленных В. Н. Лешковым[2].

Абдуллоев Абдулло Рахматулоевич,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ – СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

В государственно-правовой системе Республики Таджикистан после приобретения национальной независимости начали формироваться новые механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина[3]. Важным структурным элементом правоохранительной системы современного государства является по-

[1] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63; Нижник Н. С. Взаимодействие полиции и общественных объединений: нормативные основания и практика взаимоотношений // Неделя науки СПБПУ (Санкт-Петербург, 13–19 ноября 2017 г.): Материалы научной конференции с международным участием / Отв. ред. М. С. Коган, В. Е. Чернявская. СПб.: Санкт-Петербургский политех. университет Петра Великого, 2018. С. 334–337; Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество: Монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016; Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017.S. 241–251.

[2] Чукаев Т. О. Отечественная правовая система в понимании В. Н. Лешкова // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс]: Материалы международной научно-практической конференции / Сост. Д. В. Попов. – Электронные данные (3,31 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 359–362.

[3] Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/6. С. 182–188.

лицейская/милицейская система[1]. Органы милиции Таджикистана создаются и функционируют как государственные органы исполнительной власти, осуществляющие деятельность в сфере внутренних дел[2].

Правовую основу деятельности милиции составляют Конституция Республики Таджикистан, Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции», другие нормативные правовые акты Республики Таджикистан и международные правовые акты, признанные Республикой Таджикистан.

Милиция Республики Таджикистан – государственный правоохранительный орган, орган дознания и предварительного следствия. Милиция призвана защищать права и свободы человека и гражданина, общественный порядок, интересы общества и государства от преступных и иных посягательств, и наделена правом применения мер принуждения в пределах, установленных Законом Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции»[3].

Принципы деятельности милиции – это основные, отражающие сущность этой деятельности, начала (закономерности) применения норм, содержащихся в Законе Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции». Деятельность милиции Республики Таджикистан осуществляется на основе принципов, закрепленных в Законе Республики Таджикистан «О милиции»: законность; единство системы органов милиции и централизации управления ею; уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина; социальной справедливости и гуманизма; скрытности, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности; единоначалия; равенства всех перед законом; связи с насе-

---

[1] Нижник Н. С. Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 10–11; Нижник Н. С. Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 сентября 2013 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар, 2013. С. 6–7.

[2] Кахаров А. А. Правоохранительная система Таджикской АССР, 1924–1929 гг.: Дис. … канд. юрид. наук. Душанбе, 1999. С. 5.

[3] Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г., № 41 «О милиции» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2004 г., №5. Ст. 352.

лением и учета общественного мнения в борьбе с преступностью; беспартийность.

Принцип законности нашел свое нормативное закрепление в Конституции Республики Таджикистан, в ч. 2 ст. 10, который провозглашает: «Государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию и законы Республики Таджикистан»[1].

Законность в теоретической юриспруденции имеет различные трактовки[2]. Законность как принцип деятельности милиции Республики Таджикистан требует от подразделений и сотрудников милиции осуществлять свои функции и реализовывать свои полномочия на основе строгого соблюдения Конституции Республики Таджикистан, Закона «О милиции» и норм действующего законодательства.

Принцип единства системы органов милиции и централизации управления ею играет важную роль в организации и функционировании системы органов милиции. Централизация милицейской системы обусловлена стремлением сохранить единство системы. Центральные органы управления милиции определяют приоритетные направления развития служб, разрабатывают и реализуют комплексные программы. Вся система органов милиции направлена на реализацию поставленных перед ней государством целей и задач.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина нашел закрепление в ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Таджикистан. Этот принцип определяет смысл, содержание и применение милицией законов и иных нормативных правовых актов, а также порядок осуществления деятельности милицией. Органы милиции обязаны уважать права и свободы человека и гражданина и не вправе производить действия и принимать решения, унижающие его честь и достоинство, либо создавать опасность для жизни или здоровья человека. Никакие

[1] Конституция Республики Таджикистан (принята всенародным голосованием 6 ноября 1994 г., с поправками от 22 мая 2016 г.) // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт – http://www.mmk.tj (дата обращения: 29.12.2017).

[2] Нижник Н. С. Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социоюридического феномена в современной юридической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34.

благородные цели не могут оправдать факт непредусмотренного законом нарушения прав, свобод и законных интересов гражданина, применения к человеку незаконных средств, пыток, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения, а также непредусмотренного (необоснованного) законом насилия (принуждения).

Принцип социальной справедливости и гуманизма требует обеспечения правильного применения правовых норм, чтобы каждый, совершивший правонарушение, был привлечен к справедливой ответственности и подвергнут наказанию. И, наоборот, будет справедливым, когда ни один правонарушитель не избежит ответственности. Деятельность органов внутренних дел (милиции) и их работников носит гуманный характер, так как она направлена на защиту человека как личности от преступных и иных противоправных посягательств, на охрану общественного порядка и общественной безопасности, на обеспечение благоприятных условий для трудовой деятельности, спокойствия и отдыха людей.

Принцип скрытности, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности находит выражение в сочетании различных форм деятельности милиции, в том числе и оперативно-розыскной. С одной стороны, информация о целях, задачах, основаниях и условиях для совершения конкретных оперативно-розыскных мероприятий, для заведения и прекращения дела оперативного учета на гражданина Республики Таджикистан, о субъектах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, их обязанностях и правах, а также о видах и способах контроля за ОРД в соответствии с нормами Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности»[1], открыта для каждого (ст. 5 и 7). С другой стороны, информация, составляющая государственную или иную тайну, а равно касающаяся личной жизни, чести и достоинства граждан, полученная в рамках оперативно-розыскных мероприятий кроме, как в случаях и в порядке, установленных законодательством в области ОРД, разглашению не подлежит.

[1] Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г., № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011г., № 3. Ст. 155.

Принцип единоначалия в деятельности органов милиции означает, что руководитель (начальник) несет персональную ответственность за деятельность возглавляемого им органа (подразделения), хотя это не исключает коллегиального обсуждения наиболее важных вопросов управления. В этих целях в органах внутренних дел образуются коллегии и другие совещательные органы, например, оперативное совещание при начальнике органа, аппарата, службы, подразделения.

Принцип равенства всех перед законом нашел свое отражение в Конституции Республики Таджикистан, которая закрепила норму: перед законом и судом все равны (ст. 17). Равенство прав и свобод человека и гражданина гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям и других обстоятельств.

Связь с населением и учет общественного мнения в борьбе с преступностью – принцип, тесно связанный с принципом демократизма. Работники административных служб и подразделений органов внутренних дел (милиции) опираются на доверие, помощь и поддержку граждан, общественных формирований, участвующих в охране правопорядка. Для выполнения возложенных на милицию задач, ее подразделения могут на добровольных началах привлекать граждан в качестве внештатных сотрудников, которыми могут быть совершеннолетние и дееспособные граждане Республики Таджикистан, характеризующиеся положительно по месту жительства и работы (учебы), имеющие образование, которые по своим деловым и моральным качествам могут на добровольной основе систематически оказывать содействие в выполнении возложенных на милицию задач.

Принцип беспартийности в деятельность милиции означает, что милиционер должен действовать в соответствии с нормативными правовыми актами Республики Таджикистан. Свое служебное положение сотрудник милиции не может использовать в интересах какой-либо политической партии. В системе правоохранительных органов создавать партийные организации не разрешается.

Таким образом, правовые основы организации и деятельности милиции Республики Таджикистан определены Конституцией Республики Таджикистан, Законом «О милиции», Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными действующими нормативными правовыми актами Республики Таджикистан. Милиция является важным структурным элементом правоохранительной системы современного Таджикистана.

Геворкян Анна Игоревна,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

ПОЛИЦЕЙСКАЯ СИСТЕМА КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА, ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

В условиях жесткой конкуренции политических и экономических систем в борьбе за природные ресурсы, интеллектуальный потенциал и мировое обеспечение национальной безопасности становится приоритетной задачей современного государства. От качества реализации, технологичности и интеллектуальности выполнения государством правоохранительной функции зависят его политический суверенитет и экономическое благополучие[1]. Важную роль в обеспечении национальной безопасности[2] и реализации государством правоохранительной функции играет правоохранительная система.

Под правоохранительной системой следует понимать целенаправленную и строго организованную совокупность находящихся в неразрывном единстве и взаимно дополняющих друг друга элементов (каждый из которых, являясь государственным институтом, представляет собой сложную подсистему, входящую в одну из ветвей органов государственной власти), вся деятель-

[1] Хажироков В. А. Особенности реализации правоохранительной функции российского государства в условиях глобализации // Философия права. 2016. № 3(76). С. 24–28.

[2] Нижник Н. С. Национальная безопасность как социоюридический феномен. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С. 89.

ность которых подчинена единой цели – своевременному устранению угроз внутренней безопасности государства и обеспечению эффективного функционирования органов государственной власти и общественных институтов, созданных в соответствии с конституцией страны[1].

Важную часть правоохранительной системы составляют органы внутренних дел и полицейская система государства[2]. Органы внутренних дел – совокупность функционирующих в системе органов исполнительной власти и взаимно дополняющих друг друга в процессе реализации поставленных задач государственных правоохранительных институтов, вся деятельность которых направлена на эффективную защиту личности, общества и государства от внутренних угроз[3]. Полиция – это «особые административные органы, располагающие вооруженными отрядами, задачей которых является поддержание порядка и защита общественной безопасности и существующего государственного строя»[4]. Именно в связи с реализуемой основополагающей задачей по обеспечению внутренней безопасности эти органы и получили свое обобщенное название – органы внутренних дел. «Будучи неотъемлемой частью механизма любого государства с древнейших времен и по настоящее время, полиция так же стара, как государство», – подчеркивал Ф. Энгельс[5], обращая внимание на решение государством вопросов по внутреннему управлению с момента возникновения государственно организованного общества. Органы внутренних дел (по-разному называясь, имея различную структуру) играли важнейшую роль в обеспечении внут-

---

[1] Быков А. В. Полицейская система современного демократического государства: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 11.

[2] Нижник Н. С. Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2013. С. 10–22.

[3] Васьков М. Ю. Организационные и правовые аспекты деятельности полиции Королевства Норвегия и ее роль в обеспечении общественной безопасности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.

[4] См.: Большой юридический словарь / Ред. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. М.: Норма: ИНФРА-М, 2001.

[5] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1978. С. 105.

ренней безопасности государства на разных этапах исторического развития общества[1].

В современном государстве основополагающей задачей системы органов внутренних дел, наряду с предупреждением, пресечением, раскрытием и расследованием правонарушений, становится обеспечение реализации прав граждан на жизнь и собственность[2]. В связи с чем исследование места и роли органов внутренних дел (полицейских органов) в системе обеспечения безопасности государства на международной арене, внутренней безопасности государства, в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина приобретает особое значение.

Роль органов полиции различна в государствах тоталитарных и правовых, демократических. На это обращают внимание исследователи, рассматривающие аппарат государства и его материальные придатки. Государственный аппарат и его материальные придатки в качестве самостоятельного звена (в том числе и полиция) составляют механизм государства. Однако это, скорее, относится к механизму тоталитарного государства, где задачи полиции состоят, прежде всего, в использовании репрессивных форм деятельности при реализации воли государства. В правовом, демократическом государстве органы полиции выступают и в другом качестве. Репрессивные и карательные функции, в большинстве своем, уступают место задачам обеспечения правопорядка и общественной безопасности, профилактики и контроля над преступностью, предоставления широкого спектра социальных услуг населению[3].

Российская модель обеспечения внутренней безопасности идет по пути централизации деятельности входящих в нее органов. Во главе данной системы стоит Министерство внутренних дел Российской Федерации, являющееся федеральным органом

---

[1] Нижник Н. С. Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 21–26.

[2] Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н. Правоохранительная система как субъект обеспечения безопасности личности, общества и государства // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности. Ч. 1. Новгород, 2008. С. 246–269.

[3] Горшенева И. А. Полиция в механизме современного государства: теоретико-правовые аспекты: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел[1]. Полиция, выступая основным звеном системы обеспечения внутренней безопасности любого государства, в Российской Федерации является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел с прямым подчинением всех ее территориальных подразделений Министру внутренних дел Российской Федерации[2].

Полиция любого государства, на которую возлагается основная обязанность по обеспечению внутренней безопасности страны, самым тесным образом связана с его национальной сущностью и призвана обеспечивать защиту личности, общества и государства от возникающих внутренних угроз. Существующие организационные структуры современных полицейских систем являются результатом длительного исторического развития самого государства и по мере расширения сфер его деятельности сформировались в соответствующую систему органов, структурно относящихся к органам исполнительной власти и именуемые в своей основе органами внутренних дел.

Одной из проблем организации полицейской системы России в условиях глобализации, правового определения места и роли органов внутренних дел Российской Федерации в конституционно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина является нормативное их исключение из круга субъектов, в обязанность которых вменяется обеспечение внутренней безопасности государства и общества. Органы внутренних дел в зарубежных государствах, как правило, рассматриваются в качестве основного элемента поддержания состояния их защищенности, а также защищенности граждан и иных лиц от внутренних и

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52. Ч. V. Ст. 7614.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 5 декабря 2017 года) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; http://www.pravo.gov.ru – 03.07.2016; 2017. № 50. Ч. III. Ст. 7562.

внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина.

Несмотря на отсутствие в Российской Федерации нормативно закрепленного определения терминов «правоохранительные органы», «правоохранительная система», «правоохранительная сфера», в научной литературе они достаточно часто используются в самых различных контекстах[1] и потому могут считаться доктринально устоявшимися категориями. Например, в правоохранительной системе первостепенным объектом правового воздействия является гражданин, его права и свободы. А. Г. Братко отмечает, что «правовая защищенность личности – это комплексный объект правоохранительной системы, который нужно особо выделить. Именно в той области общественной жизни, которая связана с социально-правовой защищенностью человека, обнаруживается наибольшее количество «болевых» точек. Именно здесь интегрируются экономические, политические и социальные проблемы»[2].

В научной литературе большое внимание уделяется вопросам охраны и защиты прав и свобод граждан. В некоторых источниках прямо отмечается, что права и свободы граждан – важный объект полицейской деятельности. В частности, К. С. Бельский к числу приоритетных объектов полицейской охраны относит права и свободы человека и гражданина, подчеркивая, что «конституционная сущность прав и свобод состоит в том, что они даны гражданину от природы, неотчуждаемы, выступают в качестве высшей социальной ценности. Они не должны давать преимущества одной нации за счет другой, находятся под охраной государства, его правоохранительных органов, среди которых особая роль принадлежит органам внутренних дел»[3].

---

[1] Нагорных Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 1.

[2] Братко А. Г. Правоохранительная система: понятие и основные элементы содержания // Проблемы развития правоохранительных органов: Труды Академии. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1994. С. 8–23.

[3] Бельский К. С. Полицейское право / Под ред. А. В. Куракина. М.: Дело и Сервис, 2004. С. 342.

Полиция как ключевой элемент системы органов внутренних дел вовлечена в процесс обеспечения прав и свобод граждан. Организация полиции результативность ее деятельности непосредственным образом отражаются на эффективности обеспечения прав и свобод граждан. Работа правоохранительных органов, разграничение компетенции между ними являются одной из организационных гарантий обеспечения прав и свобод граждан. При этом реализация правовых и организационных средств охраны и защиты прав и свобод граждан сталкивается с проблемами, осложняющими обеспечение прав и свобод граждан. Чтобы подобного не происходило, необходимо обеспечение прав гарантиями различного институционального и функционального свойства, которые призваны обеспечить такую благоприятную обстановку, при которой зафиксированные в Конституции и других законах положения о юридическом статусе личности, ее правах и свободах стали бы фактическим положением для каждого человека[1].

Таким образом, правоохранительные органы являются центральным звеном правоохранительной системы государства по обеспечению безопасности и правопорядка, по защите прав и основных свобод. От качества и эффективности правоохранной деятельности зависит благополучие государства во всех сферах жизни общества. Так же приоритетным направлением государственной политики является включение полицейской системы в круг субъектов обеспечения внутренней безопасности государства и общества. Органы внутренних дел выступают как основной элемент поддержания состояния защищенности граждан и иных лиц от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина.

[1] Морозова А. Н. Конституционно-правовые гарантии культурных прав и свобод человека и гражданина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. 3. Ч. II. С. 87–89.

Егоров Никита Юрьевич,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ – ОБЯЗАННОСТЬ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ (ОПЫТ АНАЛИЗА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.Т. ТАРАСОВА)

Права и свободы человека и гражданина занимают доминирующее положение в системе ценностей, защищаемых Конституцией Российской Федерации. В условиях провозглашения российского государства правовым и социальным, а прав и свобод человека и гражданина – высшей ценностью, в центре постоянного общественного внимания остаются вопросы о соблюдении прав и свобод человека и гражданина, об условиях и пределах применения государственных мер, направленных на осуществление власти, о защите прав и свобод при их легальном ограничении.

Осуществление социальных функций в обществе всегда ведет к усилению роли государства в управлении общественной жизнью граждан[1]. Вопрос: как обеспечить права и свободы личности в условиях различных жизненных реалий является самым актуальным в юридической науке и практике. Разрешению проблем регулирования общественных отношений может способствовать исторический опыт, осмысленный отечественными правоведами, в числе которых ученые-полицеисты конца XIX – начала XX в. Значимое место в российской полицеистике занимает выдающийся отечественный юрист, доктор полицейского права, действительный статский советник Иван Трофимович Тарасов (1849–1929)[2], который в своей научной и общественной деятельности большое внимание уделял вопросам соблюдения прав и свобод личности в условиях использования государством мер принуждения. Основной темой научных изысканий И.Т. Тарасова

[1] Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.

[2] Егоров Н. Ю. Российская полицеистика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 801–812.

являлся вопрос применения административного принуждения как основной потенциальной угрозы нарушения прав и свобод человека и гражданина, возможности сопротивления граждан государственному произволу.

И.Т. Тарасов внес важный вклад в развитие отечественной полицеистики, способствовал преобразованию науки полицейского права в науку административного права. И.Т. Тарасов ставил вопросы, которые являлись для его времени оригинальными, предлагал новаторские подходы к решению задач общественного развития.

Полицейское государство главной целью провозглашало достижение общего благоденствия и всеобщего счастья[1]. И.Т. Тарасов осмысливая вопросы, связанные с переходом от полицейского государства к правовому, пришел к выводу о необходимости расширения возможностей граждан регулировать отношения с государственными органами на правовой основе, о большей степени гарантированности реализации законодательно закрепленных прав и свобод граждан[2].

Рассматривая полицейское право как науку о правовых нормах, регламентирующих полицейскую деятельность государства[3], И.Т. Тарасов комплексно изучал проблему организации и деятельности институтов исполнительной власти, конструктивным элементом которой является «принудительная власть»[4]. Ученый указывал, что для претворения в жизнь законов, которые существуют в государстве, органы и должностные лица исполнитель-

---

[1] Нижник Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194.

[2] Нижник Н. С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицеистов) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 30–34.

[3] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 3.

[4] Егоров Н. Ю. О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 314–318.

ной власти должны быть наделены соответствующими полномочиями, в том числе и мерами административного принуждения[1].

И.Т. Тарасов обращал внимание на отсутствие единого подхода к оценке мер, применяемых полицией, в частности и к пониманию значения полиции в целом[2]. По мнению И.Т. Тарасова, при изучении института исполнительной власти нельзя не заметить особого значения исполнительной функции полицейской деятельности, нельзя допускать недооценки или переоценки этой характеристики полицейской деятельности[3]. «Отыскать середину, определить правильное соотношение между задачами полиции и средствами к их исполнению, исходя из понятия о политико-гражданской свободе, – вот главнейшая задача общей части науки полицейского права», – подчеркивал И.Т. Тарасов[4].

И.Т. Тарасов обращал внимание на то, что для успешного выполнения задач в каждой области, органы, осуществляющие полицейскую деятельность, должны пользоваться властью. Ее И.Т. Тарасов называл исполнительной и выделял ее виды – распорядительную и принудительную власть[5].

Распорядительная власть заключалась в наделении высших органов исполнительной власти правом издания распоряжений, а должностных лиц и управлений, действующих во исполнение данных распоряжений, – правом издания предписаний и приказаний[6]. Должностные лица наделялись правом давать предписания и приказания подчиненным должностным лицам и гражданам. И.Т. Тарасов одним из первых среди российских полицеистов поставил вопрос о том, что распоряжения высших органов испол-

---

[1] Нижник Н. С. Российская полицеистика об основах регулирования отношений между государством и обществом // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 55–59.

[2] Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1. Киев: Университетская типография, 1875. С III.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 64.

[6] Там же. С. 65.

нительной власти не должны противоречить закону[1]. Распоряжение, по мнению И.Т. Тарасова, должно «стоять рядом с законом» и соотноситься с ним так, как соотносится распоряжение с предписанием. Если распоряжение незаконно по форме или по существу, если оно имеет цель – нарушение закона, если оно преступно, то исполнение его будет незаконным. Именно поэтому И.Т. Тарасов наделял граждан правом сопротивления или неповиновения незаконным распоряжениям и предписаниям «в отношении к явно неправильным с внешней стороны или по форме действиям, распоряжениям и предписаниям»[2].

Принуждением, по мнению И.Т. Тарасова, является та деятельность администрации, посредством которой устраняется и подавляется сопротивление, встречаемое администрацией при исполнении ею законных задач[3]. И.Т. Тарасов указывал, что принудительная власть создана с целью обеспечения распорядительной власти при непременном соблюдении принципа законности[4].

Отличительная черта деятельности полиции – в «особом характере и специальных задачах». И.Т. Тарасов обращал внимание на то, что оберегая общество от различных опасностей (стихийных бедствий, эпидемий, пожаров) и одних людей от других, полиция выступает с различными запрещениями, применяя для этого принуждение, а в определенных ситуациях – оружие[5]. Ученый подчеркивал, что посредством принуждения можно нарушить права и свободы граждан. Чтобы этого не случалось, принуждение должно применяться только в крайнем случае.

И.Т. Тарасов выделял право принуждения (право принудительной власти) – совокупность принудительных мер, на применение которых уполномочены законом администрация и поли-

---

[1] Егоров Н. Ю. Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 112–121.

[2] Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 64.

[3] Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2. Общая часть. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1910. С. 67.

[4] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 66.

[5] Бельский К. П. Тарасов Иван Трофимович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. Т. 2. (1917–1964) / Отв. ред. и рук. авт. коллектива В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 701.

ция[1], и подчеркивал при этом, что границы данного права и условия его осуществления должны получить четкое определение.

Основными формами принуждения, по И.Т. Тарасову, являются:

1) принуждение при осуществлении судебной власти полиции и администрации;

2) личное задержание;

3) вооруженное принуждение;

4) принуждение в период исключительного, осадного или чрезвычайного и военного положения[2].

Полицейскую деятельность, осуществляемую посредством запрещений, понуждений, ограничений, стеснений, то есть посредством принуждения, И.Т. Тарасов относил к отрицательным мерам и отрицательной деятельности органов полиции[3].

Серьезное внимание И.Т. Тарасов уделял вопросу личного задержания как одной из форм административного принуждения. «Государство в своей полицейской деятельности соприкасается со столь живыми интересами граждан, берет под свою защиту столь важные отношения, что и полицейские меры государства в этом случае соответствуют значению задачи, и полиция вторгается в сферу индивидуальной жизни граждан столь далеко, что прибегает в определенных случаях даже к временному лишению свободы, хотя некоторые и не признают за ней этого права в качестве самостоятельного»[4].

«Где право, там средство его защиты», – с этих строк начинается основная часть магистерской диссертации И.Т. Тарасова по специальности «Полицейское право» на тему: «Личное задержание как полицейская мера безопасности», защищенной в 1875 г.[5] И.Т. Тарасов указывал, что у граждан как у одной из сторон правоотношений с государством имеются определенные средства защиты от злоупотребления органов полицейской деятельности. Данные средства защиты обеспечиваются с помощью мер пре-

[1] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 67.

[2] Там же. С. 64.

[3] Там же. С. 104.

[4] Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. С III.

[5] Там же.

вентивного и репрессивного характера[1]. К мерам превентивного характера Тарасов относил увещания, угрозы, поощрения, регламентацию, отчетность, ревизии, контроль и административную юстицию; к мерам репрессивного характера – дисциплинарную и судебную ответственность[2]. У каждого частного лица должно быть право на подачу жалобы на незаконные распоряжения администрации в случае нарушения его законных прав и интересов, – считал И.Т. Тарасов[3].

Нарушение администрацией и полицией прав и свобод граждан И.Т. Тарасов рассматривал как особый вид противоправных действий – «административную неправду»[4], которую относил к группе правонарушений в сфере государственного управления. В работах И.Т. Тарасова ставится вопрос о соблюдении прав и свобод граждан, которые могут быть обеспечены с помощью института административной юстиции.

Таким образом, в российской юридической науке дореволюционной России был поставлен вопрос о возможностях ограничения прав и свобод граждан и их пределах. И.Т. Тарасов одним из первых обратился в контексте этого вопроса к проблеме соблюдения прав и свобод человека и гражданина и к возможности сопротивления граждан незаконным действиям (бездействиям) органов государственной власти, охарактеризовал сущность административного принуждения и предпринял попытку определения условий его применения. Особое внимание И.Т. Тарасов обратил на законность применения принуждения, на сущность и пределы «права принуждения», «права принудительной власти». Работы И.Т. Тарасова, касающиеся вопросов административного принуждения как меры ограничения прав и свобод гражданина, продолжают сохранять свою значимость для определения оптимальных моделей защиты прав и свобод человека и гражданина в современной России.

[1] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 108.
[2] Там же.
[3] Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. С. 67.
[4] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 115.

Егоров Никита Юрьевич,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ XVIII–XIX ВЕКОВ В ОЦЕНКЕ И.Т. ТАРАСОВА

Наука полицейского права, как и любая другая наука, имеет свою историю, которая заключается, прежде всего, в развитии взглядов и идей, касающихся предмета данной науки. История науки полицейского права отражает эволюцию формы государства и изменения социально-экономической и политико-правовой жизни в XVII–XX вв.[1]

Становление науки полицейского права происходило в процессе укрепления абсолютизма в Западной Европе[2]. Предпосылкой зарождения науки полицейского права в период укрепления абсолютизма стала необходимость сохранения казны государства, которая предопределила науки камералистики. Знаменитый немецкий философ Л. фон Штейн называл камеральные науки не более, чем сводом практических рецептов, но именно камералистика предоставила полицейскому праву готовый материал для дальнейших исследований. Поэтому камералистов Й. Зонненфельса, И. Г. Г. Юсти, Ф. Л. Зекендорфа не без основания называют предшественниками «отцов» науки полицейского права.

Отправной точкой зарождения теоретических основ науки о полиции считают опубликование в 1722 г. «Трактата о полиции» Н. Деламара. Абсолютная власть в Западной Европе, не стесняемая никакими силами, сосредоточила свое внимание, в первую очередь, на укреплении самой власти и внутреннего государ-

[1] Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 10; Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.

[2] Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63). С. 38–40.

ственного управления, получившего название полицейской деятельности.

Для понимания особенностей становления полицейского права как науки и как деятельности по внутреннему управлению государства видный российский полицеист И. Т. Тарасов[1] уделил серьезное внимание изучению становления и эволюции полицейской деятельности. Одно из первых упоминаний термина «полиция» (от греч. – городское дело, городское (государственное) устройство) он обнаружил у Аристотеля. Однако, как выяснил И.Т. Тарасов, Аристотель вкладывал в этот термин этический смысл. Правовой контекст понятия «полиция» у Аристотеля отсутствует. Город являлся колыбелью государственного начала и государственного управления[2], и термином «полиция» обозначалось внутреннее государственное управление по установлению условий безопасности на основе городов[3]. Сначала полицейская деятельность охватывала лишь охрану общественной безопасности, которую называли полицией безопасности. Однако в ходе усиления абсолютной власти пределы полицейской деятельности были расширены[4], и сформировался особый тип государства – полицейское государство. В полицейском государстве существовало многочисленное число уставов, которые очень подробно регламентировали общественную и частную жизнь[5].

В период XVI–XVIII вв. в Западной Европе предметом деятельности полиции была не только охрана общественной безопасности, но и широко понимаемая забота о благосостоянии. Эта задача полиции понимались в настолько широко, что она была тождественна всему внутреннему управлению в государстве. Усиление роли абсолютной власти, расширение полномочий органов полицейской деятельности, обусловило всплеск научного интереса к полицейскому праву. В 1722 г. увидел свет «Трактат о

---

[1] Егоров Н. Ю. Российская полицеистика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 801–812.

[2] Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. I. М.: Университетская типография, 1908. С. 10.

[3] Там же.

[4] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М.: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 14.

[5] Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. С. 13.

полиции» Н. Деламара[1], который рассматривал полицию с трех точек зрения: как общее управление государствами, как управление каждого государства и как управление каждого города. Н. Деламар анализировал полицейскую деятельность с историко-философской точки зрения без какой-либо связи с правом.

С позицией Н. Деламара согласны были не все. Ученые-физиократы требовали существенного ограничения государственного вмешательства в общественную и частную жизнь. Были определены основания для критики полицейского государства. Одним из основных критиков полицейского государства И.Т. Тарасов считал Х. фон Вольфа, который полагал, что, помимо охраны общественного порядка, в обязанность государства должна вменяться обязанность опеки о благосостоянии граждан; что люди вступают в государство с целью довольства и счастья, и главная цель государства – доставить это счастье и довольство гражданам[2]. Подчеркивая, что «довольство подданных должно быть путеводной звездой в деятельности государства», Х. фон Вольф обосновывал, что государство обязано не только заботиться о безопасности и правосудии, но также о том, чтобы «доставлять гражданам средства к жизни приятной и удобной»[3] и чтобы «общее благосостояние и безопасность … [были. – *Авт.*] наивысшей и последней задачей государства»[4]. Границы деятельности государства, по мнению Х. фон Вольфа, должны быть ограничены правом. Критика полицейского государства, считает И. Т. Тарасов, привела Западную Европу к просвещенному абсолютизму[5]: помимо охраны общественного порядка, внутреннее управление

---

[1] [Delamare N.] Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris, & huit Plans gravés, qui représentent son ancien Etat, & ses divers accroissements, avec un recueil de tous les statuts et règlements des six corps des marchands, & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Par M. Delamare, Conseiller-Commiβaire du Roy au Châtelet de Paris. Vol. 1–2. Paris: J. et P. Cot, 1705–1710; 2-eme éd. Vol. 1–4. Paris: Chez Michel Brunet et chez J.-F. Hérissant, 1719–1738.

[2] Нижник Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194.

[3] Цит. по: Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Ч. 1. Киев: Типография В. И. Завадского, 1890. С. 75.

[4] Цит. по: Там же.

[5] Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. С. 14.

начинает включать в себя опеку над образованием, моральными нормами, о продуктах питания, об одежде, об отношениях между супругами, родителями и детьми[1].

В 1756 г. вышла в свет работа И. Г. Г. фон Юсти «Основные начала науки о полиции»[2]. Юсти рассматривал вопросы полицейской деятельности в контексте эпохи просвещенного абсолютизма, указывая на обязанность государства по обеспечению всеобщего благополучия граждан. Юсти принадлежал к школе эвдемонистов, ставивших целью государства счастье граждан[3] – свободу граждан, их безопасность и внутреннюю силу или внутреннее благосостояние.

Общее благосостояние и удобство жизни главной задачей всего внутреннего государственного управления считал Й. фон Зонненфельс. И. Т. Тарасов считал, что именно Й. фон Зонненфельс поставил вопрос о необходимости ограничения государственного вмешательства, указав на отрицательные последствия бесконтрольного внутреннего государственного управления[4]. Подчеркивая, что от государственного вмешательства будут страдать, в первую очередь, граждане государства, ученый не предложил способы и средства для предупреждения и пресечения произвола в государстве.

Следующий шаг в развитии науки полицейского права, по мнению И. Т. Тарасова, сделал немецкий государственный деятель, юрист, правовед Г. Г. Берг, который главной задачей государства видел безопасность и благосостояние народа (безопасность должна была осуществляться полицией и юстицией, а благосостояние – исключительной полицией). По мнению, И. Т. Тарасова, именно смешение деятельности полиции и юстиции,

---

[1] Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. С. 13.

[2] См.: Justi J. H. G., von. Grundsätze der Polizeiwissenschaft in einen vernünftigen, auf den Endzweck der Polizei gegründeten, Zusammenhang und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasset. Göttingen: Vandenhoeck, 1756.

[3] Нижник Н. С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицеистов) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 31–33.

[4] Егоров Н. Ю. Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 112–121.

внесли «еще больший сумбур» в определение предмета науки полицейского права, а также в необоснованном разделении полиции на полицию безопасности и полицию благоустройства[1].

Дальнейшее развитие науки полицейского права И. Т. Тарасов связывал с немецким юристом и политическим деятелем Р. фон Молем, который ввел в научный оборот термин «правовое государство». В 1832 г. вышла в свет работа Р. фон Моля «Трактат о науке полиции», на страницах которой ученый подчеркнул, что цель полиции – устранение препятствий для всестороннего развития граждан, которые не имеют возможности самостоятельно устранить такие препятствия[2]. Разделяя науку полицейского права и науку о полиции, Р. фон Моль подчеркивал, что наука о полиции – систематическое изложение положений об устройстве и распространении вспомогательных учреждений в государстве, целью которых является устранение препятствий со стороны сил природы для всестороннего развития граждан[3]. Основой науки о полиции Р. фон Моль считал концепцию правового государства – представления о юридическом порядке соотношения государства как юридического лица с гражданами[4]. И. Т. Тарасов считал, что Р. фон Моль в своих рассуждениях о науке о полиции поставил один из основных вопросов – о социальной сущности государства, о выполнении государством своей социальной сущности. И.Т. Тарасов полагал, что при решении проблем построения правового государства социальный вопрос приобретает особую актуальность и требует соблюдения баланса между соблюдением прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, и качественной управленческой деятельностью, с другой стороны; что социальный вопрос является важным критерием сравнения правового, социального и полицейского государств.

И. Т. Тарасов подчеркивал, значительный вклад в полицейско-правовую теорию внес Л. фон Штейн. Полицейское право уже оформилась как самостоятельная наука, но в начале XIX в. представления о полицейской деятельности изменялись: с укреп-

---

[1] Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. С. 45.

[2] Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. I. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 16.

[3] Там же. С. 17.

[4] Там же.

лением государственной власти и развитием абсолютизма ученые рассматривали вопрос о возложении на государство, помимо функции обеспечения безопасности, функции поддержания достойного уровня жизни населения в государстве. Разработчиком теоретической концепции социального государства, содержащей новые для своего времени идеи о возможностях государства преодолеть социальный кризис и направленной на создание адекватной своему времени системы ликвидации социального неравенства, И. Т. Тарасов считал Л. фон Штейна. Его концепцию социального государства И. Т. Тарасов оценивал как итог всего предшествующего развития западноевропейской социально-философской мысли по вопросам, касающимся отношений между обществом и государством, личностью и государством, как реакцию на запросы социальной реальности и практики государственного управления. Как показывают результаты современных исследований, концепция социального государства обозначила исторический переход от модели «государство – ночной сторож» к модели активного государства, берущего на себя ответственность за осуществление становящихся для него главными социальных функций[1].

И. Т. Тарасов называет Л. фон Штейна одним из основателей учения о внутреннем управлении, которое Штейн понимал как часть государственного управления в широком смысле, которая доставляет отдельному человеку условия для его индивидуального развития, «недостижимые собственной энергией и усилиями». Предмет внутреннего управления – жизнь личности в человеческом общении – Л. фон Штейн рассматривал с трех сторон: 1) как физическую и духовную жизнь личности; 2) как жизнь личности в сфере хозяйства («хозяйственная жизнь лица»); 3) как общественную жизнь – жизнь лица при взаимодействии с обществом[2].

---

[1] Нижник Н. С. Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар, 2015. С. 19–20; Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.

[2] Штейн Л., фон. Учение об правлении с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: Издательство А. С. Гиероглифова, 1874. С. 117.

Поэтому внимание Л. фон Штейна сосредоточивалось на трех основных гранях внутреннего управления, которым он посвятил части своего исследования. В первой части своего труда Л. фон Штейн говорит об управлении государством по отношению к физической жизни. Эту грань управления отражают статистика, народоисчисление, акты состояния, порядок выдачи паспортов, публичное брачное право, иммиграция и эмиграция, дела народного здравия, дела попечительства или отношения управления к опеке, к наследству, к конкурсной массе. Второй отдел первой части своего сочинения автор посвящает вопросу об управлении в сфере образования, которую относил к духовной жизни человека.

Вторая часть сочинения Л. фон Штейна посвящена учению об управлении в сфере экономики, в рамках которой он выделяет общую и особенную части. К общей части учения об экономическом управлении Штейн относит принудительное отчуждение частных прав, проявляющееся в отмене повинностей, в экспроприации и в праве государственной необходимости; управление при столкновении со стихиями природы (пожарная полиция, водное право); организация взаимодействий и товарооборота (организация путей сообщений (судоходство, железные дороги, публичное пароходство), телеграфное дело).

И. Т. Тарасов обращал внимание на то, что Л. фон Штейн особый интерес проявлял к проблемам управления общественной жизни людей, к необходимости учета различий между людьми, к вопросам неравномерного распределения личных, экономических и духовных благ, к проблемам, отражающим стремление каждой личности подняться из низшего класса в высший[1]. Главную задачу внутреннего управления Штейн видел в создании условий, при которых каждый гражданин мог обладать правом беспрепятственного перехода из одного класса в другой, при которых были бы исключены дороговизна, нищенство, бедность, а социальному развитию содействовали вспомогательные кассы, организации общественного страхования и ассоциации самопомощи неимущих.

[1] Штейн Л., фон. Указ. соч. С. 516.

Таким образом, внимание, уделенное И. Т. Тарасовым представлениям о социальной сущности государства, сформированным в западноевропейской полицейско-правовой теории, свидетельствует, что российские полицеисты были хорошо знакомы с западноевропейской полицеистикой и учитывали результаты исследований зарубежных ученых при осмыслении социально значимых вопросов государственно-правового развития России. Несмотря на то, что уже в XIX в. российская наука полицейского права существовала как самостоятельная национальная отрасль знаний, связь ее с западноевропейской политико-правовой мыслью была очевидной. И. Т. Тарасов подчеркивал, что в полицейско-правовой теории XVIII–XIX вв. важное место имели вопросы, касающиеся социальной сущности государства. Заслугой западноевропейских ученых И. Т. Тарасов считал постановку социального вопроса и разработку концепции социального государства, которая фактически легла в основу социальной политики европейских государств в начале XX в. Значимость идей полицеистов о социальной сущности государства, получившая характеристику И. Т. Тарасова, была подтверждена практикой государственно-правового развития современных государств: провозгласив себя правовыми и социальными, государства XXI в. выстраивают свою социальную политику, опираясь на теорию социального государства.

Засовенко Александра Юрьевна,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ЖЕНЩИНЫ НА СЛУЖБЕ В МИЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Война становится серьезным испытанием для всех социальных систем, для всех социальных слоев воюющих государств. Глубину трансформации общественной жизни и приспособление государственно-правового организма к военным условиям де-

монстрирует вовлеченность в эти процессы женщин и детей[1]. Для отечественной истории XX в. важными периодами становились Гражданская война, иностранная интервенция, Великая Отечественная война, которые выявили важную роль женщин в адаптационных процессах военного времени. Одной из страниц истории военного времени является участие женщин, профессионально выполняющих охрану общественного порядка, в решении государственно значимых вопросов.

К службе в советской милиции женщины были допущены наряду с мужчинами. В годы Гражданской войны, когда тысячи милиционеров молодой советской Республики уходили на фронт, во многих органах милиции образовался значительный некомплект служащих. Оставшиеся, как правило, имели низкий образовательный уровень, а некоторые были совсем неграмотными. Это не лучшим образом сказывалось на выполнении ими возложенных на них обязанностей[2]. При этом в конце 1917 – начале 1918 г. в Москве и Петрограде резко увеличилась преступность: в марте 1917 г. Временным правительством была проведена полная амнистия для всех преступников, осужденных в Российской империи. Из текста указа об амнистии, подписанного Керенским, следовало, что предоставление свободы убийцам, грабителям, громилам и насильникам необходимо для обновления жизни тех, кто совершил преступления[3]. Не удивительно, что после амнистии количество преступлений значительно возросло. И актуальность

---

[1] Нижник Н. С. В стороне от дел никогда не оставались: пионерская организация Челябинска в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны в констекте XX–XXI веков: В 2 ч.: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Великой Победы. Ч. II. Челябинск, 2010. С. 325–331; Нижник Н. С. Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие Материалы межвузовской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов. Санкт-Петербург, 29 апреля 2015 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. С. 85–93.

[2] Биленко С. В. Советская милиция России: Организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и её деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.): Учебное пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1976. С. 46–47.

[3] Прокопенко В. Н., Романов В. М. Советская милиция (1917–1920 гг.). М.: «Юридическая литература», 1965. С. 30–31.

борьбы с преступниками в советской России оставалась очень острой.

Расширение круга поставленных перед милицией задач, предоставление женщинам права на труд и образование, равного с правом мужчин, отсутствие необходимого для решения социально значимых вопросов сотрудников милиции способствовали привлечению к службе в органах правопорядка женщин.

Для решения кадрового вопроса в первые годы советской власти Главное управление милиции, губернские и уездные управления милиции развернули работу по обучению милиционеров в школах и на курсах. В 1918 г. в Москве были открыты школы милиции для командного и рядового состава, в Петрограде – Рабоче-крестьянский университет, имевший факультет советской милиции и уголовного розыска. В числе обучавшихся были и женщины. Из 982 выпускников факультета советской милиции и уголовного розыска Рабоче-крестьянского университета первого набора были 183 милиционера-мужчины и 799 сотрудников милиции – женщин[1].

Первые отряды милиции, укомплектованные женщинами, начали создаваться в Петрограде, где женщины несли постовую и патрульную службу, работали в уголовном розыске, боролись с детской преступностью, охраняли промышленные объекты, выполняли другие поручения[2]. Только в течение июня–июля 1919 г. в милицию были приняты 600 женщин[3]. В июне 1919 г. петроградская «Красная газета» писала, что «милиционерки ревностно выполняют все возложенные на них обязанности… Своим примером они даже положительно влияют на милиционеров-мужчин»[4].

6 сентября 1919 г. коллегия Народного комиссариата внутренних дел под председательством Ф. Э. Дзержинского, заслушав сообщение о результатах введения «женской милиции» в Петрограде, постановила: «1. Признать опыт Петрограда о введении

[1] Биленко С. В. Советская милиция России: Организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и её деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.)… С. 47.

[2] Советская милиция: история и современность (1917–1987). М.: Юрид. лит., 1987. С. 57.

[3] Биленко С. В. Указ. соч. С. 46

[4] Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 57.

женской милиции вполне удовлетворительным. 2. Предложить отделу управления Советской рабоче-крестьянской милиции содействовать введению женской милиции в других городах, где это представляется возможным, для чего выработать соответствующую инструкцию»[1].

Инструктор от НКВД, делегированный с поездом «Октябрьская революция» по линии Москва – Пенза – Самара – Оренбург, 27 сентября 1919 г. в отчете о работе милиции указанных городов писал, что женщины-милиционеры вполне справляются со своими обязанностями, удачно заменяя мужчин[2]. Судя, по документам, осенью 1919 г. «женская милиция» существовала уже не только в Петрограде и Москве, но и в провинциальных городах Советской Республики, хотя широкого распространения в этот период она не получила.

Следующие существенные изменения кадрового состава милиции, выразившиеся в значительном увеличении доли сотрудников-женщин, произошли в годы Великой Отечественной войны. Великая Отечественная война потребовала перестройки работы всего государственного аппарата, в том числе и органов охраны правопорядка. Круг задач милиции еще более расширился. Работа органов милиции осложнялась ростом правонарушений, в том числе обусловленным пополнением рядов правонарушителей дезертирами, недостатком квалифицированных сотрудников-милиционеров.

Вопрос о кадрах милиции уже в 1941 г. начал вызывать тревогу органов власти. По путевкам партийных и комсомольских организаций на службу в милицию были направлены тысячи женщин, которые быстро освоили сложные милицейские обязанности и заменили мужчин, ушедших на фронт. Так, по решению Московского городского комитета партии в милицию было направлено 1300 женщин, служивших в государственных учреждениях и организациях[3], а 19 декабря 1942 г. столичная мили-

---

[1] Прокопенко В. Н., Романов В. М. Советская милиция (1917–1920 гг.). М.: «Юридическая литература», 1965. С. 90–91.

[2] Биленко С. В. Советская милиция России: Организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и её деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.)… С. 46.

[3] Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 162.

ция пополнилась еще одной тысячей женщин[1]. В областном управлении и городских отделениях омской милиции в 1942 г. количество женщин составляло 42,5 % штатного состава[2]; по данным отдела кадров, число женщин-сотрудниц в сталинградской милиции составляло 12 %[3]. В 1944 г. 300 девушек стали работать в подразделениях охраны московского метрополитена. К 1944 г. в органах милиции Москвы насчитывалось около 4 тысяч женщин, тогда как в довоенное время их было лишь 138 человек; в органах милиции Украины женщины составляли 21,3 %, в Сталинграде – 20 %[4]. Женщины работали регулировщиками движения транспорта на перекрестках улиц и дорог; дежурили в детских комнатах и детских приемниках[5], окружая заботой и материнской лаской детей, потерявших родителей[6].

Женщины часто занимали пост своих мужей, отправившихся на фронт. Когда милиционер Калманского районного отдела милиции Алтайского края Тимофей Кулешов был откомандирован в блокадный Ленинград, на это место работать пришла его жена Екатерина, которая несла службу четыре года, до тех пор, пока не вернулся муж[7].

Стремясь к полному овладению профессией, женщины активно начали постигать особенности милицейской службы в учебных заведениях. В Ташкенской межобластной школе милиции учились только женщины[8]. Женщины обучались в Сталина-

---

[1] Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). Ростов-н/Д.: РЮИ МВД России, 2000. С. 46.

[2] Шатилов С. П. Основные направления деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2010. С. 23.

[3] Солдатский подвиг милиции / Сост. и авт. пояснит. текста Е. И. Грин и В. П. Иванилов. Волгоград, 1968. С. 305.

[4] Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). С. 46.

[5] Еропкин М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М.: Высшая школа МООП СССР, 1967. С. 18.

[6] Нижник Н. С. Законодательные основания государственной политики в сфере семейно-брачных отношений в период Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы / Авт. и рук. проекта Р. А. Ромашов, Н. С. Нижник. СПб., 2005. С. 373–384.

[7] Матушкина Л. Проверка показала: задержанный – шпион // Полиция России. 2015. № 5. С. 32–33.

[8] Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 162.

бадской специальной средней школе милиции. В средних межобластных школах милиции в основном учились женщины[1]. В Центральной школе милиции в Москве, осуществлявшей подготовку и переподготовку руководящих работников милиции – начальников городских и районных органов милиции и экспертов-криминалистов, женщины осваивали азы управленческой деятельности в милиции.

Многие женщины-милиционеры за военные годы стали руководителями подразделений НКВД. Начальником паспортного стола Управления милиции Таджикской ССР долгое время работала Е. Соколова, начальником политического отдела Управления милиции Саратова – Н. Грунина, на политической работе в московской милиции трудились А. Золотухина, А. Замотина, З. Першукова, В. Елисеева. Тысячи женщин работали участковыми уполномоченными, рядовыми милиционерами, находились на оперативной работе в аппаратах уголовного розыска и борьбы с хищениями. Все они успешно справлялись со своими сложными обязанностями[2].

Оперативный уполномоченный Московского уголовного розыска Е. В. Азанчиева получила данные о том, что трое преступников облюбовали небольшой пустующий особняк и превратили его в притон. Чтобы не вызывать подозрений, на двери они повесили большой замок, а сами проникали в помещение через окно. Зная, что у преступников есть оружие, Е. В. Азанчиева тщательно готовила операцию по их задержанию. Вскоре вооруженная грабительская группа была обезврежена и предстала перед военным трибуналом[3].

Летом 1941 г. участковым уполномоченным Троицкого райотдела Алтайского края милиции стала Анна Семеновна Вихрянова. До отделенных селений, в которых совершались кражи скота и другие преступления, она добиралась верхом на лошади. Грамотно производила розыск, задержание преступников и дезертиров. В июне 1943 г. ее, как опытного сотрудника, перевели в Бийск на должность оперуполномоченного уголовного розыска. В этом подразделении она была единственной женщиной-

[1] Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 162.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 167.

милиционером. Здесь А. С. Вихрянова возглавила борьбу с преступностью несовершеннолетних. Обездоленные войной подростки совершали массу серьезных преступлений. А. С. Вихрянова не только раскрывала их, но и проводила профилактические мероприятия, делала все возможное, чтобы подростки встали на правильный жизненный путь. В 1944 г. благодаря бдительности оперуполномоченного Вихряновой было раскрыто тяжкое преступление – убийство эвакуированных из Ленинграда двух женщин и двоих детей, которое совершила вместе с сыном хозяйка квартиры, в которой они проживали. После войны лейтенант милиции Вихрянова до 1955 г. работала инспектором детской комнаты милиции[1].

На счету женщин-милиционеров множество подвигов, совершенных в годы Великой Отечественной войны. Так, в период обороны Москвы в ноябре 1941 г. милиционер А. Гришутина, стоя на посту, заметила пожар в доме. Вызвав пожарную команду, но не дожидаясь ее прибытия, она бросилась к дому и вынесла из огня семерых детей[2]. Милиционер Михайлова, спасая жизнь людей от бандита-водителя, встала наперерез его машине. Бандит не остановился. Зина Михайлова погибла на боевом посту[3].

В сложных условиях, в кольце вражеской блокады при непрерывных артиллерийских обстрелах и страшном голоде несли свою службу работники милиции Ленинграда. Милиционер Л. Катаева, регулируя уличное движение во время очередного артиллерийского обстрела города, была ранена, но пост до прибытия смены не оставила. В больнице у женщины-милиционера хирурги извлекли 11 осколков снаряда[4].

В дни Сталинградской битвы Анна Семеновна Поленова работала участковым уполномоченным 2-го отдела милиции. Обходя вверенную ей территорию, милиционер зашла в один из домов, пострадавших во время налета, услышала в одной из комнат детский плач, и нашла двух детей, пытавшихся разбудить убитую во время налета мать. Поленова забрала детей и, рискуя своей

---

[1] Матушкина Л. Проверка показала: задержанный – шпион. С. 32–33.

[2] Биленко С. В. Советская милиция на защите социалистического Отечества (1941–1945 гг.). М.: Изд-во «Знание», 1986. С. 11.

[3] Там же.

[4] Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 163.

жизнью во время очередного налета, отнесла их на баржу, на которой находились эвакуированные из разрушенных обстрелами домов дети. После войны А. С. Поленова продолжила милицейскую службу. Была награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и только в августе 1951 г. ушла в отставку[1].

Таким образом, служебная деятельность женщин-милиционеров в военное время – красноречивый пример способности женщин в экстремальных условиях не только выполнять обязанности жены и матери[2], но и принимать активное участие в решении социально значимых задач. Женщины, придя на службу в милицию, не только смогли освоить профессию милиционера, но и проявили мужество, продемонстрировали большую самоотдачу и работоспособность при выполнении своих служебных обязанностей.

Карпов Игорь Юрьевич,
адъюнкт Санкт-Петербургского
военного института войск
национальной гвардии России

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИОЮРИДИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Организация жизни современного общества требует эффективного действия механизма правового регулирования общественных отношений и стабильного правопорядка. Нормы, устанавливающие правила поведения людей, формируются на протяжении определенного времени и имеют свою продолжительную

[1] Солдатский подвиг милиции / Сост. и авт. пояснит. текста Е. И. Грин и В. П. Иванилов. С. 305.

[2] Нижник Н. С. Нормативные основания регулирования семейно-брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: Сборник статей / Отв. ред. А. Ш. Кабирова. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. С. 451–459.

историю[1]. При этом юридические нормы отражают стремление государственной власти регулировать общественные отношения в контексте осуществления целей и задач государства[2]. Действенность юридических норм определяется наличием гарантий их реализации и механизмом юридической ответственности, в рамках которой государство имеет право легитимного применения государственного принуждения. Государственное принуждение является важнейшей составляющей регулирования общественных отношений в государственно организованном обществе.

Принуждение – метод поддерживания порядка и организованности в любом обществе. В результате принуждения субъект общества ведет себя вопреки своей воле, учитывая при этом интересы общества и государства. Установление запретов и определение обязанностей субъектов общественных отношений – основание применения принуждения. Основанием применения принуждения государством являются правовое закрепление запретов, обязанностей и юридической ответственности. Не случайно, понятия «право» и «насилие» рассматриваются в неразрывной связи: право всегда необходимо отстаивать. Не случаен поэтому и образ богини правосудия Фемиды, которая в одной руке держит весы, чаши которых наполнены правом, а в другой руке – меч как символ силы и защиты: «меч без весов есть голое насилие, весы без меча – бессилие права», подчеркивал Р. Иеринг.

После образования государства принуждение становится важнейшим методом управления обществом и осуществляется государственными органами. Ни одно государство без принуждения не обходится.

Характеристики феномена «государственное принуждение» являются предметом осмысления ученых. С. С. Алексеев подчер-

---

[1] Нижник Н. С. Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Науч. ред. Н. С. Нижник. СПб.: «Астерион», 2012. С. 6–10.

[2] Нижник Н. С. Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, ООО «Издательский Дом – Юг». – Краснодар, 2012. – С. 497–506.

кивает, что «государственное принуждение – острое и жесткое средство социального воздействия. Оно основано на организованной силе, выражает и потому способно обеспечить безусловное утверждение воли государства и через нее – воли экономически господствующего класса»[1]. Как «вспомогательный государственно-властный способ подавления отрицательных волевых устремлений определенных субъектов для обеспечения их нормами права» рассматривает принуждение В.Д. Ардашкин[2]. Б.Т. Барсенков считает, что «государственное принуждение есть совершаемое компетентными органами и должностными лицами властное воздействие в виде предписаний определенного поведения (психическое принуждение) либо в форме непосредственного действия (физическое принуждение)»[3].

Важнейшими чертами государственного принуждения являются его следующие характеристики:

– государственное принуждение является разновидностью социального принуждения;

– государственное принуждение опосредовано правом, носит правовой характер;

– государственное принуждение представляет собой акт внешнего психического, физического, материального или организационного воздействия;

– в рамках государственного принуждения воздействие оказывается на сознание, волю или поведение субъекта;

– по своей психомотивационной природе государственное принуждение определяется конфликтом между государственной волей, выраженной в законодательстве, и индивидуальной волей лиц, нарушивших правовые предписания;

– государственное принуждение осуществляется посредством применения соответствующих мер;

– применение государственного принуждения вызывает причинение лицу правоограничений отрицательного характера;

– государственное принуждение применяется в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности;

---

[1] Алексеев С. С. Малая энциклопедия конституционного права. М.: Высшая школа, 2016. С. 187.

[2] Ардашкин В. Д. Ложные маяки и вечные истины: пути выхода из кризиса и русская общественная мысль. М.: Современник, 2017. С. 68.

[3] Барсенков А. С. История России: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 132.

– реализуется в рамках правоотношений охранительного типа.

Государственное принуждение предполагает оказание государственными органами и должностными лицами воздействия, предусмотренного законом, психического, физического, организационного или имущественного характера, направленного на исполнение и соблюдение правовых норм. В нормативных правовых актах закрепляются размеры и виды установленных мер, компетенция государственных органов и должностных лиц на применение принуждения, порядок осуществления принуждения, права граждан на защиту. Четко регламентированная процедура государственного принуждения надежнее обеспечивает права и свободы граждан, а должностные лица имеют меньше возможностей для злоупотребления властью.

По сфере воздействия на субъекта выделяют два вида государственного принуждения:

– физическое;

– психологическое.

Физическое воздействие обращено к физической (личной или материальной) стороне жизни субъекта, психическое принуждение воздействует на психику человека. Физическое принуждение обращено на индивида, а психическое принуждение направлено на коллектив лиц.

В психике человека взаимодействуют эмоциональная, рациональная и волевая сферы. В индивидуальных поступках внешнее поведение людей или определенной группы осуществляется на основе их внутренней психической деятельности, при этом действия психики порождаются мыслями и чувствами, влияющие друг на друга. Задачей психического принуждения является возбуждение определенного мотива поведения, который, имея борьбу с иными мотивами, преодолевает их и склоняет субъекта к правильному поведению. В большинстве случаев это мотив страха перед неповиновением, которое в дальнейшем несет негативные последствия. Данный вид имеет воздействие на сознание и волю лица нормы или акта ее применения, содержащих государственно-властный запрет или предписание установленного поведения. Функцией психического государственного принуждения является предупреждение правонарушений. Психическое принуждение с убеждением, но не тождественно ему.

Объект физического принуждения – это физическое существование субъектов общественной жизни. Физическое государственное принуждение имеет выражение в физическом воздействии на общественное имущество, денежные средства физических лиц. Воздействие на данный объект имеет влияние на сознание лица и мотивацию необходимого поведения. При этом необходимо принимать во внимание взаимосвязь государственного принуждения и наказания, которое осуществляется с помощью применения государственного принуждения[1].

По сфере правового регулирования выделяют:

– уголовное принуждение;

– административное принуждение;

– дисциплинарное принуждение;

– гражданско-правовое принуждение.

Таким образом, государственное принуждение – это воздействие органов государственной власти на общество с целью решения социально значимых проблем. Государственное принуждение осуществляется на основе правовых норм компетентными государственными органами и должностными лицами. Государственное принуждение поддерживает правовой порядок и является атрибутивной характеристикой государственно организованного общества.

Козинникова Екатерина Николаевна,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

РЕЖИМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВОВЕДОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В преддверие подготовки к празднованию 300-летия полиции России исследователи особый интерес проявляют к истории российской полиции и положениям отечественной полицейско-

[1] Базылев Б. Т. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 2017. С. 57.

правовой теории[1], позволяющим использовать накопленный теоретической и практической юриспруденцией опыт для решения социально значимых проблем современной России.

Один из исторических сюжетов, до настоящего времени не получивший должного осмысления, – чрезвычайный правовой режим, существовавший в Российской империи в конце XIX – начале XX в. и оценка его отечественными государствоведами.

Чрезвычайные (не соответствующие общему порядку) ситуации периодически возникали на различных этапах исторического развития всех государств. Эти ситуации были связаны как с внешними (войны, природные катаклизмы и т. п.), так и с внутренними (общественно-политические преобразования, экономические кризисы и т. п.) факторами. Они не позволяли регулировать общественные отношения в обычном порядке, ординарной системой норм и правил и требовали применения чрезвычайного (в том числе и правового) регулирования, системы чрезвычайного законодательства и чрезвычайных правовых режимов.

Чрезвычайный правовой режим, введенный в Российской империи в конце XIX в. с целью сохранения государственного строя и обеспечения государственной и общественной безопасности, получил наименование исключительного положения и

[1] См., например: Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полицейская система России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 216–227; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 228–239; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полиция России: основные этапы становления и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 220–228; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. Полиция – «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 229–238; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Становление и развитие полицейской системы имперской России // История государства и права. 2017. № 20. С. 54–60.

стал предметом исследовательского интереса российских ученых[1].

Режим исключительного положения не был новеллой Российской империи: его применение уже имело место в зарубежных государствах. В России, как и в странах Западной Европы, режим исключительного положения был введен в эпоху перехода от абсолютной монархии к конституционной. Введение исключительного положения в этот (переходный) период В. М. Гессен объяснял тем, что при абсолютной монархии надобности в исключительном положении не было и не могло быть, в связи с тем, что даже нормальное положение являлось в достаточной мере исключительным[2].

Причинами, обусловившими введение режима исключительного положения на территории Российской империи, послужили сложившиеся в российском государстве на рубеже 70–80-х годов XIX в. общественно-политические отношения, которые характеризовались крайней нестабильностью и несли в себе угрозу существовавшей форме государства, режиму законности и правопорядка.

Факторами, усиливавшими социально-политические противоречия в пореформенной России, явились:

– обострение противоречий между существовавшим механизмом государственной власти и складывавшимися новыми отношениями в экономической и социальной сферах, которые с неизбежностью вели к несовпадению интересов между государством и обществом;

– нежелание и неспособность власти реагировать на происходящие изменения путем радикального изменения формы правления в сторону конституционной монархии, расширения политических прав и свобод, отказа от несоответствующего фактическим отношениям сословного деления общества;

---

[1] Нижник Н. С. Российская полицеистика об основах регулирования отношений между государством и обществом // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 55–59.

[2] Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1908. С. 1.

– половинчатость и непоследовательность проводимых реформ во второй половине XIX в., которые в совокупности с сохранением старых принципов общественного устройства провоцировали самые радикальные формы проявления общественного недовольства вплоть до активизации деятельности революционных организаций, методом борьбы которых все чаще становились террористические акты.

В сложившейся ситуации российское самодержавие для сохранения существующего государственного строя выбрало путь государственного вмешательства и консервации сложившихся порядков[1]. Именно этим объясняется принятие правовых мер исключительного характера. Сочетая дальнейшие преобразования с развитием механизмов сдерживания нежелательных социально-экономических и политических процессов в обществе, власть, наряду с известными инструментами репрессивной политики, начинает формировать и новые институты, среди которых особое место занимало чрезвычайное законодательство.

Об официальном введении в действие на территории Российской империи чрезвычайного правового режима можно говорить с момента вступления в силу указа «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны»[2] – с 4 сентября 1881 г., когда исключительное положение было введено в Санкт-Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Бессарабской губерниях; Симферопольском, Евпаторийском, Ялтинском, Одесском, Перекопском уездах; в городе Бердянске Таврической губернии, Воронеже с уездом, Ростове-на-Дону, Мариуполе Екатеринославской губернии; Одесском, Таганрогском, Керчь-Еникольском градоначальствах.

---

[1] Егоров Н. Ю. Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 112–121.

[2] Именной, данный Сенату, высочайший указ «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» от 4 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. (далее – ПСЗ РИ-3). Т. I. Ст. 383. С. 283–284.

Несмотря на то, что «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.[1] фактически вводило в ряде территорий Российской империи режим исключительно положения, определения понятия «исключительное положение» нормативный правовой акт не содержал, а содержал лишь перечисление некоторых его признаков. Так, согласно «Положению о мерах к охранению…» режим исключительного положения характеризовался: расширением круга обязанностей и пределов власти существующих административных установлений по охранению государственного порядка и общественной безопасности, возложением чрезвычайных полномочий временно учреждаемым для этой цели правительственным органам при одновременном усилении ответственности, как частных, так и административных властей за неисполнение на них возложенных обязанностей.

Основными целями издания Положения в законе были названы:

– искоренение «гнусной крамолы, позорящей землю Русскую;

– утверждение веры и нравственности;

– доброе воспитание детей;

– истребление неправды и хищения;

– водворение порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Александром II»[2].

Введение в России режима исключительного положения привлекло внимание отечественной теоретико-правовой науки к проблемам чрезвычайного законодательства[3]. Такая ситуация была закономерной: поиск способов решения острых социально значимых вопросов активизировал интеллектуальную деятельность, в связи чем эпохи «общественной реакции», как правило, сопровождались расцветом философских и научных изысканий[4].

---

[1] Высочайше утвержденное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // ПСЗ РИ-3. Т. I. Ст. 350. С. 261–266.

[2] Манифест «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его императорскому величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России» от 29 апреля 1881 г. // ПСЗ РИ-3. Т. I. Ст. 118. С. 53–54.

[3] Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.

[4] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 1.

В числе ученых-правоведов, сосредоточивших свой исследовательский интерес на содержании исключительного положения в России Н. Н. Белявский, В. М. Гессен, В. Ф. Дерюжинский, Я. М. Магазинер[1].

Давая определение понятию «исключительное положение» В. М. Гессен обратил внимание на то, что это – «совокупность исключительных полномочий, в чем бы они ни состояли, предоставляемых правительственной власти, при наступлении обстоятельств, угрожающих изнутри или извне существованию государства»[2]. Н. Н. Белявский под «исключительным положением» понимал «положение, вводимое при условии недостаточности мер общей гражданской полиции, которое сводится к ограничению гражданской свободы при расширении администрации в целях подавления преступных посягательств»[3].

Выделяя принципы чрезвычайного правового регулирования, наряду с указанными в «Положении о мерах к охранению…» (соразмерность пространства особых полномочий властей, поставленных на страже общественного порядка, с ответственностью, возлагаемой на них чрезвычайными обстоятельствами времени; временный характер исключительных мер; соответствие исключительных мер действительной потребности охранения порядка; недопустимость излишнего отягощения законных интересов верного престолу населения), известный российский правовед Я. М. Магазинер, называет: принцип чрезвычайности обстоятельств (наступление своеобразных, то есть, значительно отклоняющихся от нормального течения государственной жизни, и временных по своему характеру обстоятельств), а также принцип необходимости в мере (недостаточность законных средств, для ответа на чрезвычайные обстоятельства, неотложная потребность в издаваемой мере, причинная связь между издаваемой мерой и чрезвычайными обстоятельствами)[4].

---

[1] Козинникова Е. Н. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицеистов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 87–95.

[2] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 74.

[3] Белявский Н. Н. Полицейское право (административное право). 2-е изд. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. С. 91.

[4] Магазинер Я. М. Чрезвычайно-указное право в России. (Ст. 87 Осн. зак.). СПб.:Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. С. 55−80.

Осмысливая содержание исключительного положения в России, отечественные правоведы пришли к выводу, что оно определяется целью исключительного положения. Исключительное положение вводится для защиты государственного и общественного строя от угрожающих его существованию посягательств изнутри. И речь идет не об отражении «силы силой», так как для применения силы необходимости в исключительном положении нет, поскольку употребление оружия является постоянным и нормальным полномочием власти. Цель исключительного положения − устранить возможность возникновения или повторения вооруженных столкновений. Исключительное положение предоставляет государственной власти чрезвычайные полномочия, именно потому, что нормальных полномочий недостаточно для того, чтобы держать население (или хотя бы значительную его часть) в подчинении правительственной власти. В этом заключается та «крайняя необходимость», которой оправдывается исключительное положение.

При анализе содержания исключительного положения в России отечественные правоведы опирались на опыт введения исключительных режимов и разработки чрезвычайных законов зарубежных стран. В. Ф. Дерюжинский в своей работе «Habeas Corpus акт и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения»[1] рассматривал приостановку действия Habeas Corpus Act[2] в Англии как исключительную меру безопасности, тождественную по своему содержанию объявлению исключи-

[1] Дерюжинский В. Ф. Habeas Corpus акт и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения. Юрьев: Типо-лит. Г. Ламана, 1895. 428 с.

[2] Законодательный акт Англии, принятый в 1679 г., который определяет правила ареста и привлечения к суду обвиняемого в преступлении, предоставляет право суду контролировать законность задержания и ареста граждан, а гражданам − требовать начала такой процедуры. Согласно этому закону, судьи были обязаны по жалобе лица, считающего свой арест или арест кого-либо другого незаконным, требовать срочного предоставления арестованного суду для проверки законности ареста или для судебного разбирательства; заключение обвиняемого в тюрьму могло производиться только по предъявлении приказа с указанием причины ареста. Правительству Англии предоставлялось право приостанавливать действие акта в чрезвычайных случаях, но лишь с согласия обеих палат парламента и не более, чем на один год. Эта мера практиковалась в очень редких случаях в Англии и Шотландии. С 1818 г. действие Habeas Corpus Act не приостанавливалось.

тельного положения в других странах, полагая, что для Англии подобное приостановление влекло за собой те же правовые последствия, что и объявление военного, осадного или исключительного положения в других странах. В случаях приостановки действия Habeas Corpus Act в Англии администрация получала законную возможность задерживать лиц, неблагонадежных в политическом отношении в течение всего того времени, пока длится приостановка. За период с 1689 по 1818 г. приостановка Habeas Corpus Act практиковалась всего 22 раза, причем последние десять случаев приостановки продолжались в среднем по 6–7 месяцев каждая. Сводя действие исключительного положения в Англии лишь к приостановке действия Habeas Corpus Act, В.Ф. Дерюжинский приходит к «выгодным» для Англии выводам – исключительное положение в Англии не выглядит столь подавляющим и грозным, как в странах континентальной Европы.

Анализируя исключительное положение в Англии, В.М. Гессен пришел к иным выводам. Он обратил внимание на то, что приостановка действия Habeas Corpus Act является не единственной мерой исключительного законодательства в Англии. Как акты исключительного законодательства В. М. Гессен рассматривал английские акты 1795 г., 1817 г. и 1819 г., упразднявшие свободу собраний, вводившие необходимость получения согласия мировых судей на устройство политических митингов, предоставлявшие мировым судьям право прекращать всякое собрание, «возбуждающее ненависть или презрение к особе его величества, к законному правительству или к конституции британского королевства»[1].

Несмотря на то, что приостановку Habeas Corpus Act В.М. Гессен не считал единственной исключительной мерой в Англии, он не считал возможным отождествлять осадное положение стран континентальной Европы и исключительные меры Англии. В. М. Гессен полагал, что приостановка определенных гарантий свободы, установленных нормальным законодательством (например, приостановка Habeas Corpus Act в Англии), не может рассматриваться как введение осадного положения, поскольку введение осадного положения «является упразднением

[1] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 138.

правопорядка, вообще: ибо при нем место закона занимает произвол, место суда − вооруженная расправа»[1].

Анализируя черты исключительного законодательства стран романо-германской правовой семьи, отечественные правоведы пришли к однозначному выводу о том, что российское законодательство, регламентирующее чрезвычайное положение, соответствует романо-германской традиции[2].

Законодательству России, как и законодательству стран романо-германской правовой семьи, полагал В. М. Гессен, присущи общие черты:

1) наличие унифицированной системы определения критериев исключительных обстоятельств, наступление которых влечет за собой введение исключительного (осадного) положения;

2) наличие постоянно действующего нормативного правового акта, регулирующего исключительные полномочия власти на случай наступления исключительных обстоятельств;

3) определенность средств «борьбы» с чрезвычайными обстоятельствами и закрепление их в законодательстве, а не поиск таковых в каждом конкретном случае.

Различным образом в континентальном законодательстве решался лишь вопрос о том, какая власть – законодательная или исполнительная – уполномочена объявить исключительное (осадное) положение или ввести в действие исключительный закон. Так, действующее в 1848 г. во Франции законодательство закрепляло правило, в соответствии с которым осадное положение могло быть объявлено только парламентским законом, в случае перерыва сессии парламента – президентом Республики с учетом мнения органа исполнительной власти – Совета Министров. В случае роспуска палаты депутатов до завершения выборной операции, осадное положение не может быть − хотя бы и временно − объявлено президентом Республики; и только в случае войны с иностранной державой президент, опираясь на мнение Совета Министров, может объявить осадное положение на территории, которой угрожает неприятель, при условии созыва избирательных коллегий и затем палат в максимально кратчай-

[1] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 141.

[2] Биюшкина Н. И. Идеология, государство и право в охранительной политике Российского государства во второй половине XIX в. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 162.

шие сроки. Если палаты распущены, то никакие осложнения внутреннего характера (даже вооруженное восстание) не дают президенту Республики права объявить своей властью осадное положение[1]. Осадное положение по французскому законодательству могло быть объявлено только в случаях неминуемой опасности, исходившей от войны или вооруженного восстания[2]. Такое положение, по мнению Н. Н. Белявского, свидетельствует о стремлении законодателя оградить индивидуальную свободу от возможных на нее посягательств со стороны административной власти.

В Германии осадное (исключительное) положение во всей Империи или какой-либо ее части объявлялось властью германского императора[3]. Германское осадное положение было предусмотрено законом «Против опасных стремлений социал-демократов» 1878 г. и включало в себя частичное ограничение прав и свобод германских подданных: ограничивалась свобода собраний (любые собрания могли проводиться лишь при получении предварительного разрешения полиции); усиливалась цензура (выпуск печатных произведений ставился под контроль полиции); лица, признанные опасными для общественного спокойствия и государственной безопасности подлежали высылке из местности, на которой было объявлено осадное положение; усиливалась регламентация порядка ношения и хранения оружия[4]. Содержание осадного положения в Германии было таким же, как и во Франции: исполнительная власть после объявления осадного положения переходила к военным властям; распоряжения последних становились обязательными для гражданских должностных лиц и для органов самоуправления; статьи конституции, гарантирующие неприкосновенность личности, жилища и переписки, свободу печати и право собраний, могли быть приостановлены распоряжением военных властей; преступные деяния против государственного строя и общественной безопасности (государ-

[1] Белявский Н. Н. Полицейское право (административное право). С. 92–96.
[2] Там же. С. 93.
[3] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 74.
[4] Белявский Н. Н. Полицейское право (административное право). С. 92.

ственная измена, восстание, сопротивление власти, бунт и т. п.) могли быть переданы для рассмотрения военному суду[1].

В России право объявления исключительного положения принадлежало исполнительной власти: министр внутренних дел имел право объявить исключительное положение, незамедлительно уведомив об этом Правительствующий сенат и предоставив обоснования необходимости данной меры Комитету Министров. Содержание исключительного положения в России было сходным с содержанием подобного положения в странах Западной Европы (Франции, Германии): ограничивались гражданские свободы граждан и расширялись дискретные полномочия административной власти.

По мнению отечественных государствоведов, по самому своему существу, чрезвычайные полномочия власти должны иметь не общий, а конкретный характер. Предметом исключительного положения должно являться не упразднение гражданской свободы вообще, а ограничение ее отдельных проявлений в тех случаях, когда это необходимо для охраны общественного спокойствия и государственного порядка. Полицейский характер чрезвычайных полномочий, предоставляемых власти исключительным положением, заключается именно в приостановке гарантий гражданских свобод (предварительное задержание, в течение более или менее продолжительного срока; воспрещение политических собраний; административная высылка; изъятие из обращения произведений печати, − эти и им подобные меры, поскольку они применяются для охраны государственного и общественного порядка, всегда и везде, в той или иной комбинации, свойственны исключительному положению[2]). Подобные ограничения Н. Н. Белявский относил к предупредительным полномочиям власти в условиях исключительного положения.

В. М. Гессен подчеркивал, что при введении исключительного положения правительственной власти должна быть предоставлена возможность закрытия определенного публичного собрания, изъятия из обращения определенного произведения печати, высылки лиц, признаваемых опасными для общественного и

[1] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 83.

[2] Белявский Н. Н. Полицейское право (административное право). С. 104.

государственного порядка; но подчинение вообще всех собраний концессионному режиму или восстановление предварительной цензуры вообще − далеко выходит за рамки прямой и непосредственной цели исключительного положения[1].

В. М. Гессен обратил внимание на то, что в России, наряду с предупредительными полномочиями власти, в состав исключительного положения входят и полномочия репрессивного характера, такие как замена юрисдикции общих судов военной юрисдикцией (что знакомо не всем государствам: Англия, Голландия, Австрия не прибегали к подобным мерам)[2]. В. М. Гессен подчеркивал, что чрезвычайные полномочия репрессивного характера не должны иметь место в системе исключительного законодательства, поскольку квалифицированная репрессия не может быть оправдана состоянием крайней необходимости, которым оправдывается исключительное положение, так как преследование лиц за преступления, уже совершенные, не может найти себе оправдания в состоянии крайней необходимости, поскольку, когда действие уже совершено, коллизия прав исчезает, и вместе с коллизией прав прекращается состояние необходимости[3]. В.М. Гессен относил военные суды к орудию чрезвычайной репрессии, полагая, что военный характер репрессии подчеркивал в ней элемент силы, убивая тем самым элемент права.

Таким образом, российские государствоведы конца XIX – начала XX в. в качестве специального предмета своего исследования рассматривали режим исключительного положения. Выбор чрезвычайного правового режима для осмысления и оценки был не случаен: чрезвычайный правовой режим, введенный в Российской империи в конце XIX в. с целью сохранения государственного строя и обеспечения государственной и общественной безопасности на короткое время, просуществовал фактически до крушения монархии. Такой режим в российской правовой теории получил наименование исключительного и был оценен законодателем и учеными как средство обеспечения внутренней безопасности. К числу подвергнутых анализу проблем были отнесены: сущность исключительного положения и основания его введения;

[1] Гессен В. М. Исключительное положение. С. 97.
[2] Там же.
[3] Там же.

состав субъектов, обеспечивающих исключительное положение, и виды исключительного положения; охарактеризованы основные направления деятельности государственных органов в целом и полиции в частности в условиях исключительного положения; оценены темпоральные характеристики исключительного положения, реализованного в России в конце XIX – начале XX в. Российские государствоведы внесли важный вклад в создание теории чрезвычайных режимов, развитие которой продолжается и в современной юридической науке.

Кравец Иван Алексеевич,
аспирант Кубанского государственного
аграрного университета

ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННОГО ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–-1905 ГГ.)

Воздухоплавательная часть Военного министерства, структурно оформленная к концу XIX в., в начале XX в. продолжала развиваться и совершенствоваться. Помимо технической стороны прогресса военного воздухоплавания начала XX в., важнейшим достижением предшествующего периода является создание квалифицированных кадров военного воздухоплавания. За 10 лет (1894–1904) через все воздухоплавательные подразделения прошло 2085 рядовых, из них на службе находилось 1267 человек, уволено в запас 818. В 1903 г. окончили курс в Учебном парке 14 офицеров[1]. Следует отметить и проникновение военного воздухоплавания в морскую сферу. Летом 1903 г. по инициативе Главного морского штаба в Камышовой бухте Севастополя был создан временный воздухоплавательный парк Морского ведомства под началом лейтенанта М.Н. Большева. К задачам парка относились подготовка личного состава морских воздухоплавателей и испытание технических средств морского базирования. Уже в 1904 г. был осуществлен первый выпуск нижних чинов-

[1] Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в СССР. М.,1989. – С. 87.

воздухоплавателей, назначенных служить на воздухоплавательный крейсер «Русь»[1]. Указанные факторы свидетельствовали о возрастающем понимании властями немаловажной роли воздухоплавательной части в структуре Военного и Морского министерств. Однако недальновидность и некомпетентность начальника Главного инженерного управления генерал-лейтенанта А.П. Вернандера накануне и на начальном этапе русско-японской войны (1904–1905) создало критическую ситуацию. Еще в декабре 1901 г. он, после визита в Порт-Артур на предмет изыскания возможности учреждения там крепостного воздухоплавательного отделения, доложил военному министру генералу от инфантерии А.Н. Куропаткину, что «от крепостного воздухоплавательного отделения в этом пункте трудно ожидать действительной пользы», с чем военный министр «изволил согласиться»[2]. Позднее, в 1906 г., А.Н. Куропаткин отмечал, что накануне русско-японской войны Военное министерства экономно расходовало средства на «удовлетворение потребностей первостепенной важности», поэтому развитие воздухоплавательной части, «хотя и продвигалось вперед, но не с желательной быстротой»[3]. Между тем, японская армия использовала под Порт-Артуром воздушный шар для наблюдения, а позднее запускала аэростаты с военных кораблей для осуществления разведки за продвижением 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З.П. Рождественского в Цусимском проливе.

Поразительно, но только спустя два месяца после начала войны Военным министерством стали экстренно приниматься меры к формированию и отправке на театр военных действий воздухоплавательных подразделений. Так, 22 марта 1904 г. принимается решение о создании Сибирской воздухоплавательной роты, подчиненной инспектору инженеров Маньчжурской армии[4], в штат которой вошли: командир роты (штаб-офицер); старший офицер, он же заведующий хозяйством (капитан);

---

[1] Воздухоплаватель. – 1905. – № 4. – С. 76.

[2] Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. : Сборник документов и материалов. М.,1956. – С. 704.

[3] Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. – СПб., 2003. – С. 111.

[4] О сформировании Сибирской воздухоплавательной роты. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром 22 марта 1904 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – № 24263.

младшие офицеры – 3; нижние чины строевые: фельдфебель; каптенармусы – 2; унтер-офицеры: старшие – 4, младшие – 5; ефрейторы – 10; рядовые – 95; ездовые на лебедку – 3; нижние чины нестроевые: писари (старший и младший); старшие медицинские фельдшеры – 2; старшие мастера – 2; машинисты – 3; мастера разных наименований – 5; обозные рядовые – 59. Рота предназначалась для наблюдательной службы с воздушных шаров и обеспечивалась соответствующим инженерным имуществом[1]. К 2 мая 1904 г. Сибирская рота была сформирована из числа, главным образом, офицеров и нижних чинов крепостного воздухоплавательного отделения Варшавского укрепрайона и снабжена имуществом «крепостного типа»[2], а 15 мая была отправлена по железной дороге на Дальний Восток. 26 июня Сибирская рота прибыла в Лаоян и 14 июля 1904 г. у деревни Гудзяцзы осуществила применение аэростата в боевых условиях – впервые в истории военного воздухоплавания России[3]. Примечательно, что аэростат пилотировал командир Сибирской воздухоплавательной роты капитан К.М. Боресков, а воздушную разведку японских позиций осуществлял лично командир 10-го армейского корпуса генерал-лейтенант К.К. Случевский, который воочию смог убедиться в преимуществах привязного аэростата для рекогносцировки местности[4]. Как отмечал поручик Александров, в августе–сентябре рота принимала самое активное участие в военных действиях, аэростаты неоднократно обстреливались японской артиллерией. За мужество, проявленное во время боев при железнодорожной станции Шахэ с 25 сентября по 5 октября 1904 г., первыми Георгиевскими кавалерами стали фельдфебель Иван Денисов, старший унтер-офицер Павел Дмитриев и машинист при лебедке, нестроевой старшего разряда Сергей Никольский[5] – первые в воздухоплавательной части военного ведомства.

---

[1] ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – Отд. 2. Штаты и табели. – к № 24263.

[2] Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. – СПб., 1904. – С. 243.

[3] Кибовский А., Степанов А., Цыпленков К. Униформа российского военного воздушного флота. В 3 т. Т.1 (1890-1935). М., 2004. – С.28.

[4] Дузь П.Д. Указ. соч. – С. 139.

[5] Александров. Сибирская воздухоплавательная рота // Разведчик. – 1905. – № 744. – С. 64.

Положительные результаты деятельности Сибирской роты способствовали дальнейшему привлечению воздухоплавательной части на театре военных действий. После доклада военного министра генерал-лейтенанта В.В. Сахарова императору Николаю II об усилении воздухоплавательной части на Дальнем Востоке, 26 июня 1904 г. последовало распоряжение об организации Восточно-Сибирского полевого батальона и передаче его в ведение Наместника императора на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева[1]. В штат батальона вошли: командир (полковник); помощник командира (подполковник); заведующий хозяйством (подполковник); ротные командиры (капитаны) – 2; адъютант; казначей, он же квартирмистр и заведующий оружием; младшие офицеры – 4; врач старший; делопроизводитель по хозяйственной части; нижние чины строевые: фельдфебели – 2; каптенармусы – 4; унтер-офицеры: старшие – 9, младшие – 32; барабанщики ротные – 4; горнист батальонный; ефрейторы – 32; рядовые – 256; нижние чины нестроевые: писари: батальонный, старшие – 2, младшие – 2; медицинские фельдшеры: старший, младший, ротные – 2; ветеринарные фельдшеры: старший, младшие – 2; надзиратель больных; лазаретные служители – 2; оружейный мастер; мастеровые – 17; машинисты – 2; обозные рядовые – 243[2]. Командиром Восточно-Сибирского полевого батальона был назначен руководитель Учебного воздухоплавательного парка полковник А.М. Кованько, кандидатуру которого одобрил лично знавший его император. Батальон был оснащен техническими средствами, предназначенными для действий в полевых условиях[3].

Практика деятельности воздухоплавателей на театре военных действий (ранее отсутствовавшая), позволила внести организационно-структурные коррективы. Осенью 1904 г. Сибирская воздухоплавательная рота была развернута в полевой воздухоплавательный батальон, в соответствии со штатом и табелем Восточно-

[1] О сформировании Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром 26 июня 1904 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – № 24888.

[2] ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – Отд. 2. – Штаты и табели. – к № 24888.

[3] Лашков А.Ю., Лозыченко Ю.М. Зарождение военного воздухоплавания в России// Военно-исторический журнал.- 2002. - № 8. – С. 43.

Сибирского батальона. При этом оба подразделения были переименованы: бывшая рота – во 2-й Восточно-Сибирского полевой батальон, а существовавший батальон – в 1-й Восточно-Сибирский полевой батальон. Вновь образованный 2-й батальон был передан в ведение инспектора инженеров 2-й Маньчжурской армии[1]. В формировании как штатов новых батальонов, так и приданным им технических средств обеспечения полетов, огромную роль сыграл Учебный воздухоплавательный парк, который пополнил личный состав подразделений 4 офицерами и 55 нижними чинами, а также обеспечил аэростатами, «газодобывательными» аппаратами, конными лебедками и проч. Кроме того, он и в военное время продолжал процесс подготовки специалистов – военных воздухоплавателей[2].

В 1905 г. продолжилась практика усиления воздухоплавательной части на Дальнем Востоке: 25 января было принято решение об учреждении во Владивостоке крепостной воздухоплавательной роты, с предоставлением ее командиру прав и обязанностей командира отдельного батальона[3]. В сравнении с уже имеющимися крепостными отделениями, штат Владивостокской роты был значительно усилен по обстоятельствам военного времени: командир роты (штаб-офицер); старший офицер, он же заведующий хозяйством (капитан); начальники отдельных наблюдательных станций (капитаны) – 3; адъютант; казначей, он же квартирмистр; младшие офицеры – 6; младший врач; делопроизводитель по хозяйственной части; вольноопределяющиеся – 2; нижние чины строевые: фельдфебель; каптенармусы – 3; унтер-офицеры: старшие – 9, младшие – 22; барабанщики ротные – 2; ефрейторы – 30; рядовые – 244; нижние чины нестроевые: писари: старшие – 2, младшие – 2; медицинские фельдшеры: старший, младший, ротные – 6; старший оружейный подмастерье; масте-

[1] О развертывании Сибирской воздухоплавательной роты во 2-й Восточно-Сибирский полевой воздухоплавательный батальон. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром 11 октября 1904 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – № 25186.

[2] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1904 год. Приложение 4. Отчет Главного инженерного управления. – СПб., 1906. – С. 82-83.

[3] О сформировании Владивостокской крепостной воздухоплавательной роты. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром 25 января 1905 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 25. – № 25749.

ровые – 10; машинисты – 4; обозные рядовые – 50. Рота была оснащена инженерным имуществом: привязными шарами и шарами для свободных полетов, змейковыми и сигнальными аэростатами, газгольдерами, лебедками и прочим[1].

Весной того же года, по ходатайству военных властей на театре военных действий на Дальнем Востоке, осуществляется ряд организационно-структурных преобразований, связанных с оптимизацией деятельности подразделений воздухоплавателей. Было принято решение о формировании 3-го Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона для 3-й Маньчжурской армии из личного состава крепостного воздухоплавательного отделения Варшавского укрепрайона, с добавлением штатов, соответствующих 1-му и 2-му Восточно-Сибирским полевым батальонам. Взамен же крепостного отделения организовывалась крепостная воздухоплавательная рота Варшавского укрепрайона по штату Владивостокской роты и с имуществом «крепостного типа»[2]. Таким образом, уже три полевых воздухоплавательных батальона были созданы и укомплектованы необходимым техническим имуществом в период русско-японской войны.

Поскольку применения воздухоплавательных полевых батальонов в условиях боевых действий было делом новым, в июне 1905 г., хотя и несколько с опозданием, Главное инженерное управление выработало «Инструкцию для пользования воздухоплавательными частями в полевых войсках», которая предусматривала как «правила для наиболее успешной работы воздушных шаров, так и особенности условия для правильного применения воздухоплавания для рекогносцировок и вообще для решения всяких вопросов, при которых работа воздушного шара может принести наибольшую пользу». Основополагающей частью Инструкции являлся 3-й раздел «Тактические свойства полевой воздухоплавательной части», где регламентировались вопросы применения аэростатов, их месте в походном и боевом порядке, скорости движения и т.п. В 4-м разделе «Производство рекогносцировок с аэростата» раскрывались задачи штаба отряда, к которо-

[1] ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 25. – Отд. 2. – Штаты и табели. – к № 25749.

[2] О сформировании 3-го Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона и крепостной воздухоплавательной роты Варшавского укрепленного района. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром 1 апреля 1905 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 25. – № 26044.

му придано воздухоплавательное подразделение, по постановке задач для наблюдений, механизму подбора наблюдателей и их ориентированию, выбору места и времени для подъемов, посылке донесений[1].

Опыт успешного применения полевых воздухоплавательных батальонов в русско-японской войне привел к тому, что по ее завершении Главное инженерное управление спланировало в 1906 г. «соображения» о дальнейшем масштабном увеличении воздухоплавательных подразделений. Предусматривалось создание 10 полевых воздухоплавательных батальонов, формирование 13 новых крепостных рот и развертывание в роты уже имеющихся 6 крепостных отделений, передачу в подразделения 10 управляемых аэростатов, а также расширение штата Учебного воздухоплавательного парка[2], в том числе и переменного состава обучающихся офицеров.

Кравец Сергей Алексеевич,
аспирант Кубанского государственного
аграрного университета

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВОРОССИЙСКОЙ МИЛИЦИИ (ИЮНЬ-АВГУСТ 1918 ГОДА)

Временное правительство с марта по октябрь 1917 г. было основным субъектом правотворчества в масштабах всей страны. Ситуация коренным образом изменилась после Октябрьской революции 1917 г.[3]. Формирование основ нового права после октября 1917 г. началось с издания первых декретов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[4]. Данный съезд провозгласил образование Советского

[1] Инструкция для пользования воздухоплавательными частями в полевых войсках. 1905 г. / Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. – С. 835-838.

[2] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 год. Приложение 4. Отчет Главного инженерного управления. – СПб., 1908. – С. 39-47.

[3] Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000. – С.12.

[4] Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. История уголовного процесса России. Учебное пособие. Краснодар, 2001. – С. 65.

государства и ликвидацию Временного правительства и его местных органов. Уже 28 октября постановлением НКВД была учреждена рабочая милиция, находившаяся «всецело и исключительно» в ведении Совета, причем военные и гражданские власти были обязаны содействовать ее вооружению и снабжению «техническими силами» вплоть до снабжения ее «казенным оружием»[1].

В Новороссийске, центре Черноморской губернии, советская власть была установлена 1 декабря 1917 г., но Городская Дума и Городская управа продолжали функционировать вплоть до 13 марта 1918 г., когда последняя поставила в известность исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Новороссийска о сложении с себя своих полномочий. В связи с этим, городская милиция перешла в ведение исполкома Новороссийского Совета[2]. В конце февраля 1918 г. на III Съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Черноморской губернии, проходившем в Туапсе, было принято решение о преобразовании губернии в Черноморскую Советскую республику как составную часть РСФСР, а в начале апреля II областной Съезд Советов в Екатеринодаре провозгласил образование Кубанской Советской республики. В середине мая на III объединенном Съезде Советов Кубани и Черноморья была провозглашена Кубано-Черноморская Советская республика[3]. В связи с этим, 28 мая 1918 г. исполком Черноморской Советской республики был упразднен и образован исполком Кубано-Черноморской Советской республики[4].

Во главе органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в Черноморье стоял комиссар милиции Новороссийского окружного Совета рабочих, солдатских и крестьянских

---

[1] О рабочей милиции. Постановление НКВД от 28 октября 1917 г. / Декреты и декларации 2-го Всероссийского Съезда Советов раб., солд. и крест.деп. и Совета Народных Комиссаров. Сборник первый (за Октябрь, Ноябрь и по 12 Декабря 1917 года). – Пг., 1917. – С. 31.

[2] Пономарев В.В. Государственно-правовая политика Российской империи по охране общественного порядка в Черноморской губернии XIX – начала XX века (историко-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – С. 20-21.

[3] История Кубани / Под общ.ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. – Краснодар, 2005. – С. 189-190.

[4] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.

депутатов (с 6 июня 1918 г. И.П. Филипенко[1]), в ведении которого находились окружная, городская, судебно-уголовная и врачебно-санитарная милиции, адресный стол и Новороссийская тюрьма[2]. В свою очередь, он подчинялся комиссару внутренних дел Черноморья, входившему в Совет Комиссаров[3].

В штате Новороссийской окружной милиции состояли: комиссар, секретарь, регистратор, машинистка, милиционеры при Управлении – 2, комиссар курорта Кабардинка, милиционеры: в с. Кабардинка – 2, пос. Мефодьевское – 3, в селах Пшада, Береговое, Прасковеевка, Адербиевка, Варваровка, Васильевка, Кириловка, Борисовка, Цемесской долине, Владимировке и Федотовке – по 1[4]. В Новороссийскую городскую милицию входили: начальник, его помощник, комиссары участков – 2, их помощники – 2, секретарь, столоначальник, делопроизводители участков – 2, регистраторы – 3, писцы – 3, старшие и младшие милиционеры. Судебно-уголовная милиция Новороссийска состояла из начальника, его помощника, делопроизводителя, регистратора, писца, агентов (оперативных сотрудников уголовного розыска) – 12, шофера, его помощника, дрессировщиков собак – 3, их помощника[5]. Во врачебно-санитарную милицию входили старший милиционер и младшие милиционеры – 9, а в адресный стол – начальник и делопроизводители – 6[6]. К этому добавим, что врачебно-санитарная милиция, в связи с эпидемией холеры, систематически оказывала необходимую помощь базарному комиссару-Новороссийска, «не успевающему следить за санитарным состоянием базаров»[7]. Помимо милиции, в Новороссийске была организована Судебно-следственная комиссия в ведении Совета Комиссаров, члены которой по его указанию было вооружены[8].

В этот период Черноморское побережье и в особенности Новороссийский округ были оккупированы бандами «политического и уголовного характера», совершавшими грабежи и разбои,

[1] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 2.
[2] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 48.
[3] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 14.
[4] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20, 28.
[5] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20, 24-24об.
[6] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 35об., 38.
[7] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 37.
[8] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 34.

терроризировавшими местное население. Комиссар окружной милиции лично организовывал оперативные мероприятия по пресечению их деятельности и призывал всех милиционеров «приложить к тому все свои силы и знания»[1]. Кроме того, он циркулярно распорядился все донесения о происшествиях направлять непосредственно ему, а не в Революционный трибунал или другим должностным лицам, с целью уяснения в полном объеме оперативной обстановки, сложившейся в округе[2]. Помимо охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, вся милиция округа, в соответствии с приказом комиссара внутренних дел № 6 от 14 июня 1918 г., обеспечивала «выдворение» за пределы Кубано-Черноморской республики лиц, «служивших во время царизма в полиции»[3]. К компетенции милиции также была отнесена борьба с пьянством и выявление лиц, «преступно занимающихся в переживаемые тревожные дни спаиванием населения». Обнаруженные в ходе рейдов заводы по изготовлению алкогольной продукции, а также «изделия», предписывалось опечатывать, а их владельцев и лиц, замеченных в распространении каких бы то ни было спиртных напитков, надлежало задерживать и привлекать к ответственности «перед Народным Судом»[4]. Наконец, комиссар окружной милиции требовал от подчиненных выявлять на местах «агентов контрреволюции», распространяющих заведомо ложные провокационные сведения, которых, «независимо отих общественного и служебного положения», доставлять для предания суду «как врагов и изменников Революции»[5].

В сфере охраны общественного порядка в Новороссийске городской милиции оказывало содействие общественно-национальное формирование «Союз евреев-воинов», образованное в конце июня 1918 г. «для борьбы со всякими хулиганскими выпадами». В его состав входило 113 человек, во главе с председателем, а на вооружении имелись 92 винтовки, зарегистрированные в Комиссариате внутренних дел[6]. На счету «Союза» были

[1] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 23.
[2] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 4.
[3] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 4.
[4] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 27.
[5] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 35-35об.
[6] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 30-32.

реально пресеченные правонарушения и преступления, однако имели место и казусы. Так, 8 августа 1918 г. около 4 час.утра патрульный наряд «Союза евреев-воинов», во главе с патрульным начальником М. Шверцем, задержал служащего Продовольственной Управы Новороссийска П. Харашожокова, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, который кричал: «Да здравствует контрреволюция!» Доставленный в милицию он, «по выяснению личности, был отпущен и конфликт был улажен»[1].

Следует отметить и тот факт, что Советом Комиссаров был организован Конный отряд (своеобразный отряд быстрого реагирования), находившийся в ведении коменданта Новороссийска, который оказывал содействие милиции в рейдах по охране общественного порядка и при чрезвычайных происшествиях как орган «городской самоохраны». Поэтому, при поступлении ходатайств от общественных организаций, например, от домового комитета «Стандарт» (район Новороссийска), «об охране города Летучим отрядом», организованным им, Совет Комиссаров отказывал, ссылаясь на наличие уже существующего Конного отряда, и не находил нужным «создавать другие отряды»[2]. Между тем, дисциплина в Конном отряде оставляла желать лучшего. Так, в ночь на 6 июня 1918 г., в ходе производства обыска в одном из домовладений городского района «Станичка», члены отряда выпили около одного ведра изъятого при обыске вина и лишь «четверть» доставили в Комиссию по борьбе с пьянством. В этой связи, Новороссийский окружной Совет настаивал на привлечении виновных к ответственности. «В виду бывших недоразумений с обысками лицами из городской самоохраны», комендант Новороссийска ходатайствовал перед комиссаром внутренних дел о срочной разработке для них инструкции для производства обыска, однако был поставлен в известность, что Конному отряду «не дано никаких прав производить обыски»[3].

Имели место нарушения законности и со стороны сотрудников судебно-уголовной милиции. Так, в середине июля 1918 г. комиссар юстиции Новороссийского округа посетил местную

[1] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 104-105.
[2] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 61.
[3] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 15, 140, 141.

тюрьму, где выяснил, что арестованные лица, перед доставкой их в тюрьму, подвергались избиениям со стороны оперативных сотрудников, о чем было доложено комиссару окружной милиции. В своем приказе № 67 от 16 июля комиссар милиции сделал вывод, что «в среде служащих Народной милиции немало найдется товарищей, которые по ошибке заняли в ней место», и категорически потребовал от милиционеров «привсякого рода допросах и арестах проявлять особое вежливое отношение к личности»[1].

Между тем, летом 1918 г. по городу прокатилась волна преступлений, связанных с мошенничеством путем обмана. Так, 19 июня около двух часов ночи в кв. № 2 по ул. Садовой, 9 группой лиц, «на основании именных мандатов», был произведен обыск, которым руководило лицо, назвавшееся начальником контрразведки[2]. Позднее выяснилось, что указанное должностное лицо к данному делу никакого отношения не имело. 27 июня в дневное время в пивную лавку по Лазаревской ул., № 1, принадлежащую Филиппу Гогвадзе, зашли двое неизвестных и, представившись комиссаром милиции и помощником коменданта Новороссийска, стали производить «самочинный обыск». Подоспевшие сотрудники судебно-уголовной милиции задержали обоих и выяснили, что они являлись красноармейцами команды, обеспечивающей охрану Главного штаба Революционных войск Кубано-Черноморской республики[3]. 2 августа около 20 часов в пос. Подрез пятеро неизвестных, предъявив мандат «на право обыска с целью обнаружения фальшивых денег», провели обыск в доме К.А. Василенко, в ходе которого завладели деньгами в сумме 1100 руб. и скрылись[4]. Сыщики уголовного розыска активно противоборствовали разрастающейся в Новороссийске уголовной преступности, которая, в свою очередь, активно сопротивлялась. В полдень 7 июля в помещение, занимаемое судебно-уголовной милицией, неизвестный злоумышленник бросил через окно «ручную бомбу»[5]. Понимая, что для оперативного реагирования сы-

[1] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 28.
[2] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 5.
[3] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 14-14об.
[4] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 95.
[5] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 22.

щикам необходимы средства передвижения, комиссар окружной милиции приказал председателю Мефодьевского сельского исполкома «немедленно передать в распоряжение комиссара Уголовной милиции пять штук лошадей из числа приблудившихся»[1].

После двух с половиной месяцев, милиция в Черноморье перестала существовать: Советская администрация, включая органы милиции, вместе с военными частями отошли в Геленджик, а 13 августа Добровольческая армия генерала А.И. Деникина заняла Новороссийск.

Из приведенного следует, что Новороссийская милиция была организована и осуществляла в период июня – августа 1918 г. свои полномочия согласно постановлению НКВД «О рабочей милиции» от 28 октября 1917 г. В сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью ей оказывали содействия общественные формирования «городской самоохраны». Отсутствие навыков и опыта у сотрудников милиции, вышедших из рабочей и военной среды, сказывалось на эффективности деятельности милиции.

Кудрявцев Иван Владимирович,
адъюнкт кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского военного
института войск национальной гвардии
Российской Федерации

ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Войска национальной гвардии Российской Федерации в правовой системе России выступают как специальный субъект права, имея возможность вступать в правоотношения как субъект с законодательно закрепленным правовым статусом.

Понятие «субъект правоотношения» в теории права неразрывно связано с понятием «субъект права». Принято считать, что

[1] ГАКК. – Ф. Р-1364. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 38.

субъекты права – это потенциальные участники правоотношений в целом, которые могут быть носителями юридических прав и обязанностей, а субъекты правоотношений – это субъекты права, которые фактически уже вступили в конкретные правоотношения. Субъекты правоотношений (права) – это «участники правовых отношений, имеющие субъективные права и юридические обязанности»[1], это «индивиды или организации, которые на основании норм права могут быть участниками правоотношений, носителями субъективных прав и обязанностей»[2], подчеркивают исследователи теоретико-правовых проблем.

Специальный субъект права – это лицо (индивидуальное или коллективное), участие в общественных отношениях которого регулируется специальными нормами в рамках отдельных институтов отраслей права (межотраслевых институтов). В российском праве статус специальных субъектов права фиксирует отраслевое законодательство.

Войска национальной гвардии Российской Федерации стали значимым структурным элементом правоохранительной системы Российской Федерации[3], важным субъектом правоотношений в правовой системе России.

«В настоящее время в различных уголках мира на фоне международной политической напряженности довольно часто возникают массовые беспорядки и народные волнения, которые порой перерастают в вооруженные конфликты. Основную роль в урегулировании подобных ситуаций играют силовые ведомства соответствующих стран…»[4]. В Российской Федерации проблемам внутренней и внешней безопасности уделяется все больше

---

[1] Теория государства и права / Под ред. В. К. Бабаева: Учебник. 2-е, перераб. и доп. изд. М.: Юристъ, 2006. С 447.

[2] Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. 4-е., перераб. и доп. изд. М.: Юрайт, 2012. С. 416.

[3] Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н. Правоохранительная система государства: дифференциация структурно-функциональных элементов // История государства и права. 2008. № 9. С. 9–11; Нижник Н. С. Национальная безопасность как социоюридический феномен. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013.

[4] Кудрявцев И. В. Особенности специального правового статуса военнослужащих // К 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года: Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов с международным участием, 12 апреля 2018 г. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С 29.

внимания[1]. Свидетельством этого является создание принципиально нового для страны силового ведомства – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия), обусловленное прежде всего необходимостью противодействия тем «гибридным» вызовам безопасности России, которые оформились в последние десятилетия.

5 апреля 2016 г. Президент Российской Федерации принял Указ № 157 «Вопросы федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации», согласно которому внутренние войска МВД России были преобразованы в войска национальной гвардии России. В структуру Росгвардии, наряду с внутренними войсками, вошли специальные отряды быстрого реагирования и отряды мобильные особого назначения территориальных органов МВД, Центр специального назначения оперативного реагирования и авиации, а также авиационные подразделения МВД России, органы управления и подразделения МВД России, осуществляющие деятельность в сфере вневедомственной охраны, органы управления и подразделения Управления по организации лицензионно-разрешительной работы МВД России, а также ФГУП «Охрана» МВД России.

6 апреля 2016 г. Президент Российской Федерации внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты федерального конституционного закона № 1037376-6 «О внесении изменений в статью 32 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» (в связи с созданием войск национальной гвардии Российской Федерации)», федеральных законов № 1037356-6 «О

[1] Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности. Ч. 1. Новгород, 2008. с. 69–88; Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н. Правоохранительная система как субъект обеспечения безопасности личности, общества и государства // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. / Отв. редакторы В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Ч. 1. Великий Новгород, 2008. С. 246–269; Нижник Н. С. Национальная безопасность как социоюридический феномен // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский Военный институт внутренних войск МВД России, 2013. С. 150–159.

войсках национальной гвардии Российской Федерации», № 1037366-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». С вступлением указанных проектов в законную силу Росгвардия фактически получила статус полноценного министерства.

Предназначение и задачи Росгвардии в значительной степени совпадают с предназначением и задачами, которые ранее выполняли внутренние войска МВД России. Одно из основных отличий состоит в том, что при формулировании предназначения войск национальной гвардии законодатель закрепил статус данных войск в качестве «государственной военной организации». Следует отметить, что согласно ст. 10 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» статусом «государственной военной организации» обладают также Вооруженные Силы Российской Федерации. Ни один другой государственный орган, уполномоченный на выполнение определенных задач в области обороны страны, таким статусом не обладает. Это позволяет сделать вывод о том, что войска национальной гвардии Российской Федерации наряду с ее Вооруженными Силами призваны играть ключевую роль в обеспечении обороны страны и военной безопасности государства[1].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» «правовую основу деятельности войск национальной гвардии составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и ре-

[1] Калинин С. И., Корякин В. М. Войска национальной гвардии как правопреемник внутренних войск МВД России // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение». 2016. № 5(227). С. 110–115.

ализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны, и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность войск национальной гвардии»[1].

Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» определил задачи Росгвардии, в числе которых:

– участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;

– охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации;

– участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом;

– участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;

– участие в территориальной обороне Российской Федерации;

– оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации;

– федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны;

– охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам[2].

---

[1] Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 29 июля 2018 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ч. I. Ст. 4159; 2017. № 50. Ч. III. Ст. 7562; 2018. № 11. Ст. 1575. № 31. Ст. 4853.

[2] Там же.

Несмотря на то, что Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» вступил в законную силу сравнительно недавно, в его содержание уже внесены изменения, которые позволяют совершенствовать механизм существующих правоотношений. Федеральным законом от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» одна из возложенных на Росгвардию задач дополнена полномочиями по федеральному государственному контролю (надзору) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной детективной деятельности. 4 сентября 2018 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 7 марта 2018 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», согласно которому у Росгвардии появилась еще одна задача – обеспечение по решению Президента Российской Федерации безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц.

С началом создания Росгвардии общественность активно обсуждала вопросы, касающиеся целей таких преобразований. В информационном пространстве имели место предположения о том, что новая силовая структура создается для борьбы с оппозицией[1], сдерживания революционных порывов[2], подавление всевозможных народных выступлений и т. п. В связи с чем развернутое объяснение произошедших перемен СМИ предоставил первый заместитель директора Росгвардии генерал-полковник С. Меликов, выступая 3 февраля 2017 г. в Центре специального назначения сил оперативного реагирования (Москва, Строгино). Он пояснил обеспокоенным гражданам, что «на сегодняшний день Федеральная служба войск национальной гвардии не предназначена для выполнения задач по пресечению массовых беспо-

[1] Торочешникова Т. Для чего нужна Росгвардия и на что она имеет право? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /https://team29.org/knowhow/rosgvardiya (дата обращения: 10.01.2018).

[2] Обухов А. Борьба с революцией: начальник управления Росгвардии раскрыл цель ее создания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /https://www.mk.ru/politics/2016/12/16/borba-s-revolyuciey-nachalnik-upravleniya-rosgvardii-raskryl-cel-ee-sozdaniya.html (дата обращения: 17.01.2018).

рядков. Вот иногда мы с вами, даже не иногда, а зачастую, думаем: вот создана новая структура, вот она влилась в состав войск; вот они сейчас, согласно уставу, будут однозначно выходить на какие-то площади, махать во все стороны дубинками и придавливать кого-то щитами… Нет», – подчеркнул С. Меликов. «… Это не наша главная задача. Наша главная задача – это обеспечение безопасности граждан. И сегодня Федеральная служба войск национальной гвардии свою задачу видит не в том, чтобы разогнать какой-то несанкционированный митинг, а в том, чтобы не создавать тех условий, при котором массовое недовольство граждан может выйти или выплеснуться на уровень массового неповиновения». По словам С. Меликова, никто не собирается использовать водометы и другие технические средства против толпы. Цель – «пресекать на корню действия тех деструктивных сил, которые способны вывести людей и создать такой коллапс, который мы недавно видели в соседней с нами стране».

Командование Росгвардии изучило опыт беспорядков в Киеве в период «революции достоинства». «Как правило, за массами, выходящими на площадь, стоит небольшая группа людей, которые систематически или системно ведут деструктивную работу для того, чтобы спровоцировать подобные вещи», – добавил замдиректора Росгвардии. «… Локализовать эту ситуацию – да, действительно мы должны. Выявить корни – да, должны. Изъять зачинщиков и заставить их отвечать перед законом – да должны. Но никоим образом не создавать тех прецедентов, которые могут негативным образом сказать на жизни и здоровье наших граждан», – констатировал С. Меликов.

Росгвардия не собирается совершенствовать какие-либо спецсредства для разгона митингов. «Этого нет. Да, существуют определенные тактические действия, существуют определенные методики, но поверьте: все эти действия направлены на одно – отсечь агрессивную среду от групп законопослушных добропорядочных граждан», – подчеркнул С. Меликов. «Хочется ли верить в слова заместителя Золотова о том, что офицеры бывших внутренних войск не будут карательной силой, убивающей за стабильную зарплату свой народ? Конечно, да. В честь бойцов Росгвардии хочется верить точно так же, как и в то, что на нашей

земле не будет никакого Майдана и американских эмиссаров, подкармливающих лишенных рассудка людей пирожками»[1].

Увеличение дисбаланса в уровне обеспечения людей, общая кризисная ситуация, а также нестабильность правовых и политических систем не только в отдельных государствах, но и в мире в целом в настоящее время крайне негативно сказывается на реализации правового статуса личности. При реализации личностью прав и свобод, выполнении своих обязанностей очевидными становятся коллизии и противоречия, требующие разрешения.

В любом государстве власть изначально призвана быть гарантом стабильности и процветания во всех сферах деятельности общества. Она обязана принимать для этого максимум усилий. В противном случае рано или поздно неурегулированные мирным путем противоречия перерастают в социальную напряженность, несанкционированные митинги и народные волнения. При этом принимаемые властью меры ни в коем случае не должны быть направлены только лишь на их примитивное подавление. Если власть упорно не слышит свой народ, то, как показывает практика, без кровопролития обходится редко.

Самый наглядный пример – это украинский Евромайдан[2], на котором взять вышедшую из-под контроля ситуацию не смогли даже силовики. Отдельные подразделения украинской милиции, например «Беркут», которые до последнего пытались быть верными своему служебному долгу, в последующем остались «виновными» в чрезмерной жестокости по отношению к участникам протеста и, как следствие, в многочисленных ранениях и гибели некоторых из протестующих. Стоит отметить, что раненых и погибших было так же много и среди силовиков. Практически сразу после этих событий подразделения «Беркута» были расформированы.

Несмотря на то, что после этих печальных событий прошло уже несколько лет, вопросов без ответов осталось очень много.

---

[1] Капустин А. Росгвардия: вопрос без ответа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /http://rusplt.ru/policy/rosgvardiya-vopros-otveta-29162.html (дата обращения: 16.01.2018).

[2] Польских Д. Что такое «Беркут»? Что «беркутовцы» делали на Евромайдане? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /http://fb.ru/article/142310/chto-takoe-berkut-chto-berkutovtsyi-delali-na-evromaydane (дата обращения: 19.01.2018).

Кто действительно виноват в случившемся? Толпа недовольных протестующих, подразделения силовиков, зарубежные «подстрекатели», «загадочные» снайперы, ведущие прицельный огонь как по милиционерам, так и по участникам протестных акций? Хочется верить, что время все расставит на свои места и ответы найдутся. Главная причина произошедшего – в неспособности власти Украины обеспечить провозглашенные и гарантированные Конституцией Украины права и свободы человека и гражданина, сформировать развитое гражданское общество, определить главными ценностями справедливость и равенство.

Правовой статус специального субъекта права – Войск национальной гвардии Российской Федерации получил закрепление в законодательстве Российской Федерации. Специфику участия Войск национальной гвардии Российской Федерации в разнообразных правоотношениях определяют полномочия, которыми этот субъект наделен. Войска национальной гвардии Российской Федерации стали важным структурно-функциональным элементом правоохранительной системы Российской Федерации, важным субъектом правоотношений в правовой системе России.

Лавринович Кирилл Игоревич,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВОВЫМ ГОСУДАРСТВОМ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ЕГО ПРИЗНАКОВ

В разные исторические эпохи ученые предпринимали попытки определить идеальную модель социально-политического устройства общества. В основу построения этой модели легли представления об идеальном наборе добродетелей, необходимых для становления, развития и функционирования государства[1]. В истории политической и правовой мысли идея правового госу-

[1] Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2016. С. 105.

дарства всегда являлась одной из самых гуманных и перспективных государственно-правовых идей[1]. Вопросы правового государства широко обсуждаются и находят свое отражение в трудах отечественных ученых, в их выступлениях на научных собраниях[2] и сегодня, однако «к настоящему времени еще ни по одному из принципиальных аспектов этой темы не сложилось того единства взглядов, которое позволяло бы говорить о наличии в российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства»[3].

Ученые, рассматривая признаки правового государства, выделяют среди них общие (общеродовые) признаки, которые свойственны всем вида государств, а также специфические, характерные только для правового государства. И, если первая группа признаков не вызывает разногласий (правовое государство, как и иное, отличается от других видов и форм организации общества наличием аппарата публичной политической власти, обособленной территории, населения и государственного суверенитета), то единства во взглядах на то, какие именно специфические признаки отражают сущность правового государства, не сложилось.

К специфическим признакам правового государства, в первую очередь, относят демократический политический режим,

---

[1] Козлихин И. Ю. Идея правового государства: История и современность. СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1993. С. 54.

[2] См., например: Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полицейская система России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 216–227; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 228–239; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полиция России: основные этапы становления и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 220–228; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. Полиция – «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 229–238; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Становление и развитие полицейской системы имперской России // История государства и права. 2017. № 20. С. 54–60.

[3] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, 2011. С. 53.

который рассматривается как необходимое условие функционирования правового государства, а также как его характерная черта[1]. Демократический политический режим находит выражение в идеологическом плюрализме, многопартийности, наличии легальной политической оппозиции. Демократия правового государства закрепляет в качестве единственного источника власти народ, который осуществляет свою власть различными способами – непосредственно и представительно. Сфера социальных отношений правового государства подразумевает обеспечение права и свобод человека и гражданина, создание условий для достойной жизни всех без исключения членов сообщества. В экономической сфере правового государства демократический режим способствует признанию и закреплению многообразия и равенства форм собственности, многоукладности экономики[2].

Идея демократического характера правового государства находится в тесной взаимосвязи с еще одним его признаком – признаком народовластия, который отражает факт того, что именно народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в правовом государстве[3]. Согласно положениям Конституции Российской Федерации народовластие может осуществляться несколькими способами: через выборных представителей (в этом случае речь идет о представительной демократии), через выражение власти народа через референдум и свободные выборы. Существует также негосударственная форма выражения народовластия, осуществляемого территориальным сообществом на местном уровне, – самоуправление.

Одним из основных признаков правового государства выделяют верховенство права, которое рассматривается как основополагающее начало его формирования и функционирования. Концептуальные основания, закрепленные в Конституции Российской Федерации, базируются на естественно-правовом подходе к пониманию права, что позволяет говорить о том, что «прин-

---

[1] Нижник Н. С., Семенова О. В., Карчевская Н. И., Стоцкий А. П., Бялт В. С. Теория государства и права: Учебное наглядное пособие / Под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. С. 81.

[2] Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2005. С. 165.

[3] Дмитриев В. К. Правовое государство как базовый атрибут конституционного строя Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 4, 6.

цип верховенства права соединяет в себе принципы приоритета прав человека и верховенства правового закона»[1].

Согласно Основному закону российского государства содержание и применение законов, деятельность органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, судов определяются правами и свободами человека и гражданина, которые признаются, соблюдаются и защищаются государством и являются для него высшей ценностью. Подавление личного начала, частных интересов интересами власти и властвующих субъектов недопустимо. Вместе с тем, приоритет прав человека в правовом государстве не должен означать возвышение правовых ценностей над нравственными, религиозными, моральными устоями общества.

Верховенство права исходит из приоритета права по отношению ко всем неправовым социальным регуляторам. Основой принципа верховенства права является содержащаяся в Конституции система норм, которая закрепляет строгую процедуру принятия законов, регламентирует политические права граждан, правовой статус Президента Российской Федерации как гаранта Основного закона государства, прав и свобод человека и гражданина, а также полномочия парламента как высшего законодательного органа и правовые основы судебной системы. Обладая высшей юридической силой, имея в своей основе принцип приоритета прав человека, общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция Российской Федерации является, по своей сути, нормативным правовым актом, на котором должно строиться законодательство правового государства. По мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, «вместе с естественным правом, получившим выражение в общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституция образует фундамент всей правовой системы. Она призвана создавать такой порядок, при котором не расходились бы закон и право»[2].

Специфическим признаком правового государства, определяющим его сущность, является принцип разделения властей, це-

[1] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. С. 54.
[2] Там же. С. 62.

лью которого является недопущение концентрации и монополизации публичной власти одним лицом, социальной группой или государственным органом. Разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную является необходимым условием и гарантией существования демократии, народовластия и верховенства права в правовом государстве. Кроме того, наличие трех ветвей власти в государстве позволяет осуществить досрочное прекращение властных полномочий должностных лиц и государственных органов в случае невыполнения ими своих служебных обязанностей, злоупотребления служебными полномочиями, совершения противоправных деяний.

Важным признаком правового государства является наличие взаимной ответственности государства и личности, построенной на представлениях о свободе и необходимости и подразумевающей негативные последствия в отношении одной из сторон, которая пренебрегла интересами другой стороны.

Формирование и функционирование правового государства неразрывно связано с развитым гражданским обществом, наличие которого является одним из его сущностных признаков. Гражданское общество как автономная и самоорганизующаяся система людей преследует свои частные интересы, которые могут не совпадают с государственными, но не должны им противоречить. Тем самым государство как бы уступает часть своих полномочий в хозяйственной и управленческой сферах гражданскому обществу. Автономность или самостоятельность, которая, в первую очередь, носит экономический характер, не говорит о раздельности гражданского общества и государства, которые должны функционировать в тесном взаимодействии в рамках партнерской модели[1].

Институты гражданского общества играют важную роль в укреплении правопорядка и обеспечении безопасности правового

[1] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. 1) Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63; 2) Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 59.

государства[1]. Участие гражданского общества в осуществлении правоохранительной функции правового государства, реализация которой предполагает гарантированную охрану прав и свобод личности, поддержание общественного порядка, обоюдное соблюдение законов гражданами и государством, является важной чертой современного правового государства[2].

Специфика реализации правоохранительной функции правовым государством находит отражение в следующем.

1. Участниками реализации правоохранительной функции правового государства являются:

– субъекты, охраняющие право (правоохранительные органы) (в Российской Федерации к таковым относят органы внутренних дел (полицию), федеральную службу войск национальной гвардии, органы прокуратуры, федеральную службу безопасности, федеральную службу охраны, таможенные органы, следственный комитет и другие органы);

– субъекты, защищающие право (в Российской Федерации к таковым относят адвокатуру, правозащитные организации граждан, нотариат);

– субъекты, участвующие в реализации правоохранительной функции, но право не охраняющие и не защищающие (в Российской Федерации к таковым относят органы правосудия и исполнения наказания)[3].

---

[1] Нижник Н. С. Самоорганизация общества в социально-политическом дискурсе российского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 сентября 2014 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг,2014. С. 15–25; Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd : Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251.

[2] Lavrinovich K. I. The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd : Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 261–267.

[3] Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н. 1) Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. СПб.: Астерион, 2008. С. 19; 2) Правоохранительная система государства: дифференциация структурно-функциональных элементов // История государства и права. 2008. № 9. С. 9–11; 3) Правоохранительная система как субъект обеспечения безопасности личности, общества и государства // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. / Отв. редакторы В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Ч. 1. Великий Новгород, 2008. С. 246–269.

2. Правоохранительная функция в правовом государстве затрагивает все сферы жизни общества и поэтому носит комплексный характер. Именно поэтому для эффективной реализации правоохранительной функции государству необходимо уделять внимание ее содержательной стороне, которая определяется взаимодействием государства и гражданского общества.

3. Методы осуществления правоохранительной функции в правовом государстве должны носить поощрительный характер, а методы принуждения должны быть минимизированы, что создаст условия для активизации гражданской инициативы.

4. Уровень развитости правового государства и гражданского общества определяется уровнем осуществления правоохранительной функции, что напрямую зависит от характера задач, которые ставит перед собой государство, в ходе ее реализации. Первостепенной задачей должно выступать недопущение нарушения прав и законных интересов граждан, их объединений и организаций, укрепление институтов гражданского общества и механизмов взаимодействия с ними.

5. Высокий уровень правовой культуры инициативной части граждан правового государства должен обеспечивать их достаточную осведомленность о правоохранительной системе, функциях конкретного государственного органа правоохраны, порядке создания, функционирования и взаимодействия с государством институтов гражданского общества.

6. Оценку реализации правоохранительной функции государством, наряду с государственным контролем, должна давать и общественность: граждане, институты гражданского общества должны принимать активное участие в формировании критериев оценки, выработке рекомендаций по повышению эффективности реализации правоохранительной функции.

Таким образом, правовое государство – государство с демократическим политическим режимом, основополагающими началами формирования и функционирования которого являются принципы разделения властей, верховенства права и взаимной ответственность государства, общества, личности, источником власти и суверенитета в котором является народ, а гарантией его нормального развития – гражданское общество и его институты, которые успешно функционируют во всех сферах жизни российского общества и участвуют в реализации функций правового государства, в том числе правоохранительной.

Матвеев Антон Владимирович,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX в. Российская империя вступила в новый период своей истории. Реформы Александра II острых общественных проблем решить в полном объеме не сумели. Все стремительнее нарастало общественно-политическое напряжение, сопровождавшееся появлением студенческих кружков и оппозиционных партий, избравших в качестве средства борьбы террор[1]. Череда покушений на императора Александра II, высокопоставленных государственных деятелей и рядовых полицейских чинов[2] подтверждала активное нарастание революционного движения в стране. Сложившаяся ситуация требовала немедленной реакции со стороны власти в виде реформ и преобразований, которые способствовали бы противостоянию росту революционных настроений в обществе и сокращению числа государственных преступлений. Тяжесть решения проблемы обеспечения внутренней безопасности ложилась на правоохранительную систему Российской империи[3].

За государственные преступления – «совокупность преступных деяний, направленных против государства, как политическо-

[1] Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917) . М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 14.

[2] Нижник Н. С. Городовой: служение Отечеству в экстремальных условиях // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017. С. 255–262.

[3] Нижник Н. С. Национальная безопасность как социоюридический феномен // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский Военный институт внутренних войск МВД России, 2013. С. 153–155.

го целого»[1] – предусматривались самые строгие наказания. В пореформенной России составы государственных преступлений и предусмотренные за их совершение наказания закреплялись в ***«Уложении о наказаниях уголовных и исправительных»***[2]. Уложение было создано с использованием накопленного опыта уголовно-правового нормотворчества; отличалось внутренней насыщенностью, логическим и последовательным изложением правовых норм. Уложение было введено в действие с 1 мая 1846 г., и представляло собой кодифицированный нормативный акт – кодекс, состоявший из 12 разделов, объединявших главы, отделения и отделы, включавших 2224 статьи, которые фиксировали около 2000 составов преступлений и предусматривали 180 видов наказаний. С момента вступления в юридическую силу Уложение претерпело некоторые изменения, связанные с экономическими, политическими и административно-судебными реформами, но именно этот нормативный правовой акт содержал большинство норм, касающихся государственных преступлений.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. государственным преступлениям посвящен III раздел[3]. В Уложении прослеживается попытка объединить все составы государственных преступлений в один раздел, однако, нормы, посвященные государственным преступлениям, содержались также в IV, V и VIII разделах Уложения. В них делались ссылки на соответствующие статьи III раздела, что приравнивало их к государственным преступлениям. Раздел III Уложения выделял различные ***преступления против государства.*** В их числе – *преступления против Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского дома.* Согласно нормам Уложения, всякий умысел или преступное действие против жизни, здоровья и чести императора, а также умысел по свержению его с престола и

---

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. IX(17): Гоа–Гравер. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1893. С. 418. – https://www.runivers.ru/bookreader/book10148/#page/437/mode/1up (дата обращения: 26.12.2017).

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XV: Законы уголовные. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии, 1857. С. 1.

[3] Там же. С. 71.

лишения власти, наказывались смертной казнью. Наказанию в виде смертной казни также подвергались пособники, подстрекатели и укрыватели[1]. Произнесение «хотя и заочно» оскорбительных слов против императора, публичные оскорбительные действия в отношении портретов, статуй, бюста или других изображений царя карались лишением всех прав состояния, телесным наказанием и наложением клейма и ссылкой на каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет. Уложение закрепляло обязанность доноса, устанавливая наказание в виде смертной казни для лиц, обладавших информацией о государственном преступлении, но не донесших об этом властям[2].

К государственным преступлениям относились *бунт против власти верховной и государственная измена.* Статья 283 Уложения определяет бунт против власти верховной как «восстание скопом и заговором против государя и государства»[3], за совершение которого предусматривалось наказание в виде смертной казни. В отношении лиц, не донесших о готовящемся бунте, также предусматривалось наказание в виде смертной казни.

Уложение содержало важное для того времени нововведение – устанавливалось равное наказание за письменную и устную (публичную) антиправительственную пропаганду, содержавшую призыв к бунту. При осуждении за указанные деяния Уложение обязывало предусматривать следующее: отличать сочинения или изображения, имевшие прямой целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной, от сочинений и речей, которые «хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против верховной власти»[4] имели цель оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность ее прав, или же «дерзостно порицать установленный образ правления»[5] или порядок наследования престола; закон различал распространение таких произведений самими составителями или другими лицами; составление

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XV: Законы уголовные. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии, 1857. С. 71.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 73.

[4] Там же. С. 75.

[5] Там же.

подобных произведений (объявлений, воззваний, прокламаций, сочинений, изображений); хранение их.

В Уложении 1845 г. были обозначены преступления, которые являлись нарушениями «народного права» (*преступления против государственного суверенитета*): нападение открытой силой на жителей соседних или других иностранных государств; оскорбление иностранного посла, посланника или иного дипломатического агента[1]; зафиксированы случаи содействия неприятелю с различием этом трех видов *государственной измены*: измена военная, измена дипломатическая и измена общегражданская[2].

В Уложении 1845 г. государственные преступления не получили исчерпывающего и четкого юридического определения; установленные наказания не всегда соответствовали тяжести содеянного и степени участия отдельных лиц в совершении преступлений[3].

Раздел IV Уложения 1845 г. – «О преступлениях и проступках против порядка управления»[4] – объединял разные по значимости и опасности составы преступлений. В указанный раздел были включены деяния *против порядка управления* вообще: неповиновение власти, сопротивление распоряжениям правительства, создание противозаконных обществ, неповиновение законным постановлениям, распоряжениям и требованиям властей, самовольный захват власти и проявление к ней неуважения, а также преступления, препятствовавшие осуществлению правосудия и деятельности полиции. Уложение устанавливало ответственность за организацию и участие в тайных обществах и «запрещенных сходбищах» (ст. 360–366[5]). В статьях Уложения дается определе-

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XV: Законы уголовные. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии, 1857. С. 77-78.

[2] Там же. С. 75-76.

[3] Рогов С. Л. Государственные преступления в российском законодательстве и правоприменительной практике середины XVII – начала XX веков: Дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 81.

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XV: Законы уголовные. С. 78.

[5] Там же. С. 102–104.

ние понятия «тайные общества», фиксируются характерные параметры тайных обществ, характеризуется спектр их действий, исходя из государственной безопасности; дается классификация их по степени опасности, которую они представляют для государственного и общественного устройства страны; произведена градация самих участников тайных обществ по степени их участия и осведомленности о нем; определены четкие однозначные меры уголовного преследования для каждого участника подобного общества. Строгому наказанию подлежали не только создатели и руководители тайных обществ, «имеющих вредную для спокойствия или целостности государства, или противную установленными законами образу и порядку правления цель», но и члены таких сообществ[1].

Заложенные в этих статьях уголовно-правовые нормы, были результатом осмысления исторического опыта борьбы против политических, антигосударственных организаций, начиная от организации декабристов, но еще больше они имели опережающий характер, о чем свидетельствует опыт борьбы против нелегальных политических организаций, особенно в 1860–1870-х годах.

Преступные деяния против порядка управления, совершенные должностными лицами – чиновниками, законодатель включил в состав раздела V Уложения «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной»[2].

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. определяло меры уголовной ответственности за массовые беспорядки, требовало жестокого наказания для главных виновных в преступлениях, совершенных без предварительного сговора, для зачинщиков и подстрекателей заранее подготовленных выступлений. Уголовная ответственность была также установлена за восстание с целью воспрепятствования обнародованию актов высших органов власти (высочайших указов, манифестов, за-

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XV: Законы уголовные. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии, 1857. С. 102–104.

[2] Там же. С. 105.

конов), или недопущение исполнения этих актов, либо принуждение власти совершить какие-либо незаконные действия[1].

После судебной реформы 1864 г., в 1866 г., вышла новая редакция «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Так как процесс усовершенствования Уложения был непрерывным, то по представлениям Государственного Совета в него неоднократно вносились дополнения, например, Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 июня 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных»[2], или от 15 января 1880 г. «О дополнении статей 251 и 252 Уложения о наказаниях»[3] и т. д.

Социально-экономическое и общественно-политическое развитие России в 1860-х – начале 1880-х годов требовало, с одной стороны, ускоренного развития законотворчества для своевременного регулирования возникающих во всех сферах жизни страны и общества правоотношений, с другой стороны – усовершенствования имеющихся законодательных актов и приспособления их к реалиям времени. Этим объясняется появление в 1885 г. новой редакции «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», в которой наблюдается ужесточение уголовно-правовых норм против усиливающихся в империи государственных преступлений.

Социально-экономическое и общественно-политическое развитие России конца XIX – начала XX в. не могло не отразиться и на состоянии законодательства в Империи. «Изменившиеся под влиянием этих преобразований условия народной жизни вызвали необходимость привести в соответствие с ними уголовные

---

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XV: Законы уголовные. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии, 1857. С. 78–79.

[2] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» от 4 июня 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). Т. XLIX. Отд. 1. № 53606. С. 851–854.

[3] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении статей 251 и 252 Уложения о наказаниях» от 15 января 1880 г. // ПСЗ-2. Т. LIV. Отд. 2. № 60584. С. 366.

законы», – констатировал Николай II[1]. Именно стремление наиболее полно законодательно обезопасить существующий общественный и политический строй в Империи и институты ее власти, сурово карать выступления против власти (легальные или нелегальные, с оружием в руках или мирным путем) вызвало к жизни новое Уголовное уложение. Оно было разработано назначенной Николаем II Особой комиссией, прошло широкое обсуждение в Особом совещании при Государственном совете, затем в общем собрании его департаментов и на общем собрании Государственного Совета. После чего утверждено Николаем II 22 марта 1903 г. и направлено для опубликования в Правительствующий Сенат.

«Уголовное уложение» 1903 г. вобрало в себя основные идеи «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1885 г. При этом структура и компоновка материалов по характеру и значимости получили новую форму отражения и новое звучание. Одновременно законодатель стремился к распространению уголовно-правовых норм на более широкий спектр деяний не столько путем раздробления их по отдельным составам, сколько наиболее полной и точной квалификацией уголовно-наказуемых деяний по всему возможному спектру их возникновения и свершения.

В Уложении 1903 г. исчезла компоновка материала по разделам. По составу и смыслу уголовно-наказуемых деяний статьи сведены в главы. В окончательной редакции Уголовного уложения 1903 г. государственные преступления были описаны в двух главах: в главе третьей «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома»[2] (рассматриваются составы преступлений, которые в редакциях Уложений 1845 г. и 1885 г. излагались в двух отдельных главах); в главе четвертой «О государственной измене»[3].

---

[1] Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об утверждении Уголовного Уложения» от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗ-3). Т. XXIII. Ч. 1. № 22703. С. 175.

[2] Высочайше утвержденное Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. // ПСЗ-3. Т. XXIII. Ч. 1. № 22704. С. 191-192.

[3] Там же. С. 193-194.

Введенное в действие в 1903 г. новое «Уголовное уложение» отразило произошедшие изменения в социально-политической жизни страны, аккумулировало накопленный опыт отечественного и зарубежного судопроизводства с учетом масштабов, структуры и особенностей криминогенной обстановки на новом этапе общественно-политического развития. Подход к государственным преступлениям приобрел новизну. В «Уголовном уложении» 1903 г. к наиболее тяжким государственным преступлениям отнесены посягательства на жизнь, здоровье, неприкосновенность императора и членов императорского дома (ст. 99, 105), а также посягательства на изменение установленным законом образа правления (ст. 100). Новые законы усиливали ответственность за преступления, связанные с использованием оружия и взрывчатых веществ, а также за приготовления к этому (ст. 101, 102). Каторжными работами грозило участие в сообществе, имеющем целью ниспровержение существующего строя, за распространение противоправной литературы, за восхваление тяжких государственных преступлений[1].

«Уголовное уложение» имело существенные недостатки, которые проявились в последующий период отечественной истории и сделали его в значительной степени абстрактным и недостаточно эффективным инструментом в регулировании общественных отношений[2].

Рассматривая «Уголовное уложение» 1903 г., нельзя не отметить значительное послабление в определении наказаний за опасные посягательства антигосударственной направленности. Так, виновный в убийстве должностного лица при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей, наказывался ранее смертной казнью, теперь – каторжными работами; участие в сообществе, поставившем целью ниспровержение существующего строя, наказывалось по новому Уложению каторгой не свыше 8 лет; виновные в изготовлении или приобретении

[1] Высочайше утвержденное Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. // ПСЗ-3. Т. XXIII. Ч. 1. № 22704. С. 175-274.

[2] Кеклис А. Ю. Организационно-правовые основы деятельности Санкт-Петербургского охранного отделения по борьбе с терроризмом (историко-правовой аспект): Дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 34.

взрывных устройств для учинения тяжкого преступления подлежали наказанию в исправительном доме до 3 лет. Подобное ослабление наказаний за совершения государственных преступлений следует рассматривать как серьезную уступку законодателей давлению либеральной оппозиции, заметно подтолкнувшую развитие крайнего радикализма и экстремизма, вылившимися в разгул кровавого террора и разбоя первой российской революции, поставив под угрозу существования весь государственный строй России. Государственным органам в дальнейшем пришлось прибегнуть к усиленным чрезвычайным мерам, чтобы обуздать разгул криминала, оздоровить и стабилизировать обстановку в стране[1].

«Уголовное уложение» в полном объеме в силу не вступило, но главы о государственных преступлениях были введены в действие в 1904 г.

Таким образом, при закреплении нормативно-правовых основ борьбы с государственными преступлениями в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. учитывались реальная социально-политическая обстановка в стране и необходимость решения задач государственной и общественной безопасности. Нормативно-правовую основу борьбы с государственными преступлениями в пореформенной России составляли: «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в редакциях 1845, 1857, 1866 и 1885 гг., «Уголовное уложение» 1903 г. Исходным положением нормативно-правовой основы борьбы с государственными преступлениями при этом была квалификация государственных преступлений как тяжелейших и наиболее опасных видов деяний, которые должны преследоваться и искореняться в соответствии с действующими нормами уголовного законодательства Российской империи.

[1] Там же. С. 35.

Перлик Максим Игоревич,
адъюнкт Краснодарского университета
МВД России

ГУЛАГ В КАРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: СОЗДАНИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Несмотря на то, что период сталинских репрессий уже давно позади, эта тема по-прежнему активно обсуждается в российской историко-правовой науке. И это не случайно – дело в том, что в те годы имела место весьма противоречивая политика советского государства, при которой, с одной стороны, репрессиям подвергались десятки тысяч ни в чем неповинных людей, а с другой стороны, росло экономическое могущество СССР, что позволило Верховному Главнокомандующему Сталину привести страну к Победе над фашистской Германией. Репрессивная составляющая в истории всего советского государства в наибольшей степени была проявлена в период функционирования печально известного Главного управления лагерей и исправительно-трудовых колоний, известного своей краткой аббревиатурой ГУЛАГ. Рассмотрим более подробно наиболее важные политико-правовые характеристики этого феномена советской политико-правовой действительности 1930-х – первой половины 1950-х гг.

Прежде всего, отметим, что создание ГУЛАГА было обусловлено внутренней политикой, которая была определена еще со второй половины 1920-х гг., направленной на усиление административно-командных методов управления советским обществом и нашедшей отражение, в частности, в насильственной коллективизации на основе известного сталинского тезиса о том, что по мере строительства социализма классовая борьба будет только обостряться. Соответственно советской властью принимались меры по ужесточению мер по отношению к «контрреволюционерам», то есть к лицам, посягнувшим на советский строй. В отношении них действовали известные нормы Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.[1] об ответственности за совершение преступлений

[1] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 01.04.1934) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст.600.

против государства (ст. 58 и др.), а сами преступники помещались в специальные места лишения свободы – исправительно-трудовые лагеря (далее – ИТЛ), где условия содержания были более строгие, чем в обычных местах лишения свободы (исправительно-трудовые колонии).

Законодательное закрепление таких ИТЛ было осуществлено Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 7 апреля 1930 г. «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях»[1]. В первых же пунктах этого Положения указывалось, что ИТЛ предназначены для охраны советского общества от «особо социально-опасных» преступников, при этом ИТЛ согласно Положению должны были находиться в ведении Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), чем подчеркивалась политическая составляющая данной карательной меры. Несколько позже приказом ОГПУ (от 25 апреля 1930 г.) было создано Управление лагерями ОГПУ[2], которое в октябре того же года было переименовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей. В 1934 г., после появления общесоюзного НКВД СССР все места заключения были переданы в это ведомство, а ГУЛАГ стал одним из ведущих главков НКВД СССР, который, помимо изоляции «классово-чуждых» элементов и опасных преступников-уголовников, был превращен в источник дешевой рабочей силы, интенсивно эксплуатируемой советской властью на многочисленных стройках масштабных объектов, преимущественно в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями. В частности, В. Подогрога высказал такое мнение: «сталинская колонизация Севера, Сибири и Дальнего Востока была самоцелью государственного разума … Лагеря ГУЛАГа не создавали необходимой для освоения техно-социокультурной инфраструктуры, да она и не требовалась, ибо всякое стратифицированное пространство опасно для политического режима, приводным ремнем которого всегда был миф о продуктивности непрерывно применяемого насилия. Громадная масса переселяемых заключенных, постепенно потерявших всякую со-

[1] Положение об исправительно-трудовых лагерях» (утв. Постановлением СНК СССР 07.04.1930) // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.

[2] Приказ ОГПУ № 130/63 от 25.04. 1930 г. «Об организации управления лагерями ОГПУ» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 1. Л. 14.

циальную опору, духовно-культурную память, полчища зомби – даже они не смогли освоить эти колоссальные пространства с суровым климатом»[1]. И действительно, хотя силами заключенных был построен ряд крупных объектов, но это, во-первых, было сделано ценой тысяч жизни заключенных, нарушения их конституционных и неотчуждаемых прав[2], и, во-вторых, отнюдь не все планы были выполнены, а некоторые объекты, куда были вложены огромные средства, после ликвидации ГУЛАГа были просто брошены (печально известная так и не заработавшая «железная дорога смерти» Салехард-Игарка и др.).

Через орбиту ГУЛАГа прошли миллионы заключенных в период его функционирования. Как отмечает З.А. Астемиров, в годы ГУЛАГА «деятельность ИТУ протекала в обстановке широкого применения репрессий и сосредоточения значительного числа лиц в местах лишения свободы. Среди них было и определенное количество безвинно и несправедливо осужденных или подвергнутых репрессиям во внесудебном порядке. Вследствие этого в ряде ИТУ создавалась неблагоприятная психологическая атмосфера и отрицательная педагогическая среда, что мешало делу исправления и перевоспитания подлинных преступников»[3]. Следует заметить, что это суждение было высказано еще в 1975 г., и его можно считать особенным, учитывая, что в советский период в послесталинской литературе критики ГУЛАГа практически не было (впрочем, не было и восхваления – до периода «гласности» в годы перестройки второй половины 1980-х гг.).

И уж тем более в советское время не было публикаций о восстаниях, протестных выступлениях заключенных. Это явление получило распространение после окончания Великой Отечественной войны. Среди наиболее резонансных следует отметить следующие события такого рода: «вооруженный побег в Арзамасе в 1947 г.; пятидневная голодовка в Вахрушенском ИТЛ в 1951 г.;

---

[1] Подорога В. ГУЛАГ в уме // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8. С. 109.

[2] Смоленский М.Б., Звягольский А.Ю., Упоров И.В. Конституционное (государственное) право России. М., 2009. С. 47; Схатум Б.А., Упоров И.В. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития. Краснодар, 1998. С. 77.

[3] Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975. С. 31.

вооруженный побег в Краслаге в 1951г.; массовая голодовка в Ухтижемлаге в 1951 г. и Экибастузлаге в том же году; волнения заключенных в Озерлаге в 1952 г.; восстание заключенных в Горлаге (Норильск) в 1953 г.; восстание заключенных в Речлаге (Воркута) в 1953 г.; восстание заключенных в Степлаге (Кенгир, Джезказган) в 1954 г.; забастовка штрафного ИТЛ на Колыме в 1955 г.; восстание в Тайшетлаге в 1956 г.»[1]. Публикации на эту тему стали появляться в постсоветский период и, как нам представляется, указанные события стали характерной чертой ГУЛАГа (труды А.С. Смыкалина, О.В. Хлевнюка, Соломона П.И., Фильштинского И.М. и др.).

Следует заметить, что причины восстаний заключенных были различные. В числе наиболее значимых необходимо отметить следующие. Прежде всего, это плохие условия содержания заключенных, которые не соответствовали нормативным требованиям, на что лагерная администрация закрывала глаза, поскольку для руководства ИТЛ куда важнее было выполнить установленный производственный план, что было вполне в духе установок высших инстанций. Так, И. Солоневич в этой связи отмечал, что в ГУЛАГе «миллионы жизней и годы нечеловеческого труда были принесены в жертву не для страны, а для мировой революции»[2]. Нельзя не отметить, что в некоторых случаях претензии заключенных признавались обоснованными по итогам проверок ИТЛ контролирующими органами. Так, по итогам ликвидации восстания заключенных в Степлаге в решении коллегии МВД СССР указывалось, что лагерная администрация «не обращала должного внимания на бытовые условия содержания заключенных, необоснованно перебрасывали их из одного лагеря в другой, вопреки режимным требованиям содержали в одних жилых помещениях за общеуголовные и контрреволюционные преступления…»[3]. Другой важнейшей причиной массовых волнений заключенных ИТЛ были последствия Великой Отечественной вой-

[1] Перлик М.И. Протестные выступления заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного ГУЛАГа (1945-1956 гг.): причины и основные направления деятельности правоохранительных органов по их нейтрализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 365-369.

[2] Солоневич И. Россия в концлагере. М., 1999. С. 174.

[3] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1394. Л. 365-373.

ны. Дело в том, что во время военных действий немалая часть военнослужащих дезертировала, и, будучи разоблаченными, они попадали в ИТЛ. Туда же направлялись сознательные пособники фашистов (в том числе бандеровцы), изменники Родины, большинство которых ненавидели советскую власть, и, оказавшись в ИТЛ, они продолжали свою антисоветскую преступную деятельность, в том числе намеренно организовывали массовые побеги и убийства представителей лагерной администрации, провоцировали других заключенных на беспорядки в ИТЛ. В таких случаях к зачинщикам восстаний заключенных принимались жесткие меры государственного принуждения, предусматриваемые действующими законами[1] (приговоры к расстрелу и к длительным срокам лишения свободы).

Как видно, в ГУЛАГЕ происходили весьма противоречивые процессы. Соответственно и оценки также не имеют одного знаменателя. При этом в литературе превалируют довольно жесткие характеристики. Так, Е.Д. Воронянская отмечает следующее: «Непостижимое народное страдание, показавшее потаенную, скрытую каторжную жизнь доброй половины русского народа за полвека правления коммунистов»[2]. Согласно точке зрения А. Арсланова, находившиеся в составе ГУЛАГа лагеря и тюрьмы были созданы для того, чтобы «сломать человека, превратить его в покорное животное»[3]. Известна критика лагерной системы А.И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ».

На наш взгляд, такого рода оценки излишне эмоциональны. Не забудем, что ГУЛАГ был упразднен самой же советской властью после смерти Сталина, когда на известном XX съезде КПСС в феврале 1956 г. был осужден культ личности, то есть, государство осуществило переоценку деятельности репрессивных органов[4].

---

[1] Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21-28; Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть. Ростов-на-Дону, 2006. С. 38.

[2] Цит. по работе: Чуковская Е. «Он рассказал о пламене, в котором сгорела наша страна» // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8. С. 211.

[3] Арсланов А. Трудные вопросы Кенгира // Октябрь. 1990. № 12. С. 180.

[4] Курдюк П.М., Упоров И.В. Акопян А.В. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007. С. 38; Старков О.В, Упоров И.. Юриспруденция. М., 2005. С.43.

А уже 27 октября того же года приказом МВД СССР ГУЛАГ как структурное подразделение МВД СССР в связи с рядом негативных оценок методов его функционирования был реорганизован в обычную систему мест лишения свободы. В новой пенитенциарной системе (ГУМЗ, ГУИТУ) ставшими зловещими аббревиатуры ГУЛАГ, ИТЛ были исключены, и одновременно была устранена политическая основа функционирования этой системы – местам лишения свободы была возвращена их основная задача, а именно изоляция от общества преступников (уголовников) и осуществление с ними воспитательно-исправительной работы, что нашло отражение в новых УК РСФСР 1960 г., а затем ИТК РСФСР 1970 г. Данные обстоятельства, на наш взгляд, в недостаточной мере учитываются при оценке ГУЛАГовского прошлого. Важно при этом и то, что необходимо извлечь уроки из прошлого ГУЛАГа, и не повторять их в современной уголовно-исполнительной системе России.

Понкратова Ирина Евгеньевна,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА КОРРУПЦИИ КАК УГРОЗЫ ПРАВОПОРЯДКА

Правопорядок – реально сложившаяся на основе права система упорядоченных общественных отношений[1] – одна из характеристик государственно организованного общества.

[1] Хабриева Т. Я. Актуальные проблемы укрепления правопорядка и противодействия коррупции в условиях евразийской интеграции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4(59). С. 4.

Правопорядок и его отдельные характеристики находятся в центре внимания современных исследователей[1]. При описании и анализе правопорядка ученые акцентируют внимание на разных сторонах этого социоюридического феномена и формулируют различные определения понятия «правопорядок». Одни исследователи прежде всего подчеркивают, что состояние правопорядка характеризуется упорядоченностью общественных отношений, основанных на праве и законности. Так, Л. А. Морозова считает, что правопорядок – это основанная на праве и сложившаяся в результате осуществления принципов законности такая упорядоченность общественных отношений, которая выражается в правомерном поведении и действиях их участников[2]. А. В. Мелехин полагает, что правопорядок – это порядок в общественной жизни, который создается в результате строгого и неуклонного соблюдения норм права всеми государственными органами, общественными и хозяйственными организациями, должностными лица и гражданами и представляет собой результат действия правовых норм, их неуклонного соблюдения[3]. Другие исследователи понимают правовой порядок как объективно и субъективно обу-

[1] См., например: Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полицейская система России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 216–227; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 228–239; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полиция России: основные этапы становления и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 220–228; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. Полиция – «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 229–238; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Становление и развитие полицейской системы имперской России // История государства и права. 2017. № 20. С. 54–60.

[2] Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 337.

[3] Мелехин А. В. Теория государства и права: Учебник. М.: Маркет ДС, 2007. С. 432.

словленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях, правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права[1].

Несмотря на наличие различных определений понятия «правовой порядок», правовой порядок понимается как состояние общественных отношений, точно соответствующее требованиям правовых норм. Правопорядок может характеризовать как внутригосударственные общественные отношения, складывающиеся на основе норм национального права, так и общественные отношения в нескольких государствах (например, правопорядок европейских сообществ, складывающийся на основе норм права европейских сообществ).

Характеризуя правопорядок, О. Ф. Скакун выделила признаки правопорядка, которые свидетельствуют, что правопорядок:

– закладывается в правовых нормах в процессе правотворчества;

– опирается на принцип верховенства права и господство закона в области правовых отношений;

– устанавливается в результате реализации правовых норм, то tcnm осуществления законности в деятельности по реализации права;

– создает благоприятные условия для осуществления субъективных прав;

– предполагает своевременное и полное исполнение всеми субъектами юридических обязанностей;

– требует неотвратимости юридической ответственности для каждого, кто совершил правонарушение;

– устанавливает строгую общественную дисциплину;

– предполагает четкую и эффективную работу всех государственных и частных юридических органов и служб, прежде всего правосудия;

[1] Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 310.

– создает условия для организованности гражданского общества и режим благоприятствования индивидуальной свободе;

– обеспечивается всеми государственными мерами, вплоть до принуждения[1].

Л. А. Морозова дополняет характеристику правопорядка констатацией того, что правопорядок:

– является объективной необходимостью (любое общество нуждается в упорядочении важнейших сфер жизни);

– формируется при решающем участии государства и с помощью юридических средств;

– охватывает наиболее значимые социальные отношения, которые подвергаются регулированию нормами права;

– сердцевиной правопорядка являются человек, его интересы, стремления, жизненные потребности, получающие правовое оформление в правах, свободах, обязанностях, законных интересах[2].

А. А. Юнусов подчеркивает, что свои юридические качества и свойства правопорядок получает от законов, от тех правовых идей, принципов деятельности и институтов, которые использует государственная власть[3]. В правовом государстве, полагает М. Н. Марченко, сердцевиной правового порядка является человек, его интересы и стремления, жизненные потребности, которые во многом получают свое оформление в правах и свободах, обязанностях и ответственности гражданина, которые реализуются в отношениях между ними, а также во взаимосвязях с государством и обществом[4].

На обязательном для существования правопорядка наличии развитого правосознания настаивал И. А. Ильин. «Не всякое «веление внешнего авторитета» способно породить правовую норму; возможны произвольные веления и распоряжения, превышающие компетенцию приказывающего или же основанные на отношении грубой силы (например, противоправные распоряжения завоевателя в занятой области). Развитое правосознание умеет всегда

---

[1] Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник. Харьков: Консум, 2001. С. 358.

[2] Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник. М.: Эксмо, С. 337.

[3] Юнусов А. А. Правопорядок, общественный порядок и права человека // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 4(76) С. 40.

[4] Общая теория государства и права / Под ред. М. Н. Марченко: В 2 т. М.: Зерцало, 1998. С. 535.

разобраться в том, где начинается и где кончается право и где возникает произвол; и, решив этот вопрос, оно всегда умеет сделать надлежащие практические выводы: где надлежит признавать и повиноваться, а где надлежит противопоставить произволу и грубой силе всю мощь правоверного и до героизма последовательного непокорства. И история показывает, что такому правосознанию не раз удавалось настоять на своем и победить врага силою духовной правоты»[1]. Правда развитое правосознание, не является характерным для каждой ступени развития общества, подчеркивал И. А. Ильин.

В силу того, что правопорядок представляет собой порядок, основанный на праве, вне права или без права правопорядок немыслим. Назначение права – вносить определенный порядок во взаимоотношения между людьми[2]. Право – основная гарантия существования правопорядка, способствующая его укреплению. Для существования правопорядка и функционирования права необходимы объективные и субъективные факторы, условия, предпосылки, обеспечивающие или, по крайней мере, способствующие, укреплению правопорядка, а также специально установленные средства, меры, механизмы, призванные стимулировать и поддерживать должный правопорядок в обществе[3].

В системе мер, способствующих, укреплению правопорядка, выделяют общие и специальные гарантии[4]. К общим гарантиям относятся, как правило, объективные условия жизни общества, в которых осуществляется правовое (экономическое, политическое, идеологическое, нравственно-духовное и др.) регулирование[5]. К средствам, которые не только не создают помех существованию правопорядка, но и способствуют его благоприятному развитию, следует отнести: степень организованности в экономи-

---

[1] Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 166–167.

[2] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 201–202.

[3] Там же. С. 204.

[4] Нижник Н. С., Семенова О. В., Карчевская Н. И., Стоцкий А. П., Бялт В. С. Теория государства и права: Учебное наглядное пособие / Под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. С. 225.

[5] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 204.

ческой сфере; устойчивость экономического развития и денежной системы; низкий уровень инфляции; максимальная занятость населения; сильная государственная власть, пользующаяся поддержкой населения и обеспечивающая стабильное развитие общества; слаженно действующая культурно-просветительская, воспитательная, образовательная работа государственных и общественных организаций, СМИ[1]. Как специальные гарантии можно рассматривать состояние законодательства, в том числе его полноту, используемые средства правового регулирования; средства предупреждения, обнаружения, пресечения правонарушений; эффективность мер юридической ответственности и защиты прав и свобод личности; качественную работу правоохранительных органов, в том числе органов судебной защиты; высокий уровень контроля и надзора за реализацией нормативных правовых актов, а также за законностью деятельности государственных органов. Укреплению правопорядка способствует развитое правосознание и высокая правовая культура населения в целом.

Правопорядок как государственно-правовое явление служит стабилизации, поддержанию равновесия между интересами общества и государства. Антиподом правопорядка является произвол и беззаконие[2], установление которых обусловлено воздействием на правопорядок угроз – дестабилизирующих факторов, которые могут привести к утрате правом своего регулятивного значения.

В числе реальных угроз правопорядку современных государств является коррупция. Коррупция как социальное явление подставляет собой подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей[3]. Ядром коррупции выступает должностное злоупотребление.

В российской правовой системе понятие «коррупция» определено законодательно. Коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотреб-

---

[1] Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. соч. С. 205.

[2] Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник. С. 354.

[3] Аминов Д. И., Гладких В. И., Соловьев К. С. Коррупция как социально-правовой феномен и пути его преодоления: Учебное пособие. М.: Юрист, 2002. С. 369.

ление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами[1].

Коррупцию отличают: общественная опасность; сфера существования; предмет; субъекты; использование субъектом коррупции служебных (должностных) полномочий или положения, публичного статуса, влияния в связи с занимаемой должностью; цели и мотивы субъекта коррупции[2].

Сфера коррупции не ограничена государственным сектором. Коррупционные злоупотребления имеют место и в общественных организациях, профсоюзах, благотворительных организациях. Однако, наиболее опасный для правопорядка вид коррупции – это коррупция среди государственных служащих, обладающих организационно-распорядительными функциями при распределении бюджетных денежных средств. Усиление административного регулирования в условиях расширения и интенсификации экономических, финансовых, технических и иных связей и зависимостей в обществе придает бюрократии известную независимость, злоупотребление которой в корыстных целях служит питательной почвой для коррупционных проявлений[3].

Коррупция – явление динамическое, которое постоянно развивается и бросает новые вызовы существующему правопорядку. В современных государствах произошли качественные изменения коррупции – ее переход от рыночной к сетевой[4]. Сетевая

---

[1] Федеральный закон от 25 декабря 2008 года (в ред. от 25 декабря 2017 года) № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228; Российская газета. 2017. 31 декабря. Ст. 1.

[2] Бухарина Н. П. Понятие и признаки коррупции в международных правовых актах // Право: журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 166.

[3] Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5(125). С. 39.

[4] Доронина Н. Г. Значение противодействия коррупции для привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику // Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: Научно-практическое пособие / Под ред. Н. Г. Семилютиной, Е. И. Спектор. М.: Институт законодательства и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. С. 35.

коррупция – более закрытая и сложно организованная, что во многом осложняет работу правоохранительных органов, направленную на противодействие коррупции. Не случайно, что в настоящее время существуют обширные и устойчивые коррупционные сети, которые не просто извлекают прибыль из своей противоправной деятельности, но уже инвестируют ее в развитие самой коррупции[1].

Причинами коррупции зачастую являются: неопределенность правовых норм, закрытость или непрозрачность правоприменительных процедур, отсутствие контроля общественности за распределением и использованием бюджетных средств и внешних заимствований. В значительной степени коррупционные проявления связаны именно с распределением бюджетных денежных средств.

Современный правопорядок как система упорядоченных нормами права общественных отношений противостоит коррупции, но, заключая в себе совокупность декларированных гарантий соблюдения прав и свобод человека, в значительной степени затрудняет деятельность правоохранительных органов по выявлению фактов коррупции и доказыванию вины лиц, совершивших правонарушения. Данная ситуация обусловлена тем, что как только государство стремится к укреплению правопорядка, предоставляя субъектам общественных отношений гарантии их прав, тем чаще его органы, прежде всего правоприменительные, сталкиваются с правовыми запретами, ограничениями и процедурами, затрудняющими пресечение коррупционных проявлений и восстановление нарушенного правопорядка[2].

В современном мире противодействие коррупции традиционными средствами борьбы с преступностью неэффективно. Все чаще взятки передаются третьим лицам, не только родственникам и близким, но и посредникам, формально не связанным с взяткополучателями, при этом посредничество трансформируется в не-

---

[1] Сатаров Г. А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М.: Фонд ИНДЕМ, 2002. С. 11.

[2] Хабриева Т. Я. Актуальные проблемы укрепления правопорядка и противодействия коррупции в условиях евразийской интеграции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). С. 5.

кий отдельный профессиональный вид противоправной деятельности. При таких обстоятельствах выявлять коррупционные правонарушения и привлекать виновных в их совершении к юридической ответственности становится все более затруднительно, что во многом наносит ущерб существующему правопорядку.

С целью противодействия коррупции необходимо развитие социального контроля за распространением коррупции, последовательное встраивание в механизм противодействия этому явлению институтов гражданского общества. При этом отметим, что внедрение данных механизмов возможно при высоком уровне общественного правосознания.

Нормативно-правовая база, являющаяся средством борьбы с коррупцией, нуждается в механизмах ее применения. В настоящее время наиболее эффективная борьба с коррупцией лежит в поле оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, правопорядок представляет собой упорядоченность общественных отношений, которая выражается в правомерном поведении их участников. Правопорядок необходим для нормальной жизни современного общества, в то время как коррупция негативно влияет на правопорядок, воздействует на него как дестабилизирующий фактор. Является очевидной необходимость борьбы с данным явлением, однако для эффективной деятельности в данном направлении необходим, с одной стороны, достаточно высокий уровень общественного правосознания, с другой стороны, специфические полномочия правоприменительных органов, деятельность которых направлена на пресечение коррупционного поведения среди должностных лиц органов государственной власти.

Тарасов Никита Константинович,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

«ПРИНУЖДЕНИЕ»: ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ И СПРАВОЧНИКАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ И НЕЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Многозначность языка, средств общения зачастую ведет к путанице, неразберихе, бесплодным спорам, утверждал английский мыслитель Нового времени Ф. Бэкон[1]. Действительно, многозначность, неопределенность смысла терминов, слов, знаков, употребляемых людьми, является серьезным препятствием в постижении истины. Особенно остро данная проблема предстает в процессе научного познания, для которого объективность, обоснованность, рациональность, непротиворечивость являются базовыми принципами получения нового знания.

Юридическая наука как отраслевая общественная наука вобрала в себя понятия и термины, присущие общественным наукам в целом[2]. При этом за длительный период становления и развития сформировала свой специфический терминологический аппарат[3], который эволюционировал под воздействием социальных реформ[4] и кардинальных преобразований[5].

---

[1] Философия: учебник для студентов вузов / Под. ред. В. П. Ратникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. С. 120.

[2] Нижник Н. С. Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Науч. ред. Н. С. Нижник. СПб.: «Астерион», 2012. С. 5–15.

[3] Нижник Н. С. Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, ООО «Издательский Дом – Юг». Краснодар, 2012. С. 497–506.

[4] Нижник Н. С. Правовая ментальность эпохи социалистической революции в вербальном выражении // Культура как контекст понимания и взаимодействия государства, права, религии: Материалы Международной научно-теоретической конференции (13–14 ноября 2009 года, Санкт-Петербург). СПб., 2009.

[5] Нижник Н. С. Вербальное отражение трансформации политико-правовой системы российского государства в эпоху социалистической революции // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Четвертой международной конференции (Челябинск, 3–5 декабря 2009 г) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 300–302.

Одним из ключевых понятий в юридической науке является «принуждение». «Социальное», «правовое», «государственное», «физическое», «психическое» принуждение являются видовыми понятиями по отношению к понятию «принуждение», поэтому общая характеристика принуждения, толкование понятия «принуждение» с гносеологических позиций представляется отправной точкой в познании различных видовых обозначений принуждения. При этом следует учесть, содержание понятия «принуждение» на разных этапах исторического развития отражает изменения представлений о гарантиях прав и свобод личности, а также о возможности эти права и свободы ограничивать.

Для осмысления юридического опыта прошлых лет требуются знания о толковании понятий и терминов на различных исторических этапах.

Автором статьи были изучены словари, справочники и энциклопедии юридической и неюридической направленности, изданные во второй половине XIX – начале XX в., раскрывающие понятие «принуждение».

В имперской России второй половины XIX – начала XX в. юридические справочники, энциклопедии и словари составляли часть культурного бытия. К числу наиболее известных изданий можно отнести: «Словарь юридической, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку для употребления Императорскаго Московскаго университета в классе практической юриспруденции» Ф. Ланганса (Москва, 1788); «Словарь немецкой и французской купеческой юриспруденции» М. Пареного (Санкт-Петербург, 1829); «Юридический словарь, практический, гражданского права, преимущественно частного, т. е. об отношениях семейственных и по имуществам и договорам» Л. Н. Демиса (Санкт-Петербург, 1859); «Следственно-судебный словарь уголовным и полицейским законам для практического употребления» М. М. Новаковского (Киев, 1861); «Энциклопедия государственных наук» Р. Моля (Москва, 1868); «Краткая справочная книжка по уголовному, судебному и полицейскому праву» И.Д. Ветошкина (Одесса, 1883); «Сборник слов, вошедших в вексельное и торговое право (вексельный лексикон), объясняющий все термины вексельного и торгового права» В. П. Григорьева (Динабург, 1886); «Словарь юридических и государственных

наук» А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филипова (Санкт-Петербург, 1901); «Краткий систематический словарь юридических наук» В.В. Битнера (Санкт-Петербург, 1905); «Словарь юридических определений, составленный по курсам, принятым в С.-Петербургском университете» Н. Е. Яковлева (Санкт-Петербург, 1910); «Юридическая самопомощь» Е. Поссе (Петроград, 1916); «Юридическая энциклопедия» М. Л. Розенштейна (Петроград, 1916).

Термин «принуждение» содержится лишь в «Словаре юридических определений, составленном по курсам, принятым в С.-Петербургском университете» Н. Е. Яковлева. При этом раскрывается он в контексте уголовного и гражданского права как «принуждение к выдаче обязательств» и «психическое принуждение». *Принуждение к выдаче обязательств* определяется как вид принуждения «физическим насилием над личностью или угрозами к подписанию обязательства по имуществу, к истреблению акта по имуществу, к отречению от права по имуществу и к принятию невыгодного по имуществу условия»[1]. Под *психическим принуждением* понимается «воздействие на чужую волю страхом страдания»[2].

Таким образом, в словарях, справочниках и энциклопедиях юридической направленности, издававшихся во второй половине XIX – начале XX в., четкое определение понятия «принуждение» не сформировано.

Рассмотрим толкование понятия «принуждение» в иных словарях, справочниках и энциклопедиях этого же периода. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля понятие «принуждение» отсутствует, однако оно является производным от слова «принуждать», что означает, по мнению В.И. Даля, «принудить кого, приневолить, силовать, заставлять»[3]. Более расширенное и развернутое толкование понятия «принуждения» находим в «Философском словаре логики, психологии, этики, эстетики и истории философии» Э. Л. Радлова, в котором оно определятся как «действие, лишающее известного субъекта его свободы, а также и состояние несвободы, вызванное действи-

[1] Яковлев Н. Е. Словарь юридических определений, составленный по курсам, принятым в С.-Петербургском университете / Н. Е. Яковлев. СПб: тип. т-ва «Екатерингоф. печ. Дело». 1910. С. 20.

[2] Там же. С. 52.

[3] Даль В. И.Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Гос.изд-во иностр. и национ. словарей. 1956. С. 431.

ем»[1]. Э. Л. Радлов выделяет внешнее и внутреннее (или психическое) принуждение[2], при этом под внешним понимается такое состояние субъекта, когда он ставится в условия, при которых не может действовать свободно (например, заключение в тюрьму)[3]; внутреннее или психическое принуждение состоит в ограничении свободы выбора, когда «известное представление или группа представлений получает в сознании человека … преобладающее значение»[4].

«Малый энциклопедический словарь» рассматривает понятие «принуждение» через призму уголовного права как «основание невменения»[5], выделяет физическое и психическое (угрозой) и квалифицирует на принуждение к совершению преступного деяния, принуждение к браку или монашеству, принуждение к даче обязательства[6]. «Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат» В. Я. Железнова и М. М. Ковалевского также описывает данный термин в качестве уголовного деликта и определяет как один из видов посягательства на личную свободу[7]. *Принуждение*, по мнению составителей словаря, состоит «в воздействии на личность путем насилия или угрозы с целью заставить человека действовать вопреки его воле»[8]. Далее указывается на отсутствие в русском законодательстве общего определения принуждения, но рассматриваются некоторые его конкретные случаи со ссылками на законодательные акты (принуждение к противозаконному деянию: подчиненного – ст. 403 Уложения о наказании, супруга – ст. 1584 Уложения о наказании и т. д.)[9], а также виды и сроки наказаний при их совершении.

---

[1] Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. Э. Л. Радлова; Брокгауз-Ефрон. Библиотека самообразования. СПб.: Акц. о-во Брокгауз-Ефрон. 1904. С. 209.

[2] Там же. С. 209.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Малый энциклопедический словарь: С прил. кратких руководств по разным отраслям знания и словарей иностр. языков. Вып. IX: Лангенланд – Начертательная геометрия. СПб.: Брокгауз, Ефрон. 1901. С. 832.

[6] Там же.

[7] Энциклопедический словарь: Русского библиографического института Гранат / Под ред. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского. Т. 33: Поляновский мир – Пуазель. 1926. Стб. 474.

[8] Там же.

[9] Там же. Стб. 474–475.

«Всенаучный (энциклопедический) словарь» В. Клюшникова также рассматривает термин «принуждение» через призму юриспруденции (гражданское право): «принуждение к составлению какой-либо сделки или договора, лишает их законной силы»[1]. В аналогичном ключе трактуется термин «принуждение» в «Русском энциклопедическом словаре» И. Н. Березина: «принуждение к составлению всякой сделки и договора лишает их законной действительности: общество не может быть принуждаемо к выдаче приговора на производство питейной продажи, суд не может принуждать тяжущагося к заключению договора, и т. п.»[2]

«Настольный энциклопедический словарь» (Москва, 1901) раскрывает понятие «принуждение» как «*противозаконное* физическое или психическое (посредством угроз) воздействие на человека с целью побуждения его к совершению или несовершению какого-либо действия против его воли»[3]. Далее в словаре указывается, что совершенное под влиянием принуждения действие (в юридическом аспекте) влечет за собой ничтожность либо недействительность этого действия. Однако «принуждение должно быть при этом не простым «нравственным давлением», а должно состоять или в нанесении настоящего зла, или в устрашении будущим злом – угрозах, но таких, что есть вероятность их исполнения, то есть принуждение должно быть уголовно-наказуемым»[4]. Следует обратить внимание, что в данном словаре выделяется мысль о том, что не всякое принуждение имеет юридическое значение при совершении какого-либо действия.

«Большая энциклопедия» С. Н. Южакова рассматривает понятие «принуждение» в двух формах: как физическое насилие над личностью и в качестве психического воздействия на волю «с целью вынудить какое-либо действие»[5]. Далее с юридических по-

---

[1] Всенаучный (энциклопедический) словарь / Сост. под ред. В. Клюшникова. Ч. 2: Л – У. СПб.: Небе. 1878 (обл.1882). С. 530.

[2] Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным: Отд. 3. Т. 4: П. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза». 1876. С. 506.

[3] Настольный энциклопедический словарь. 5-е изд. с доп. до 1901 г. Т. 8: Приматы – Сутана. М.: Т-во бр. А. и. И. Гранат и К°. 1901. С. 4096.

[4] Там же.

[5] Большая энциклопедия: Словарь общедоступ. сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. 4-е изд. со стереотипа. Т. 15: Пенька – Пуль. СПб.: Просвещение. 1904. С. 629.

зиций описывается, что «во всякой своей форме принуждение отрицает ту свободу воли, которая и по римскому, и по современному праву необходима для юридического эффекта волеизъявления, а потому всякая правовая система содержит в себе положения, определяющие влияние принуждения на сделки»[1], и также как в «Настольном энциклопедическом словаре» (Москва, 1901) в общих чертах обозначаются условия, при которых принуждение влечет за собой «ничтожность вынужденного волеизъявления»[2], в том числе ничтожность либо недействительность сделки.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в., несмотря на отсутствие четкого и общего определения понятия «принуждение» в юридических справочниках, словарях, энциклопедиях, оно зафиксировано в иной справочной – неюридической – литературе. Осмысление проблем, связанных с легальным использованием государством принуждения, ввели понятия «принуждение», «государственное принуждение» в обыденный язык, научный язык и язык законодательства[3]. Понятие «принуждение» трактуется в социоюридическом контексте, при этом рассматривается в качестве неправомерного, противозаконного средства воздействия на волю и сознание человека, влекущее за собой юридические последствия в виде ничтожности либо недействительности совершенного под принуждением акта действия (в том числе бездействия).

---

[1] Большая энциклопедия: Словарь общедоступ. сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. 4-е изд. со стереотипа. Т. 15: Пенька – Пуль. СПб.: Просвещение. 1904. С. 629.

[2] Там же.

[3] Тарасов Н. К. Закрепление в законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX века представлений о сущности феномена «принуждение» // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 336–340.

Ястребова Юлиана Игоревна,
аспирант Кубанского государственного
аграрного университета

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТРОЙСТВА ЕЙСКОЙ ТАМОЖНИ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

6 марта 1848 г. император Николай I своим указом повелел: «На Азовском море, в пределах войска Черноморского, у так называемой Ейской косе, открыть порт и учредить город, который именовать: портовый город Ейск». При порте планировалось создание таможенной заставы, «дозволив ей очищать пошлиною Российские произведения, перевозимые в другие Российские и иностранные порты, а из иностранных товаров принимать только те, кои очищены пошлиною в других Российских таможнях»[1]. Ейская таможенная застава, фактически приступившая к своей деятельности в первом квартале 1850 г.[2], находилась в ведении наказного атамана Черноморского казачьего войска, «под главным начальством Наместника Кавказского», со штатом: надзиратель; канцелярский чиновник среднего разряда; писец; досмотрщики – 10; всего 13 служащих, на годовое содержание которых отводилось почти 1095 рублей[3]. Уже в первый же год своей деятельности, в ходе таможенных операций, в Ейскую таможенную заставу поступило таможенных сборов с «отвозных» товаров на сумму 1430 руб. серебром, включая пошлины[4].

Ейский порт достаточно динамично развивался. Так, в период навигации 1852 г. туда из-за границы и российских портов прибыло 164 судна, доставивших грузов на сумму более 93 тыс. руб. и вывезших товаров почти на 123 тыс. руб. Уже на следующий год за

---

[1] О открытии на Азовском море в пределах войска Черноморского портового города Ейска. Именной указ, данный Сенату 6 марта 1848 г. / Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 2. – Т. 23. – № 22058.

[2] Андреев А.О. История таможенных учреждений на Кубани с начала XIX века // Научное наследие Ф.А. Щербины: Казачество и история Кавказа. Сб. материалов XV международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.А. Харитонов. Т. 1. Ч. 1. – Краснодар, 2015. – С. 135.

[3] ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 23. – Штаты и табели. – к № 22058.

[4] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

границу и в отечественные порты было отправлено 35 тыс. четвертей[1] пшеницы, 12 тыс. четвертей льняного семени и 5 тыс. пудов шерсти. В 1858 г. из порта было вывезено сельскохозяйственных продуктов на сумму около 530 тыс. рублей[2].

В соответствии с принятым в 1857 г. «Сводом учреждений и Уставов таможенных» Ейская застава продолжала «очищать пошлиною одни Российские произведения, перевозимые в другие Российские или иностранные порты», подчиняясь наказному атаману Черноморского казачьего войска, который наделялся правами начальника таможенного округа «под главным ведением Наместника Кавказского»[3].

В рассматриваемое время на Кубани произошли существенные изменения в сфере административно-территориальных преобразований: 8 февраля 1860 г. из правого крыла Кавказской линии была образована Кубанская область[4], в состав которой вошла территория от северо-восточного берега Черного моря до верховьев реки Малки, включавшая земли Черномории, Старой Линии и Черноморское побережье, а также вновь занимаемые пространства за рекой Кубань[5]. Помимо этого, 19 ноября 1860 г. из Черноморского казачьего войска и шести бригад Кавказского линейного казачьего войска было образовано Кубанское казачье войско (ККВ). Звание наказного атамана ККВ присваивалось начальнику Кубанской области, в ведение которого передавалось заведывание Ейском, Темрюком и таможенными учреждениями на восточных берегах Азовского и Черного морей, «входившее в обязанности наказного атамана Черноморского казачьего войска», в соответствии «с правами, ему

---

[1] Четверть – русская единица измерения объема сыпучих тел; 1 четверть составляла около 210 литров.

[2] Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / Сост. Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1997. – С. 153.

[3] Таможенное Учреждение и Устав по Европейской торговле. Книга 1 / СЗРИ. Т. 6. – СПб., 1857. – С. 12.

[4] Рассказов Л.П. и др. Кубань и казачество (конец XVIII в.-1920 г.) (историко-правовое исследование: Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Ростов-на- Дону,2003.- С.46; О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанскою и Терскою областями, а все пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом. Именной указ, объявленный Сенату Министерством Юстиции 8 февраля 1860 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – № 35421.

[5] Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях / Ред.-сост. И.Ю. Бондарь. – Краснодар, 1993. – С. 120.

предоставленными вообще по гражданской части». В этой сфере начальник Кубанской области (он же наказной атаман ККВ) подчинялся Наместнику Кавказскому, который одновременно являлся и Главнокомандующим Кавказской Армией[1].

Указанные реорганизации повлекли за собой процесс оформления таможенных органов в Кубанской области. Так, 14 сентября 1860 г. «в виде опыта, до 1 января 1863 года» Наместник Кавказский преобразовал Ейскую заставу в Ейскую таможню 1-го класса 2-го разряда и утвердил ее штаты: управляющий; член таможни; секретарь, он же казначей; бухгалтер, он же выкладчик пошлин; пакгаузный надзиратель; корабельный смотритель, он же помощник пакгаузного надзирателя; переводчик; досмотрщики – 15. Итого: 22 человека[2].

Для «ближайшего надзора» за деятельностью Ейской таможни из Кавказского Наместничества, штаб-квартира которого дислоцировалась в Тифлисе, 3 ноября 1860 г. был откомандирован в Ейск, «по освобождении от занятий по Финансовому Департаменту», чиновник особых поручений коллежский советник В.А. Новицкий[3]. Его полномочия регламентировались утвержденной Наместником Кавказским, князем А.И. Барятинским «Инструкцией чиновнику, назначенному для ближнего надзора за действиями Ейской таможни в качестве таможенного ревизора». Согласно Инструкции В.А. Новицкий направлялся в распоряжение начальника Кубанской области для исполнения всех его поручений, касающихся таможенной сферы. Главной обязанностью таможенного ревизора являлось постоянное наблюдение за правомерностью операционных действий Ейской таможни, при этом он наделялся правами присутствовать при досмотре товаров, проверять учетные книги, денежные и товарные документы, наличные суммы, дела и казенное имущество таможни, а также «наблюдать за действиями каждого из служащих лиц». По результатам своих наблюдений, таможенный ревизор обязан был информировать начальника Кубанской области

[1] О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска. Именной указ, объявленный Сенату Военным Министром 19 ноября 1860 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – № 36327.

[2] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 2-4.

[3] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 9.

о мерах, «могущих служить к оживлению заграничной торговли Ейска», о сотрудниках таможни, достойных поощрения за свою работу, а также о «нерадивых или не способных к должности», с заменой их «лицами, ему известными». Таким образом, таможенный ревизор обязан был докладывать в Екатеринодар «вообще о всех предметах, к лучшему устройству Ейской таможни относящихся». В случаях, не терпящих отлагательства и относящихся к пресечению злоупотреблений или «других вредных для службы беспорядков», В.А. Новицкому делегировалось право «давать Ейской таможне предложения об исполнении законного порядка», а также приступить «в нужных случаях к производству следствия о злоупотреблениях», с докладом об этом начальнику Кубанской области. Все служащие таможни обязывались беспрекословно исполнять законные требования ревизора, «под опасением в противном случае строгой ответственности». В случаях же, когда они признавали его требования «не сообразными», таможенники были обязаны «доносить начальнику области и ожидать разрешения» конфликтной ситуации[1]. Комментируя положения указанной Инструкции можно констатировать, что она наделяла таможенного ревизора широкими полномочиями в сферах аналитико-экономической, финансовой, управленческой, делопроизводственной, инспекционной и кадровой деятельности.

По прибытии в Ейск и «обревизования» порядка делопроизводства Ейской таможни «за время бытности ея заставой»[2], В.А. Новицкий обнаружил ряд незначительных упущений в ведении делопроизводственной части, а при проверке катера, находящегося на балансе таможни, признал, что он находится в «ветхом положении». В связи с этим им было предложено «войти теперь же к начальнику Кубанской области с представлением об отпуске денег для постройки нового катера»[3]. О результатах проверки В.А. Новицкий доложил начальнику Кубанской области генерал-адъютанту Н.И. Евдокимову, который предложил «открыть действия таможни тогда, когда Вы, по местным обстоятельствам, признаете это удобным»[4].

---

[1] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 8-9.
[2] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 2.
[3] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 6-7.
[4] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3.

4 декабря 1860 г. таможенный ревизор докладывал в Екатеринодар, что фактически деятельность Ейской таможни может осуществляться только с прибытием в порт зарубежных судов, однако, «принимая в соображение, что торгующее здешнее купечество находится по разным городам и известие об учреждении здесь таможни может дойти до них не скоро, а между тем сведение об этом им необходимо до прихода еще первых кораблей», В.А. Новицкий принял решение об открытии с 1 января 1861 г. деятельности таможни. Информация об этом «для сведения всех торгующих» была «прибита к дверям» таможни[1].

1 января 1861 г. состоялось торжественное открытие Ейской таможни: «По этому случаю были приглашены в дом, занимаемый бывшей заставой, все местное Духовенство, а равно и служащие здесь и все граждане». В связи с этим мероприятием В.А. Новичкий, управляющий Ейской таможни А.Д. Триндафилов, член таможни В.В. Котовский и пакгаузный надзиратель Д.К. Триновитов составили акт. В нем, в частности, отмечалось, что «по прочтении распоряжения Кавказского Наместника об открытии Ейской таможни и по совершении собором молебствия, с провозглашением долголетия Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Николаевичу, всему Августейшему дому и всем Начальствующим в крае, окроплены святою водою все комнаты здания»[2]. Таким образом, Ейская таможня 1-го класса 2-го разряда стала первой среди таможенных учреждений вновь образованной Кубанской области, приступившей к выполнению своих функций.

В целях оптимизации системы таможенных органов 31 марта 1861 г. Наместник Кавказский утвердил «Положение об устройстве и управлении карантинно-таможенной части на Кавказе и за Кавказом»[3], вследствие чего на территории Кубанской области был учрежден Кубанский карантинно-таможенный округ (КТО), а «таможенный ревизор» В.А. Новицкий был назначен инспектором КТО при начальнике области. 5 мая 1861 г. он получил предписание начальника Кубанской области «осмотреть всю местность вновь открытого Кубанского карантинно-таможенного округа», и

[1] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4-4об.
[2] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8-9.
[3] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 20об.

представить свои «соображения об устройстве на оном карантинно-таможенных учреждений»[1].

С учетом изложенного можно констатировать, что открытие Ейского порта, а в последствие и таможни при нем, способствовало не только экономическому развитию территории Кубани после окончания Крымской войны, но и переходу к мирному строительству и налаживанию экономических торговых связей не только с другими регионами Российской империи, но и зарубежными государствами. Следует также признать, что верховная власть достаточно верно оценила потенциал и стратегически оправданное возведение Ейского порта на побережье Азовского моря.

Бобровская Александра Витальевна,
слушатель Краснодарского университета
МВД России

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВО И КАК ПРАВО, ОТНЕСЕННОЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Осознание прав человека как неких свойств, подчиняемых человеческой природе и зависящих от нее пришло не так давно – лишь в XVII-XVIII в.в.[2]

Понятие «человек» характеризует человека как представителя рода человеческого, поэтому права человека связаны с его естественной природой и неотъемлемы от индивида, они внетерриториальны и вненациональны, существуют независимо от закрепления в законодательных актах государства, вне связи их носителя с тем или иным государством[3]. Однако такие понятия как право человека и права человека являются принципиально различными. Права человека как категория рассматривается в значении субъективных прав, то есть как притязание конкретного субъекта на возможное поведение, принадлежащее конкретно

[1] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5.

[2] См.: Талянин В.В., Талянина И.А.. Теория государства и права. Учебно-методический комплекс для студентов всех форм обучения юридического факультета. – СПБ.: ИПП (Санкт-Петербург), 2013. – 199 с.

[3] См.: Рассказов Л.П.. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. – М., 2015. – 559 с. . 2015.

этому субъекту и используемое им в зависимости от его воли. В свою очередь такая категория как право человека относится к объективному праву и непосредственно существует как некое явление, практически не зависящее от воли самого субъекта.

Таким образом, суть категории «право человека» – в том, что она характеризует данное явление под углом зрения его органики, его юридической природы и правовых черт, и значит – что особо существенно в практическом отношении – под углом зрения тех юридических механизмов и правовых средств, которые способны перевести устанавливаемое законом правовые положение людей, их юридические возможности (юридически должное и возможное) в плоскость социальной реальности[1].

По своему смыслу право человека в объективном значении включает в себя права человека непосредственно в субъективном значении.

В целом под правом отнесенным к человеку, то есть непосредственно под правом человека, понимается все то, что связано с ним: 1) то, что порождается самим человеком как субъектом права; 2) то, что порождается обществом, элементом которого является человек; 3) то, что предлагается человеку, относится к нему непосредственно и то, что имеет для него существенное значение.

Право человека выступает в качестве некого культурного феномена, так как является результатом всех форм правовой жизни (международной, общественной, групповой, индивидуальной).

Индивидуальное право в общем понимании представляет собой право человека, но уже в индивидуализированном виде как форму существования права, а также как специальный механизм реализации общественного или группового права.

Право как таковое до момента его реализации носит абстрактный характер, а процесс реализации права непосредственно отдельным субъектом превращает его в индивидуальное право. Индивидуальное право создается самим человеком, поддерживается им и непосредственно исходит от него, образуя собой

[1] См.: Право человека как категория объективного: [Электронный ресурс] // Инфопедия. М., 2018. URL: https://infopedia.su/18xb7.html (дата обращения: 21.05.2018).

совокупность объективного и субъективного права в их непосредственном понимании.

На мой взгляд, можно выделить некоторые признаки индивидуального права:

1. Индивидуальное право – право конкретной личности, конкретного индивида. Данный признак отображает, что индивидуальное право исходит от конкретного человека, а не от общества в целом, выражая при этом как его личные интересы, так и интересы общества;

2. Индивидуальное право ситуативно, то есть не является неотъемлемой частью индивида, а возникает и существует лишь в конкретных правоотношениях;

3. Индивидуальное право возникает в зависимости от самостоятельной установки самого индивида, посредством реализации его выбора, свободы и права, его воли, но опираясь при этом на сформированные нормы поведения и устоявшиеся правила поведения, которые стали нормами;

4. В большинстве случаев индивидуальное право проявляется как форма привилегии, обособленности субъекта. Здесь категория индивидуального права в большей степени проявляется как субъективное право, чем как право объективное;

5. Индивидуальное право проявляет признак субъективного права именно в том, что его реализует отдельный субъект.

Анализируя указанные признаки индивидуального права особо отметим следующее: индивидуальное право сочетает в себе право как в объективном, так и в субъективном смысле, что также проявляется и в структуре индивидуального права.

К элементам, составляющим структуру индивидуального права, непосредственно относят:

1. Сферу субъективных возможностей, под которой предлагается понимать такую область деятельности индивида, которая ограничена субъективными правами и основано на наличии у каждого отдельного индивида конкретных потребностей.

2. Сферу дозволенного – объективное право, то есть то, что существует как некое явление, практически не зависящее от воли конкретного субъекта, выступающее в качестве регулятора общественных отношений.

3. Сферу правового долженствования – включает в себя также некую норму, правило должного поведения, установленное нормативными документами и выступающее как обязанность конкретного индивида в конкретных правоотношениях.

Стоит помнить о том, что объективное право представляет собой закрепление норм субъективного права.

Однако, говоря о таких категориях как право человека и индивидуальное право, нельзя упустить такой элемент, как индивидуальная правовая жизнь, который неразрывно связан с рассматриваемыми категориями.

Индивидуальное право является результатом индивидуальной правовой жизни, под которой следует понимать комплекс и совокупность определенных процессов обмена между людьми и средствами правового взаимодействия, к которым относятся притязания, признания, услуги, возмещения, компенсации, обещания, обязательства и так далее. Иными словами, индивидуальная правовая жизнь – это взаимодействие, осуществляемое путем предъявления требований к другим с целью удовлетворения своих потребностей и интересов, где особо важную роль играют такие категории как ценности и чувства. Особенность индивидуальной правовой жизни заключается в наличии определенных пространственно-временных пределах самого индивидуального права.[1]

Таким образом, рассмотрев такие категории как право человека, индивидуальное право и индивидуальную правовую жизнь, необходимо сделать вывод о неразрывности и взаимосвязи рассматриваемых понятий. Право человека является неотделимым от самого человека и непосредственно относится к нему, выражаясь в индивидуализированном виде, порождая так называемое индивидуальное право, которое является непосредственным результатом индивидуальной правовой жизни.

[1]Шавлохова З. К. Свойства индивидуальной правовой жизни // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svoystva-individualnoy-pravovoy-zhizni (дата обращения: 30.05.2018).

Боджолян Альберт Арутюнович,
слушатель Краснодарского университета
МВД России

ВОЛЯ, СИЛА И ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ

На современном этапе сущность права представляет собой устойчивую, качественную характеристику права, непосредственно отражающую природу и его назначение в жизни общества. Воля предполагает сознательно- психологическое регулирование индивидом своего поведения на основе свободы выбора. Одни из отечественных ученых, относят волю к сущности права и связывали их прямым образом. Например, А.Я. Вышинский указывал что право – это совокупность правил, которые выражают волю высшего властного класса[1]. Но на данный момент не является возможным согласиться с полным замещением категории сущность права на такую категория как воля. Это связано прежде всего с тем, что существует такой аспект как выражение при осуществлении правотворчества, непосредственно «общей воли», но и это по своей природе будет являться фикцией, поскольку любой закон, являясь социальным компромиссом, будет отражать в себе совокупность воли различных категорий граждан общества. По этому поводу Е.Н. Трубецкой писал, что нет и не будет такой нормы права, которая действительно смогла бы отражать общую волю каждого из граждан государства, ведь в любом государстве есть такая категория граждан, которая в силу слабоумия или недостаточного возраста не сможет выразить свою волю[2]. Таким образом, исторический опыт позволяет свидетельствовать о том, что право является носителем воли властвующей категории, но факт опасения общественного негодования и утраты доверия, вынуждает их считаться с волей и интересами подвластных граждан.

Проблемы соотношения права и силы является основополагающей для каждой мировой мысли и практической реализации, связанно это прежде всего с масштабами и темпами интеграции и

[1] См.: Малахов В.П. Теория государства и права / В.П. Малахов, И.А. Горшенева, А.А. Иванов. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2016. 160 с.

[2] См.: Исаков В. Теория государства и права / В. Исаков. М.: Юрайт, 2016. 765 с.

унификации мирового общества, которая увеличивает плотность межрегиональной и межгосударственной коммуникации, путем осуществления углубления их взаимосвязанности и взаимозависимости. Доктрины политических, философских и юридических учений предлагают различное истолкование соотношения права и силы, указывая на их сближение. При этом необходимо заметить, что понятие силы лежит всегда в реальном ряду, а право по своей сущности не находит место в реальном ряду и является по большей части конструктивным, то есть лежащим в основе.

Рассматривая силу с обычной натуралистической точки зрения, указывают, что по отношению к конкретным вещам и предметам применяемое свойство, обладает конкретной реальной способностью эмпирически реальных вещей[1]. Таким образом, сила сама по себе не является чем-то реальным, но является тем самым понятием, которое по сути применяется только к тому, что само чувственно-реально. Сила определяется как способность, которая остается чисто в потенциальном состоянии или же уже в осуществляющейся данной способностью. Следовательно, необходимо указать на тот факт, что для определения сближения понятия права с понятием силы, важным является относить данный аспекты к одной категории состояний, то есть определять право к онтологическому ряду, чтобы оно само собой становилось реальным, поскольку оно должно мыслиться как реально существующее во времени.

Тем самым, определяя соотношение воли, силы и права, взаимозависимость этих трех понятий, важно убедиться в том, что воззрение в своей сущности подкапывает под корни само понятие права, то есть если само право сводится к силе, то в обществе должны отсутствовать обязательства правил поведения, которые бы исходили из воли сильнейшего и тогда граждане обязаны подчиняться нормам права лишь до тех пор, пока они не будут иметь достаточной силы чтобы сопротивляться[2]. Если право полностью отражает силу, то всякий имеет право насколько он имеет силы. Однако, нельзя забывать, что такие предположения

[1] См.: Комаров С.А. Теория государства и права / С.А. Комаров. М.: Норма, 2017. 785 с.

[2] См.: Старков О.В. Теория государства и права / О.В. Старков, И.В. Упоров. М.: Дашков и Ко, 2017. 372с.

по своей сути приводят к полнейшему отрицанию права, поскольку одна из основополагающих сторон права заключается в отрицании произвола, поскольку те, кто прямым образом пытается свести право к силе и к воле чаще всего подразумевают не всякую силу, а только определенный род силы, а именно ту, которая господствует над людьми. Правовой аспект характеризует право, как силу, говоря о существовании юридических норм, обусловленных существованием власти способную принуждать людей, исполнять установленные нормы и правила. В таком виде теории силы, воли и права ничем не отличаются от теории принуждения, но нельзя забывать, что право и сила, являются атрибутами любого государственно-организованного общества. Основой такого общества является правопорядок, который служит результатом действия права, а право есть средство принуждения, и оно эффективно лишь тогда, когда опирается на силу, но это не должно исключать добровольного соблюдения договоров и иных норм права. Праву следует быть результатом социальной воли, его составляющей не должно являться насилие, волю и силу властвующих классов необходимо проявлять в справедливом праве, придавать ему разумное применения для установления правопорядка.

Куценко Екатерина Александровна,
слушатель Краснодарского университета
МВД России

К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИИ КАК ИДЕАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Само понятие демократии возникло еще в Античности, в связи с чем принято считать, что оно произошло от сложения греческих слов «demos», означающего народ и «krátos» – власть. Однако, те, кто озадачит себя буквальным переводом этого древнегреческого слова как «власть народа», неприятно удивится, обнаружив, что в античную эпоху демократия означала, прежде всего, процедуру делегирования своих прав, а отнюдь не безбрежное народовластие, при этом в условиях рабовладения. В

наши дни под демократией подразумевают результат высокоорганизованного общества, которое стремиться к равенству всех, что трансформируется путем прямого участия народа в осуществлении власти или его участия через предстателя (выборного). Отсюда вытекают такие виды демократии как прямая и представительная. Прямая демократия- это вид демократии, когда граждане непосредственно участвуют в принятии решений, путем участия в выборах, референдумах, собраниях. Представительная демократия представляет собой ведущую форму политического участия граждан в современных политических системах, когда решения принимают представители, которым народ делегировал свои права, к ним относят депутатов всех уровней, а также губернаторов и президента государства (всех выборных лиц государства). Таким образом, данный политический режим предполагает реализацию желаний народа, дает ему свободу выбора условий собственной жизни и т.п. Однако о какой свободе выбора можно говорить, если например, одним из негласных принципов демократического режима является «следование за выбором большинства», то есть государством утверждается лишь, то за что проголосовало большее количество людей без учета мнения меньшинства. Как справедливо писал Платон: демократия – это лишь правление многих. Кроме того в итоге выбора народом власти формируется бюрократический слой, состоящий из выбранных народом представителей, реализующих власть.

К сожалению, в современном обществе демократия рассматривается как панацея от назревших и не решавшихся десятилетиями проблем. И ища спасение в таком политическом режиме как демократия, возможно, мы заблуждаемся, так как еще Аристотель писал, что демократия – это неправильная форма правления, после которой следует только разрушение. Согласно Полибию, демократия представлялась как олицетворение декаданса и разложения. Полибий считал, что демократия неизбежно вселяет господство силы, начинают совершаться убийства, изгнания, переделы собственности и т.д. Народ поначалу пользуется свободами, но потом теряет их под влиянием некоторых предприимчивых людей. После чего демократия трансформируется в тиранию. В подтверждение мнения Полибия относительно демократии, приведем пример двух кровопролитных войн прошлого столетия.

Пацифисты и изоляционисты утверждали, что первая Мировая война, в которой сражались за то, чтобы расчистить мир для демократии, принесла лишь фашизм; вторая же Мировая война – даже в случаи победы демократов, по их мнению, должна была сделать весь мир фашистским. Какая бы судьба ни была нам уготована будущим, мы видим в ретроспективе, что мрачные предсказания этих кассандр не в полной мере сбылись – во всяком случае, в отношении демократических практик.

Американским политологом А. Пшеворский демократия понимается, как система упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности[1] и, к сожалению, пока это высказывание соответствует существующей действительности, так как споры вокруг понятия «демократия», пока не привели к конкретному решению проблемы, а именно реализации желаний народа.

Но тенденции развития гражданского общества не позволяют отказываться от идеи демократии, так как некоторые институты данного политического режима позволяют учитывать сложившуюся обстановку в обществе и учитывать желания граждан. С помощью таких институтов непосредственной демократии, как опросы граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, правотворческая инициатива, публичное обсуждение и общественная экспертиза законопроектов появляется возможность определить необходимые направления действия государства, которые требует общество. Кроме того адекватное и своевременное реагирование на инициативы и обращения граждан может положительно влиять на формирование правового государства и в перспективе способствовать формированию гражданского и социального общества, способствовать развитию правосознания населения. Л. Ю. Грудцына справедливо отмечает, гражданское общество развивается не только благодаря внутренним источникам саморазвития, но и во многом при определенной поддержке государства, с использованием государственно правового механизма, который состоит в создании бла-

[1]Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.С. 31.

гоприятных правовых, организационных, материальных и иных условий для граждан государства[1].

Таким образом, такой политический режим как демократия не является идеальным и не может отвечать условиям правления современных государств, но использование некоторых его институтов может способствовать развитию осознанного общества, процветанию социального государства и гражданского общества.

Назарова Виктория Андреевна,
слушатель Краснодарского университета
МВД России

ПРАВО КАК СОБСТВЕННОЕ И КАК ВЛАСТЬ

Понимание категории право далеко неоднозначно и содержит различные подходы. Многие исследователи определяют право, как принципиально социальную категорию, кооперативную, заключающееся в непосредственном взаимодействии людей в обществе, при этом исключая замкнутости на конкретном индивиде. Право в более широком смысле включает в себя не только правила поведения, закрепленные государством, представляющие собой государственное позитивное право, но и многие другие нормы, которые непосредственно естественным образом сформировались в обществе в процессе его развития. В настоящее время право представляется как сложная система, сочетающая в себя государственные и общественные нормы, регулирующие поведение элементов общества в общественных отношениях.

Право может рассматриваться как объективное и субъективное. Объективное право, также называемое собственно правом, – это система общеобязательных, формально определенных юридических норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством, и направленных на урегулирование общественных отношений[2].

---

[1] Грудцына Л. Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России : авто-реф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2009. - С. 4.

[2] Национальная юридическая энциклопедия: [Электронный ресурс]. М, 2018. URL: http://determiner.ru/termin/pravo.html (дата обращения: 24.05.2018г.).

Однако, на мой взгляд, собственное право должно пониматься как «объективированное субъективное право», то есть такое право, когда конкретный человек, используя определенные объективные права, регламентируемые и предоставленные государством, и имея субъективные возможности, делает выбор, реализовывать эти возможности или нет. Другими словами, собственное право в моем понимании – это выбор реализации или не реализации возможности воплощения субъективных возможностей в реальность путем придания им видаобъективного права. Таким образом, собственное право приобретает характер личного права, которое мы можем реализовывать или не реализовывать, исходя из собственных интересов и воли.

Однако, кроме так называемого собственного права, которое зависит от субъективных прав конкретного индивида, считаю нужным рассмотреть право как власть, то есть право, которое реализуется не конкретным человеком, а дается ему, оказывая определенное влияние.

Существует достаточное количество теорий и исследователей, которые придерживаются тождественности понятий право и власть.

По моему мнению, власть является основным непосредственным условием существования права, без которого действие права не представляется возможным, так как последнее устанавливается властью, то есть государством. Однако, стоит отметить, что если право без власти существовать не может, то власть достаточно хорошо может справляться без права, что будет проявляться в виде произвола, с которым право никак не может быть совместимым.

Сущность любого государства заключается в проявлении власти по отношению к населению. Власть предполагает управление, способ воздействие на население в целях обеспечения нормального функционирования политической организации общества, именуемой государством. Власть представляет собой сложный социальный феномен, определяющий структуру общества, правила поведения людей, само существование человека[1].

[1]Абдулазизов Т. Г. Власть как политическое основание права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-kak-politicheskoe-osnovanie-prava (дата обращения: 31.05.2018).

Власть имеет непосредственное отношение к возникновению права в государстве и обществе, а также ко всему процессу существования права.

Да, у конкретного субъекта имеются субъективные возможности, которые он имеет право реализовывать, но лишь в тех случаях это будет законно, когда власть обеспечивает нам существование конкретного объективного права на осуществление своей субъективной возможности.

Из вышесказанного следует сделать простой, но очень важный вывод: даже если существует какая-либо потребность воплощения в реальность субъективных возможностей, это не будет являться законным при отсутствии на то определенных властью объективных прав, а соответственно повлечет за собой определенные негативные последствия в виде какой-либо меры принуждения.

Таким образом, с одной стороны право как власть может воздействовать на право как собственное и влиять на него, а с другой стороны право собственное, имея возможность перерастать предоставленные государством границы, может влиять непосредственно на формирование права как власти.

Однако, мы знаем, что во всех отраслях жизнедеятельности человека существует одна и та же по своей суть проблема, которая лишь интерпретируется в зависимости от той сферы, в которой употребляется и звучит она следующим образом: потребности человека не ограничены, а ресурсы ограничены.

Применительно к рассматриваемой мною теме следует сказать о том, что в какой-то момент времени происходит «перехлест» субъективных (собственных) прав, то есть непосредственно субъективные потребности человека перерастают ту грань, которая определена объективными правами, установленными государством. Выражается это в том, что уже значительно большему количеству людей хочется значительно больше того, что имеется и что дозволено объективным правом, которое определяет власть. Как правило, во избежание возникновения конфликтных ситуаций, которые в дальнейшем могут перерасти в нечто более серьезное и страшное, чем просто конфликт, власть приходит к тому, что появляется необходимость менять свою политику мирным

или не очень мирным путем (в зависимости от масштаба конфликта).

Несомненно, что власть посредством предоставления новых объективных прав придет к тому, что снова добьется упорядоченности организации общества, индивид сможет расширить круг своих субъективных возможностей, однако, стоит помнить о том, что вслед за новыми возможностями всегда следует масса новых обязанностей, возлагаемых непосредственно на субъекта права.

Рассмотрение данной темы позволяет сделать вывод о том, что непосредственно право возникло и существует как необходимость ограничения произвола со стороны государства. Однако, если проанализировать мировую практику в области прав и свобод граждан, то можно увидеть, что зачастую право становится не целью деятельности власти, направленной на улучшение жизнедеятельности общества и расширение их субъективных, а тактикой и средством той самой политической власти в негативном смысле, которая посредством формирования новых обязанностей ограничивает ранее предоставленные субъективные права.

Таймез Лейла Аслановна,
слушатель Краснодарского университета
МВД России

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии с современными общественными воззрениями о праве и его роли в государстве и социуме формируется отчасти идеалистичное преставление о природе первого. Однако на деле мы видим, что высокая степень интеграции, информатизация, всеобщая гуманизация, ввиду возросшей общественной толерантности и провозглашения прав и свобод человека в качестве высшей ценности, сталкиваются с сформировавшимися устоями в работе государственного аппарата, борьбой политического общества за власть и против оппозиции, с традиционными формами правления и организации власти, а также сформировавшимся

менталитетом населения каждой отдельной страны. Таким образом, получается, что категория «право» ввиду общих тенденций развития общества приравнивается к категории «права человека». Но так ли это на самом деле? Есть ли необходимость в отождествлении этих двух понятий? И если да, то возможно ли на практике воплощение такого рода концепций?

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо определиться, что понимается под такими категориями как «право» и «права человека».

Еще в 1938 г А. Я. Вышинский предложил определить право как «совокупность правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»[1]. М.Н. Марченко также полагает, что «в праве выражается прежде всего воля властвующих. Однако последние, опасаясь негативных социальных последствий, вынуждены считаться с волей и интересами подвластных». Хочется отметить, что эта концепция видится довольно органичной с позиции Российского «государства-театра», где формально провозглашен приоритет прав человека, а реально – приоритет интересов государственного аппарата. Марксу, Ф. Энгельсу, В.И. Ленину принадлежит сходная концепция о том, что право – это возведенная в закон воля господствующего класса.

Ссылаясь на С.Н. Кожевникова, авторы учебника под редакцией А.И. Бастрыкина, М.М. Рассолова говоря от основном назначении права считают, что для того «чтобы оно было наиболее эффективным социально-нормативным регулятором, определителем возможного и обязательного поведения индивидов и организаций; оно должно быть действительным гарантом свободы, равенства и справедливости в обществе и, соответственно, госу-

[1] Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / Под ред. А.И. Бастрыкина, М.М. Рассолова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. С. 141.

дарственным критерием правомерно дозволенного или недозволенного поведения»[1].

Однако, больший интерес для изучения представляют те концепции, которые не рассматривают право «однобоко». К примеру, Р.З. Лившиц выделяет три основных подхода к правопониманию: нормативный (право – нормативные акты, в которых закреплены правила поведения людей), нравственный (право – определенные гуманные идеи и принципы), социологический (право – отношения, сложившиеся в обществе).[2] Один из выдающихся ученых-правоведов С.С. Алексеев отмечал, что термин «право» многозначен и охватывает ряд различных, подчас разноплоскостных явлений (моральное право, право как система общеобязательных юридических норм, права человека и т.д.).[3]

Таким образом, к настоящему времени сформировался довольно массивный пласт концепций, а также предприняты попытки их систематизации. На фоне изученного материала можно сделать вывод о том, что понимание права будет зависеть, в первую очередь, от субъекта исследования, т.е. его правовой психологии, правовой идеологии государства в конкретный исторический период (и, соответственно, его отношения к этой идеологии), а также способности субъекта исследования непредвзято оценить «возможности» построения концепции в рамках определенного государства с учетом его традиций и менталитета.

Категория «права человека» в теории права является более определенной, но не менее спорной. В.П. Малахов, к примеру, определяет права человека следующим образом: «Права личности (человека) – это определенные «свойства и особенности бытия личности», которые являются необходимыми способами и условиями ее жизни в соотнесении друг с другом участников общественных отношений в различных сферах жизни, минимально гарантированными государством». А также отдельно определяет понятие «свободы человека» как «его права «от природы присущие», на которые государство и общество должны ориентиро-

[1]Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / Под ред. А.И. Бастрыкина, М.М. Рассолова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. С. 143.

[2] Лившиц Р. З. Теория права. Учебник – М.: Издательство БЕК, 1994. – 224 с.

[3] Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 75.

ваться и максимально их обеспечивать и всячески защищать». Из данного определения мы видим, что: 1) В.П. Малахов отождествляет понятия «человек» и «личность» и 2) разделяет понятия «права человека» и «свободы человека».

Чтобы сформировать обоснованное мнение на этот счет, необходимо обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова, в котором указано, что: человек – это «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда»[1], а личность – это «человек как носитель каких-н. свойств»[2]. Отсюда следует, что В.П. Малахов не относит права человека к категории естественных прав, т.е. прав, «обусловленных природой человека»[3], а «наделяет» человека правами только при условии, что он обладает определенными свойствами, чего не скажешь о его свободах. Н. К. Краснослободцева же разделяет данные понятия в другом ключе. В своей статье о соотношении понятий «свобода» и «права человека» она указывает, что: «Принцип свободы можно раскрыть с содержательной стороны. Содержательная определенность свободы – это выделение сферы деятельности человека, в которой проявляется его самостоятельность, автономность (свобода мысли, слова, вероисповедания, передвижения, труда и др.) и количественная характеристика полноты свободы, которая раскрывается через полномочия субъектов и пределы их осуществления», а «права человека – это признанные и гарантированные государством возможности действий (правомочия) человека в конкретно указанной сфере. Смысловая нагрузка категории «право» в данном контексте состоит в предоставлении определенного социального блага. Нередко термином «свобода» обозначаются более широкие возможности индивидуального выбора без указа-

[1] С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL:http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-38507.htm (дата обращения: 30.05.2018)

[2]С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL:http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-14418.htm (дата обращения: 30.05.2018)

[3]Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / Под ред. А.И. Бастрыкина, М.М. Рассолова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. С. 144.

ния на его конкретный результат».[1]Существует и третье направление, согласно которому понятие «свобода» трактуется как особый вид права. Так, М.С. Строгович подчеркивал, что «свобода – это тоже право, именно право совершать определенные действия, право свободно располагать собою, своими поступками»[2]. В качестве доказательства он приводит следующий пример, на который обращает внимание Н.К. Краснослободцева: «Свобода слова. Что такое свобода слова? Это право гражданина свободно выражать свои мысли, мнения и убеждения». В подтверждение его слов она указывает что, в Конституции РФ свобода трактуется через понятие «право». Более того, в действующей Конституции РФ термин «свобода» в различных интерпретациях использован 56 раз[3], причем законодатель, не делая существенных отличий в определении терминов «права» и «свободы», уравнивает их в своих юридических гарантиях. Таким образом мы видим прочную взаимосвязь между категориями «права человека» и «свободы человека». По нашему мнению, объединение этих категорий необходимо. Соглашаясь с позицией В.С. Нерсесянца о том, что права человека даже после их официального признания и закрепления (во внутригосударственном и международном праве) остаются естественными правами, радикально отличными от позитивного (официально-властного, государственного, волеустановленного) права[4], соглашаясь с М.С. Строговичем о том, что свобода – это тоже право человека на определенные действия, обусловленные его природой, а также принимая во внимание, что во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Конституции РФ и ряде других нормативных правовых актов отсутствует разграничение понятий «права» и «свободы» человека и во избежание бессмысленного изменения большого количества нормативных

[1]Краснослободцева Наталия Кузьминична Соотношение понятий «Свобода» и «Права» человека // Ленинградский юридический журнал. 2014. №4 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-svoboda-i-prava-cheloveka (дата обращения: 31.05.2018).

[2]Строгович М.С. Проблемы теории права // Избр. тр.: в 3 т. / отв. ред. С.Н. Братусь. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 224.

[3]Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 189.

[4]Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5. С. 90.

актов, предлагаем объединить понятия «права человека» и «свободы человека», признав их естественными и неотъемлемыми, с той лишь оговоркой, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», т.е. до нарушения одним субъектом естественных прав другого субъекта.

Исходя из вышеизложенного важно отметить, что: 1) единого определения категории «право» нет и быть не может, так как право действительно содержит в себе множество «разноплоскостных явлений». Поэтому, максимально объективизируя представление о праве, можно говорить только в ключе «право отдельного государства в конкретный исторический период»; 2) «права человека», к чему склоняются и большинство ученых правоведов, неотделимо от понятия «свобода человека» и относятся к категории естественных прав, т.е. прав, обусловленных его природой и социально естественной средой (стоит отметить, что мы говорим о развитых странах, неприемлящих «права человека» как сословные права, т.е. как права, разные для разных сословий).

Определившись с представлением о праве и правах человека, следует поговорить об их соотношении. Следует отметить, что учеными-правоведами неоднократно предпринимались попытки соотношения вышеуказанных категорий. Ю. В. Анохин и С.А. Воробьева в статье «О праве и правах человека в теории правопонимания» пишут, что: «Права человека – это необходимый, неотъемлемый и неизбежный компонент всякого права, определенный аспект выражения сущности права. Право без прав человека так же невозможно, как и права человека вне права. Таким образом, права человека соотносятся с правом как часть и целое»[1]. Профессор А.В. Поляков полагает, что право – это и есть права человека, но права, которые существуют не сами по себе, а оказываются связанными и с правовыми обязанностями, и с правовыми нормами, и с правовыми текстами в рамках рекурсивной системы правовых коммуникаций.[2]

[1] Анохин Ю. В., Воробьева С. А. О праве и правах человека в теории правопонимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. №3 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prave-i-pravah-cheloveka-v-teorii-pravoponimaniya (дата обращения: 29.05.2018).

[2] Права человека: вопросы теории и истории // Правоведение. 2004. № 3. С. 24-28.

Изучив данную проблему мы приходим к выводу, что отождествление понятий «право» и «права человека» возможно при условии восприятия «права» с позиции его сущности, его природы. Право невозможно без человека и его взаимодействия с другими людьми, право невозможно без объединения людей и их отделения друг от друга. Право невозможно без попытки «господствующего класса» искусственно расширить свои «права и свободы» (в силу, опять же, естественной потребности к доминированию), как и не возможно без «восстановления социальной справедливости» и отстаивания свободы личной. Есть ли необходимость в отождествлении этих двух понятий? По нашему мнению, существует не столько необходимость «в отождествлении», сколько «в соотношении». Именно «соотношение» данных понятий будет являться своего рода «лакмусовой бумажкой» для определения ориентированности государства не на выражение «воли господствующего класса», а на человека, его права и свободы.

Возможно ли на практике воплощение такого рода концепций? Если мы говорим о воплощении «на практике», то речь идет уже не о восприятии «права» с позиции его «сущности» или «природы». Концепция «права» открывается уже с позиции воплощения в материальном мире, т.е. не как естественное право, являющееся сущностью всего, а как позитивное право, выраженное в законодательстве и обеспеченное силой государственного принуждения. В таком ключе уже нельзя подразумевать тождество «права» и «прав человека».

Содержание

Карнаушенко Л.В. Правовая идеология российского общества: современное состояние и перспективы…….. 3

Карнаушенко Л.В., Палазян А.С. Развитие конституционно-правовой культуры российского общества 1990-х годов в контексте проблемы правового менталитета…… 11

Ломакина И.Б. Проблема понимания коллективных прав (на примере этнических сообществ)…… 19

Сидоренко Н.С., Шувалов Н.В. Трудовые общественно-полезные практики студенческой молодежи вузов в 1985–1991 годах: от традиции к ее отторжению (на материалах Челябинской области)…… 31

Упоров И.В. Российская уголовно-правовая мысль и позиция законодателя по вопросу об общественной опасности как признаке преступления в Российской Империи XIX – начала XX века……... 38

Упоров И.В., Курдюк Г.П. Юридическая ответственность муниципальных депутатов за неисполнение депутатских обязанностей……... 43

Нарыкова С.П., Чуприна Ю.В. Гражданское общество как предмет теоретико-правового исследования…… 49

Безуглов С.В. К вопросу о понятии конституционного права как отрасли права……. 55

Грицай В.В. Миграционные процессы в Российской Империи в пореформенной период…….. 61

Курдюк Г.П. К вопросу о понимании государственного финансового контроля……... 66

Швец А.А., Трикоз Е.Н. Правовой плюрализм и проблема признания аборигенного права в Австралийском Союзе…….. 69

Абдулатипов А.М. Об основных причинах вовлечения граждан в террористическую и экстремистскую деятельность (на примере республики Дагестан)……... 73

Архиреева А.С., **Никитина П.С.** Контрольно-надзорная функция государственной власти и роль финансового контроля в ее осуществлении…… 86

Дергилева С.Ю. Предмет и задачи науки административного права в трудах Отто Майера……... 90

Стоцкий А.П. Ограничения свободы передвижения по гендерному признаку: опыт реализации в государствах различных правовых семей……... 95

Урумов А.В. Современная трактовка законности: понятие, сущность и содержание……. 103
Досакаев А.Б., Доронкина Е.А. Формы и методы политической социализации молодежи: пути повышения электоральной активности современной российской молодежи... 110
Канкулов А.Х. Особенности норм, определяющих права, свободы, законные интересы лиц, находящихся в учреждениях для принудительного содержания органов внутренних дел…….. 116
Чукаев Т.О. Государство и общество – факторы социального регулирования в российской истории (в контексте концепции «общественного права» В.Н. Лешкова)…… 121
Абдуллоев А.Р. Правовые принципы деятельности милиции – структурного элемента правоохранительной системы современного Таджикистана……. 128
Геворкян А.И. Полицейская система как субъект обеспечения внутренней безопасности государства, прав и свобод личности…….. 133
Егоров Н.Ю. Соблюдение прав и свобод личности – обязанность органов, осуществляющих властные полномочия (опыт анализа теоретического наследия И.Т. Тарасова)…… 139
Егоров Н.Ю. Представления о социальной сущности государства в западноевропейской полицейско-правовой теории XVIII–XIX веков в оценке И.Т. Тарасова…… 145
Засовенко А.Ю. Женщины на службе в милиции в условиях военного времени…… 152
Карпов И.Ю. Государственное принуждение: опыт характеристики социоюридического феномена…….. 159
Козинникова Е.Н. Режим исключительного положения как средство обеспечения внутренней безопасности в оценке российских государствоведов конца XIX – начала XX века……. 163
Кравец И.А. Организационно-структурные преобразования военного воздухоплавания в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.)…….. 175
Кравец С.А. Организация и деятельность Новороссийской милиции (июнь-август 1918 года)…… 181
Кудрявцев И.В. Войска национальной гвардии Российской Федерации: особенности участия в правоотношениях……. 187
Лавринович К.И. Реализация правоохранительной функции правовым государством в контексте анализа его признаков…… 195
Матвеев А.В. Нормативно-правовые основы борьбы с государственными преступлениями в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века……. 202

Перлик М.И. ГУЛАГ в карательной системе советского государства: создание и политико-правовая характеристика…… 211
Понкратова И.Е. Теоретические основы анализа коррупции как угрозы правопорядка……... 216
Тарасов Н.К. «Принуждение»: толкование понятия в энциклопедиях и справочниках юридической и неюридической литературы второй половины XIX – начала XX века……. 225
Ястребова Ю.И. Организационно-правовые аспекты устройства Ейской таможни в Кубанской области во второй половине XIX века……. 231
Бобровская А.В. Право человека как индивидуальное право и как право, отнесенное к человеку……... 236
Боджолян А.А. Воля, сила и право: особенности понимания……... 240
Куценко Е.А. К вопросу о демократии как идеальном политическом режиме современных государств…… 242
Назарова В.А. Право как собственное и как власть…….. 245
Таймез Л.А. К вопросу о соотношении права и прав человека……... 248

Научное издание

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сборник научных статей

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1409-8

Подписано в печать 03.12.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ 740.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.